

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3

Май — Июнь

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першин**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора)

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19^а

Л. М. Д р о б и ж е в а

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТАТАРСКОЙ АССР)

Практика коммунистического строительства выдвигает задачи дальнейшего совершенствования управления и планирования. В таком многонациональном государстве, как СССР, успешное решение этих задач невозможно без учета региональных и национальных особенностей. В резолюции XXIV съезда КПСС говорится: «Необходимо и впредь неуклонно проводить ленинский курс на укрепление Союза Советских Социалистических Республик, исходя из общих интересов Советского государства, а также учитывая условия развития каждой из образующих его республик, последовательно добиваясь скорейшего расцвета всех социалистических наций и их постепенного сближения»¹.

В последние годы в связи с более глубоким исследованием национальных проблем заметно вырос интерес к изучению межличностных национальных отношений, в которых выражаются реальные итоги утверждения интернационализма как системы взглядов и норм поведения людей. В то же время такое внимание объясняется заинтересованностью коммунистической партии в регулировании национальных отношений на основе научного обобщения конкретного опыта.

Пока есть лишь несколько работ в области изучения личностных национальных отношений. В литературе уже поставлены на представительном материале вопросы о значимости ряда социально-экономических и социально-культурных условий, определяющих национальные взаимоотношения, о типах сохраняющегося у некоторой части населения национального предубеждения², о влиянии этнической среды³, характера и длительности контактов⁴, возможности применения математических методов для анализа факторов, обуславливающих национальные отношения⁵, о причинах многообразия национальных убеждений⁶.

¹ «Резолюция XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза по отчетному докладу Центрального Комитета КПСС», «Правда», 10 апреля 1971 г., стр. 4.

² См. Ю. В. А р у т ю н я н, Опыт социально-этнического исследования, «Сов. этнография», 1968, № 4; его же, Конкретно-социологическое исследование национальных отношений, «Вопросы философии», 1969, № 12; О. И. Ш к а р а т а н, Этно-социальная структура городского населения Татарской АССР, «Сов. этнография», 1970, № 3, стр. 12—15.

³ Ю. В. А р у т ю н я н, Конкретно-социологическое исследование национальных отношений.

⁴ См. Л. М. Д р о б и ж е в а, О социальной однородности республик и развитии национальных отношений в СССР, «История СССР», 1967, № 1.

⁵ В. Г о в о р у щ е н к о, Л. В ы х а н д у, Ю. Х а х к, А. К э л а м, Опыт применения корреляционного и факторного анализа в социологическом исследовании национальных отношений, «Информационный бюллетень» (Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований), М., 1968, № 9, стр. 52—59.

⁶ А. И. Х о л м о г о р о в, Интернациональные черты советских наций, М., 1970, стр. 199—202.

На отношение людей к межнациональным контактам влияет сложная совокупность объективных и субъективных факторов: общие условия, определяемые экономической и социально-политической обстановкой в стране; конкретные обстоятельства жизни человека (место проживания, национальная среда производственного коллектива и т. д.), личностные характеристики, индивидуальный опыт человека.

В данной статье сделана попытка рассмотреть влияние социально-культурных особенностей личности на национальные ориентации и установки людей.

Материалом для изучения явились результаты этно-социологического исследования в Татарской АССР, проведенного сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР, и некоторые итоги экспериментальных опросов населения по нашей методике в Белоруссии, на Украине, в Казахстане⁷.

В. И. Ленин писал: «...Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальные личности, из действия которых и складываются эти отношения»⁸.

Таким образом, в индивидуальном обнаруживается нечто всеобщее, присущее целой социальной совокупности. К таким типологическим особенностям личностей относятся половозрастные, а также особенности, связанные с уровнем образования, со спецификой социально-профессиональной деятельности, с участием в общественно-политической жизни. Кроме того, личность характеризуют также такие факторы, как мировоззрение, ориентация, специфика личного опыта, которые мы попытаемся рассмотреть в связи с межличностными национальными отношениями⁹.

В нашем исследовании национальные ориентации выяснялись через изучение установок. В психологической и социально-психологической литературе под установками понимается «готовность к действию» по поводу той или другой конкретной ситуации.

Прежде чем действовать, человек осмысливает цели, последствия поступка, ищет аналогии из своего предшествующего опыта, пытается учесть реакцию окружающей среды. Кроме того, на выработку решения оказывает влияние и психическая predisположенность индивида (оценивая возможное действие, мы переживаем его эмоционально). Так формируются установки. Они возникают на основе убеждений, взглядов, представлений, мнений. Установка включает в себя определенный эмоциональный настрой и некоторый поведенческий момент — готовность (желание) действовать практически.

Под национальными установками имеются в виду установки человека на то или иное поведение при межнациональных контактах в конкретной ситуации (например, на работе, в семье и т. д.).

Для того, чтобы выявить установки, проектируют реальные ситуации, к которым человек должен выразить или уже выразил свое отношение.

Изучение национальных установок было лишь одной из задач проведенного в Татарской АССР исследования. Приходилось поэтому ограничивать число возможных ситуаций, в которых проявляются национальные установки, отбирать среди них наиболее значимые.

⁷ О программе, методологии и технике этих исследований см.: Ю. В. Арутюнян, Указ. работы; О. И. Шкаратан, Указ. раб.; Л. М. Дробижева, О сближении уровней культурного развития союзных республик, «История СССР», 1969, № 3. Пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность всем товарищам, оказавшим помощь в организации исследования, и особенно Обкому КПСС и Обкому ВЛКСМ Татарской АССР.

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 424.

⁹ В методологическом отношении при выделении личностных особенностей мы опираемся на подход, разработанный В. А. Ядовым и А. Г. Здравомысловым в кн.: Человек и его работа, М., 1967, гл. IV.

Исходя из опыта отечественных и зарубежных исследований, мы выделили следующие ситуации: 1) производственный коллектив, в котором работают люди разных национальностей; 2) близкие родственные контакты (вступление сына, дочери, брата или сестры в брак с человеком другой национальности); 3) тесные дружественные контакты с людьми иной национальности.

В одних случаях фиксировалась реакция опрашиваемого на уже имевшие место реальные события (третья ситуация), в других — предположительная реакция.

Вместе с тем, установки, высказанные в суждениях, сопоставлялись с фактическим поведением людей. Так, высказанное людьми отношение к национально-смешанным бракам сравнивалось с реальными браками и родственными контактами с разнонациональными семьями; суждение о работе в многонациональных коллективах сопоставлялось с реальными отношениями в таких организациях.

Встречались случаи, когда одна установка противоречила всем другим. Она не оценивалась нами как ложная. Все остальные могли соответствовать убеждениям, ориентациям личности в целом, а данная — отвечать какой-то одной ситуации, являться ситуационной. По одной установке нельзя судить в целом о национальных ориентациях человека. К примеру, человек, не работавший по каким-либо причинам с сотрудником другой национальности, под непосредственным впечатлением мог перенести свое отношение к этому лицу в данный момент на оценку межнациональных производственных контактов вообще. В то же время он ставит общие интересы коммунистического движения выше национальных, в жизни чужд национальной замкнутости.

Высокая согласованность ответов на предложенные вопросы доказывает, во-первых, что каждый из выбранных нами признаков (отношение к смешанным бракам, отношение к контактам в многонациональном коллективе и т. д.) действительно пригоден, т. е. отражает отношение людей к представителям другой нации, и, во-вторых, что все названные установки входят в синдром — национальную ориентацию человека в целом.

Более чем у 70% сельских жителей реакция на вопросы, фиксирующие национальные установки, оказалась согласованной. Еще более это характерно для городских жителей.

Дальнейшая проверка показала, что для разных групп опрошенных — татар, русских, мужчин, женщин, а также в экспериментальных группах (белорусов, украинцев, казахов), показатели были вполне стабильны, т. е. повторялись. Особенно тесно связано содержание ответов на такие вопросы, как отношение к смешанным бракам и отношение к работе в многонациональном коллективе. Наш материал позволяет проследить такую закономерность: у русских, белорусов, украинцев ответы на вопрос о смешанных браках более чем в 70% случаев, а в некоторых группах более чем в 80% случаев совпадали с ответами на вопрос об отношении к работе в многонациональных коллективах, а у татар и казахов частота совпадения ответов была несколько реже (от 60 до 70%). Материалы Татарской АССР дают следующую картину: если человек не придает значения национальности при вступлении в брак, то он, как правило, положительно относится и к работе в многонациональном коллективе. Между тем среди благожелательно настроенных на межнациональные контакты на производстве встречаются люди, негативно относящиеся к национально-смешанным бракам или не имеющие твердой установки к ним. Таким образом, вопросы об отношении к смешанным бракам и межнациональным производственным контактам не могут быть взаимозаменяемыми.

Интенсивность установки измерялась 3-членной и 4-членной шкалой суждений (от плохо до хорошо). Эмоциональная реакция оценива-

лась как более осознанное отношение к действию. При затруднениях в ответе мнение опрашиваемого не учитывалось как устойчивое, входящее в национальную ориентацию.

В ходе исследования в Татарской АССР были опрошены около 10 тыс. горожан Казани, Альметьевска и Мензелинска, представлявших определенные типы поселения¹⁰, и сельских жителей, охваченных многоступенчатой выборкой, репрезентативной для сельского населения республики¹¹.

Материалы исследования убедительно свидетельствуют о том, что глубокие социально-экономические преобразования на основе ленинской национальной политики определяют климат межнациональных отношений в СССР. Абсолютное большинство населения, как это показали результаты исследования в Татарии, имеет интернациональные установки. Среди татар лишь у 4% горожан¹² и 2% сельских жителей были зафиксированы совпадающие негативные установки к межнациональным контактам на производстве и в семейных отношениях (т. е. ориентация на национальную замкнутость). Среди русских такая национальная ориентация наблюдалась всего у 2,8% горожан и 1,8 жителей села.

Фактическое поведение людей также свидетельствует о высокой степени интернационализма татар и русских. Это подтверждается широко распространенным личным, дружеским общением между ними. У татар 47% имеют друзей одной с ними национальности и 42,4% — русских. У 58,3% русских друзья русские, и у 31% — татары¹³.

О положительных национальных взаимоотношениях свидетельствует и то, что среди объемистой редакционной почты местных газет («Советская Татария» и «Социалистик Татарстан») за последние годы не было обнаружено писем, отражающих неудовлетворенность национальных интересов, какое-либо осложнение национальных контактов.

Речь, следовательно, шла о том, чтобы в ходе дальнейшего анализа выделить специфические факторы, которые определяют национальные установки, с целью наиболее эффективного воздействия на дальнейшее преодоление сохранившихся у части населения национальных предрасудков.

В соответствии с задачей статьи остановимся на факторах, связанных с социально-культурными особенностями личностей, которые опосредуют общие социально-политические условия и конкретные обстоятельства при формировании национальных установок.

Мы не случайно рассматриваем вместе влияние возраста и пола, так как оба эти признака связаны не только с социальными, но и психофизиологическими особенностями личности (например, темперамент, выносливость и т. п.). Возрастные различия в социальном плане отражают прежде всего неравенство в жизненном опыте. Старшее поколение имело возможность убедиться в значении тех социально-политических свершений, которые произошли за годы Советской власти в стране. Но в то же время традиции и нормы поведения прошлого могут еще оказывать воздействие на их сознание. И даже если старые представления были изжиты, то при какой-либо конфликтной ситуации они могли вновь появляться.

Молодежь же в основном опирается на опыт национальных взаимоотношений сегодняшнего дня. Но вместе с тем, молодой человек только

¹⁰ Схема выборки изложена в статье: Э. К. Васильева, Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 году (по материалам социологического исследования), «Сов. этнография», 1968, № 5.

¹¹ См. Ю. В. Арутюнян, Конкретно-социологическое исследование национальных отношений, стр. 130—131.

¹² Данные по городу приведены по материалам опроса в г. Казани.

¹³ Среди опрошенных нами работающих жителей г. Казани было 61,4% русских и 34,7% татар.

Динамика отрицательных национальных установок по возрастным группам у сельского населения (в %)

Возрастные группы	Татары				Русские			
	Абсолютное число опрошенных	Имеют отрицательную установку на межнациональный контакт на производстве	Имеют отрицательную установку к нац. омер. браку	Имеют отрицательные установки на оба вида контактов	Абсолютное число опрошенных	Имеют отрицательные установки на межнациональный контакт на производстве	Имеют отрицательные установки к нац. смеш. браку	Имеют отрицательные установки на оба вида контакта
16—17 лет	75	6,6	1,3	0	43	0	4,6	0
18—27	581	8,9	5,3	1	222	10,8	10,3	4,9
28—34	595	9,7	7,1	1,8	296	7,4	3,4	1
35—49	1065	11,8	11,6	3,3	558	10,9	7,7	2,9
50—59	542	7,2	5,9	1,3	202	14,4	7,4	2,5
Старше 60 лет	149	20,1	20,8	10,7	95	3,2	6,3	0

вступает на трудовой путь, впервые сталкиваясь с обстоятельствами, когда его интересы тесно соприкасаются с интересами и потребностями других. У него не выработалось еще устойчивого отношения к некоторым явлениям. Все эти особенности влияют на психологию отношений в среде молодежи вообще и на психологию национальных отношений в частности.

Влияние возрастных различий на национальные установки особенно четко прослеживается на селе (см. табл. 1). На пожилых людей оказывают влияние традиции прошлого, да и уровень образования и общей культуры у них ниже. Ведь на селе это главным образом люди физического труда без специальной подготовки. Нужно сказать, что и в установках молодых людей разных возрастов имеются любопытные различия. Они отражают, с одной стороны, условия жизненного пути человека, а с другой — закономерности формирования самой установки. У юношей и девушек в возрасте до 18 лет самые благоприятные национальные установки. Однако уже в следующей возрастной группе (18—22 года) и у русских, и у татар эти установки заметно ухудшаются, а затем в возрасте 22—27 и 28—34 лет снова становятся лучше. Здесь сказывается столкновение молодого человека с жизненными обстоятельствами. Именно в 18 лет или чуть позже юноши и девушки выбирают свой трудовой путь. Они часто продолжают учебу, но уже в конкурсных условиях. Поскольку их планы не всегда сразу претворяются в жизнь, может возникнуть неудовлетворенность, которая у некоторых перерастает в критическое отношение к отдельным явлениям действительности.

Характерно, например, что среди русской молодежи, имеющей неблагоприятные национальные установки, больше всего неудовлетворенных условиями сельской жизни и желающих переехать в город. Кроме того, в этом возрасте отношение к явлениям переносится из области общих школьных представлений в область конкретной действительности, которую еще предстоит правильно оценить.

Те же возрастные особенности прослеживаются и в городе, хотя здесь социальный опыт, в том числе разнообразных национальных взаимоотношений, богаче.

Вообще в городе возрастные различия в отношении к межнациональным контактам менее выражены. Но если сравнить установки молодежи и среднего поколения с установками старшего, то получится ощутимая разница. Среди татар в Казани в возрасте до 50 лет положительно относятся к общению на производстве с представителями других национальностей 95—98%, а в возрасте 50—54 года — 90,7%; в Альметьевске до 50 лет — 79—94%, а старше 50 лет — 71%.

По отношению к межнациональным семейным контактам установок татар в возрасте до 50 лет в Казани и Альметьевске также лучше, чем у старшего поколения (57—68 процентов из них считают, что национальность не имеет значения в браке, а в возрасте старше 50-ти—таких 52%). У русских старшего поколения нет отчетливо выраженной национальной замкнутости. Возможно, имеет значение то, что традиции, религия в прошлом не ограничивали контактов русских с другими национальностями в такой степени, как татар.

Приведенные данные подтверждают вывод о том, что национальные установки зависят от окружающей обстановки; они могут меняться даже в одном поколении, отражая особенности жизненных обстоятельств и психологии людей. У части молодежи определенные национальные установки пока не выработались. Это именно тот возраст, когда не только жизненный опыт, но и воспитание могут активно формировать интернациональное мировоззрение. Поэтому чем раньше люди вступают в непосредственные межнациональные контакты, чем активнее ведется интернациональная пропаганда среди молодежи, тем эффективнее их действие.

В целом национальные установки у представителей различных поколений со всей своей очевидностью свидетельствуют об успехах ленинской национальной политики.

Остановимся на национальных ориентациях мужчин и женщин. Психологи отмечают большую обостренность восприятий, свойственную женщинам, в частности, во взаимоотношениях с коллективом и особенно с руководством. Женщины физически не так сильны, им труднее сочетать работу, выполнение домашних обязанностей с продолжением образования и повышением своего общего культурного уровня. Домашние обязанности ограничивают возможности женщины в культурном развитии. Обследования бюджетов времени, проведенные за последние годы, показывают, что свободного времени у мужчин в 1,5—2 раза больше¹⁴. Средний образовательный уровень у женщин как в городе, так и в деревне, ниже. Эти обстоятельства и влияют на то, что национальные установки женщин в целом менее благоприятные, чем у мужчин.

Особенно это заметно в деревне. Среди татар 74% мужчин и 66% женщин имеют положительную установку на семейные контакты с людьми иной национальности; среди русских соответственно—81% и 72%. Влияние именно культурных факторов становится особенно очевидным, если сопоставить такие группы, как, например, интеллигенция и разнорабочие. Так, среди татар в селах с преобладанием татарского населения в среде интеллигенции и мужчины, и женщины одинаково положительно относятся к межнациональным бракам, в то время как у разнорабочих—71,5% мужчин и 67% женщин. А в смешанных селах и деревнях с преимущественно русским населением, где опыт общения богаче, у татарок в группе интеллигенции положительные установки имели 84%, а у мужчин 65%, тогда как среди разнорабочих—у женщин—71%, у мужчин—84%. В городе эти установки у мужчин и женщин почти выравнены: по отношению к смешанным бракам и у татар, и у русских имеют положительные национальные установки 68% мужчин и 64% женщин.

Все это говорит о том, что общие социальные и воспитательные мероприятия, способствующие культурному развитию женщин, сделают их отношение к национальным контактам еще более благожелательным.

На восприятие человеком всей окружающей обстановки, выработку отношения к событиям и явлениям действительности влияет общая культура. Вот почему выяснение воздействия элементов знания на национальные установки людей мы начнем с образования.

¹⁴ См. Б. Грушин, Свободное время, М., 1967, стр. 52—55.

Образование дает человеку не только научные материалистические представления, способные противостоять предубеждениям, но и общекультурную информацию, расширяющую кругозор, помогающую понимать и оценивать жизненные ситуации. Результаты нашего исследования подтверждают положительное влияние общего образования на утверждение интернационального мировоззрения. Это четко прослеживается, если выделить образовательные группы вплоть до 10—11 классов.

В городе особенно характерно в этом плане отношение к межнациональному браку.

В Казани отрицательные установки на производственный контакт у людей разных национальностей с образованием в пределах среднего практически сведены на нет. Среди русских 95—98% населения имеют положительные установки, среди татар 96—98%. В Мензелинске и Альметьевске с повышением образования в пределах обучения в средней школе отношение к межнациональным производственным контактам также улучшается. Так, в Мензелинске процент людей, положительно относящихся к инонациональному руководству, растет с 86% до 94% у русских, с 89% до 95% у татар, а в Альметьевске — с 58% до 84% у татар (у русских выраженной тенденции не наблюдается). Поведение людей также подтверждает, что общее образование благоприятно воздействует на межнациональные контакты (см. табл. 2).

Положительное влияние оказывает общее образование и на национальные ориентации сельских жителей. Так, среди татар с образованием до 4-х классов, отрицательно относятся к межнациональным контактам на производстве и в семье 5,8%, а среди окончивших более 4-х классов — около 2%.

Имеет значение и школа, в которой человек учился. Характерно, что татары, окончившие смешанную или русскую школу, имеют более благоприятные установки и чаще вступают в личные межнациональные контакты. Среди татар г. Казани, окончивших национальную школу, положительные установки на работу в многонациональном коллективе имеют 90%, а среди окончивших русскую и смешанную школу — 92% — 96%. У татар, учившихся в смешанной и русской школах, 7—10% ответили, что считают разнонациональный брак нежелательным, а у закончивших татарскую школу — 14%.

У русских жителей Казани, получивших образование в русской школе, 9% имели отрицательные установки на разнонациональный брак, а среди учившихся в смешанной школе — всего 2%. Более половины русских и татар, обучавшихся совместно, имеют друзей среди представителей других национальностей.

Два обстоятельства играют роль в воспитании интернационализма у детей и юношества в школе. Первое — непосредственное межнациональное общение в возрасте, когда национальное самосознание только еще формируется. Опыт общения с ребятами другой национальности активно противостоит предрассудку. И второе, — более активное приобщение татар к русскому языку облегчает усвоение достижений культуры других народов. Убедительно демонстрируют данный вывод материалы обследования сельского населения Татарии (см. табл. 3).

Таким образом, овладение русским языком, способствующее более широкому приобщению к культуре, и тесные межнациональные контакты в школьном возрасте дают особенно большой общественный эффект¹⁵.

Образование самым тесным образом связано с духовными запросами человека, его общей культурой. Многие социологические исследова-

¹⁵ О значении овладения русским языком в школьном возрасте для предотвращения рецидивов националистических настроений см.: Ю. В. Арутюнян, Конкретно-социологическое исследование национальных отношений, стр. 134.

**Влияние роста общего образования на расширение дружеских
межнациональных контактов**

(Данные по г. Казани в % к числу опрошенных)

Характер дружеских контактов	Группы по образованию			
	до 4 кл.	4—6 кл.	7—9 кл.	10—11 кл.
Русские, имеющие друзей среди татар	36,8	34,8	37	38,2
Русские, имеющие друзей среди людей других национальностей (кроме татар)	9,7	10,8	12	13,2
Татары, имеющие друзей среди русских	37,7	40,6	41,6	43,7
Татары, имеющие друзей среди людей других национальностей (кроме русских)	4,9	6,9	7,8	6,1

Таблица 3

**Зависимость установок татар в межнациональных отношениях от языка
обучения и характера национальных контактов в школе (в %)**

Язык обучения и характер контактов в школе		Установки	
		Не придают значения национальности товарищей по коллективу и руководителя	Считают, что национальность не имеет значения при вступлении в брак
Татары, владеющие русским языком	Окончившие русскую школу	87	82
	Окончившие татарскую школу	82	74
Татары, владеющие только своим родным языком		66	69

ния подтвердили это на конкретном материале¹⁶. Наше исследование также показывает, что плотность культурной и общественно-политической информации в целом положительно воздействует на национальные представления (см. табл. 4).

Такая же картина наблюдается в городе. Среди людей, регулярно читающих газеты, отрицательно относятся к смешанным бракам на 2—3% меньше, чем среди вообще не читающих газет.

Улучшение идеологической работы помогает утверждению интернационализма во всех слоях населения. Однако, если для менее образованной части населения важны прежде всего подъем уровня образования и увеличение общекультурной информации, то для интеллигенции нужны более направленные меры идеологического воздействия, расширение специальной пропаганды интернационализма, открытое осуждение проявлений националистической переоценки отдельных событий прошлого тех или иных народов, рецидивов национальных предубеждений.

Повышение культурного уровня самым тесным образом связано с преодолением пережитков, в том числе религиозного характера. Религи-

¹⁶ См., например, «Человек и его работа», М., 1967, стр. 268 и др.; Б. Грушин, Указ. раб. и др.

Национальные ориентации сельских жителей в зависимости от объема получаемой культурной информации (в %)

Национальные ориентации		Чт.ют газеты		Слушают радио		Бывают в кино		Читают художеств. литературу	
		Регулярно	От случая к случаю и не читают	Постоянно	Редко, не слушают	Регулярно	Редко или обычно не бывают	Постоянно	Редко и не читают
Считают нежелательным работать вместе с людьми иной национальности и отрицательно относятся к смешанным бракам	Русские	2	3	2	3	2	3	2	2,8
	Татары	1	5	2	4,8	1	4	2,6	3,6

озная идеология (и особенно мусульманская) разъединяет людей по национальному признаку и вероисповеданию. В прошлом она решающим образом воздействовала на нормы поведения и общественное мнение. Активная борьба с религиозной идеологией с помощью административных, общеобразовательных и пропагандистских мер давала заметный эффект от поколения к поколению. Однако в отношении норм и обычаев, вошедших в традиционную национальную культуру, необходима длительная разъяснительная работа. Обыденное сознание, привычка к определенному поведению стойко поддерживается воспитанием в семье. Причем нередко представления, полученные людьми в школе и через систему массовой информации, сталкиваются с требованиями, которые бытуют в семье и ближайшем окружении.

Знания, полученные в результате обучения, а также на основе личного опыта, корректируют поведение и представления людей, соотносят их с рациональным подходом к окружающему миру.

В этом отношении весьма показательна интеллигенция. В ее среде реальные межнациональные контакты (смешанные браки, дружба с лицами другой национальности) встречаются заметно чаще. 41—47% татарской интеллигенции г. Казани имеет близких друзей из числа русских (среди рабочих — 38—40%) и 30—38% русской интеллигенции дружат с татарами (среди рабочих — 31—32%). Учтивывая национальный состав горожан, можно сказать, что и татарская, и русская интеллигенция активно вступает в дружеские контакты.

Любопытно, что именно среди интеллигенции, которая располагает большими знаниями, на вопрос об отношении к вступлению дочери, сына или сестры в брак с человеком другой национальности больше людей, чем среди других социальных групп, ответили — «предпочел бы человека своей национальности, но возражать бы против выбора не стал». Таким образом, люди заранее отделяют свое отношение к явлению от реального действия.

На национальные ориентации влияют традиционные нормы. Чем сильнее отличались обычаи, религия народов в прошлом, тем больше затруднялся их контакт. Господствующая элита использовала эти отличия для поддержания национальной розни.

Религиозная идеология, препятствовавшая родственному общению с иноверцами, закреплялась из поколения в поколение в соответствующих нормах поведения. Поэтому и теперь некоторые люди, уже и не являясь ярыми приверженцами религии, следуют в известной мере сложившимся нормам и привычкам.

Воздействие религии и обычаев прошлого на татар и русских оказалось неодинаковым. Вступая в контакт, представители этих национальностей имели дело с иной, своеобразной культурой. Элементы новизны, непривычности играли здесь роль для людей обеих сторон. Но религиозная идеология, мусульманская и христианская, по-разному влияла на традиции поведения, сложившиеся под её давлением.

Известно, что в результате длительного совместного проживания с русскими на территории теперешней Татарской АССР и в силу широко распространенного отходничества значительные группы татар издавна работали в разнонациональной среде. В советских условиях традиции совместной работы в разнонациональных коллективах закреплялись и расширялись. При этом контакты стали более частыми, а главное, теперь они были иными по своему характеру, строились на началах равенства. Представители нации, в прошлом угнетающей, теперь даже содействовали социальному продвижению тех, кто ранее находился в неравноправном положении. Это не могло не оказать влияния на отношение к межнациональному общению на работе.

Между тем, расселяясь в значительной мере компактно, татары сохраняли традицию однонациональных супружеских союзов, тесных родственных связей. Поэтому, естественно, нормы поведения, сложившиеся под воздействием религии, больше влияют на установки, связанные с межнациональными браками. Среди татар, которые отмечают религиозные праздники, отрицательно относятся к смешанным бракам 15%, а среди тех, кто не празднует или относится к ним безразлично, такую национальную установку имеет всего около 6%.

Конечно, неблагоприятные национальные установки не всегда являются следствием предубеждения, неосознанного действия, соответствующего обычаям прошлого. К примеру, отношение к смешанному браку может быть реакцией на какой-то известный случай такого супружеского союза. Так же и другие установки могут быть вызваны какой-то конкретной ситуацией. Значимость норм и обычаев в ряду других факторов, определяющих национальные взаимоотношения, требует дальнейшего изучения.

Обычаи прошлого питают предрассудки, поддерживают предвзятые национальные стереотипы. Но, как известно, и сами национальные предубеждения имели экономические, социальные, нормативные, а не только психологические корни. В условиях неравенства наций и народностей в прошлом сложился определенный тип отношения к отдельным народам, который культивировался государством. Старые стереотипы, мнение, что одни нации преуспели в культуре, а другие не могут подняться до того же уровня, все больше изживаются. Как показал исторический опыт, лучшим способом борьбы с ними являлось исключение обстоятельств, порождающих и поддерживающих такие стереотипы.

Все общие и конкретные социальные условия в конечном итоге преломляются в сознании человека сквозь призму личного опыта и представлений ближайшего окружения.

Личный опыт человека включает помимо семейного общения прежде всего опыт своей социально-профессиональной деятельности и того окружения, с которым он связан по роду этой деятельности.

Среди людей физического труда как в городе, так и в деревне интернациональные установки шире распространены у квалифицированных работников. (См. табл. 5, 6).

Как видно из таблиц, подавляющее большинство рабочих и колхозников благоприятно относится к межнациональному общению. Квалифицированные рабочие с большим образованием и культурными навыками как в городе, так и в селе имеют наилучшие национальные установки.

Городские и сельские служащие относятся к межнациональным производственным контактам в основном так же, как квалифицированные

**Национальные установки у работников физического труда в городе
(Казань, Альметьевск) (в %)**

Социально-профессиональная группа	Казань		Альметьевск	
	Считают, что национальность не имеет значения в браке	Считают, что национальность не имеет значения при производственных контактах	Считают, что национальность не имеет значения в браке	Считают, что национальность не имеет значения при производственных контактах
Русские				
Работники неквалифицированного физического труда	69	89	57	78
Работники квалифицированного физического труда	71	90	61	83
Татары				
Работники неквалифицированного физического труда	67	90	56	66
Работники квалифицированного физического труда	70	90	61	81

Таблица 6

**Национальные установки у людей преимущественно физического труда
в деревне (в %)**

Социально-профессиональная группа	Считают, что национальность не имеет значения в браке	Считают, что национальность не имеет значения при производственных контактах
Работники неквалифицированного физического труда	72	70
Работники квалифицированного физического труда (не считая механизаторов)	74	71
Механизаторы	79	80

рабочие и колхозники, однако, у них меньше доля тех, кто благожелательно относится к межнациональным бракам. Среди служащих-татар в городе имеют благоприятные установки на смешанный брак 52—58% (Казань — Альметьевск), а среди русских 65—64%; в селе — 71% (русские и татары вместе). Видимо, на представления этой категории населения в большей мере влияют обывательские предрассудки. Конкретно-социологические исследования форм общения людей показали, что в данной социально-профессиональной группе рельефно выражена ориентация на относительно замкнутый быт, общение главным образом в кругу семьи, родственников и соседей. Такая среда, как известно, в большей мере поддерживает заданный обычаями и привычками образ жизни.

Значительно многообразнее и сложнее национальные ориентации интеллигенции. Образ жизни интеллигенции более интернационален. Интегрированной культурой она пользуется несомненно шире, межнациональные семейные и дружеские контакты, как мы видели, больше распространены в этой среде. И вместе с тем общий культурный уровень, заинтересованность в создании национальных духовных ценностей именно интеллигенцию делает наиболее активным выразителем национального самосознания. Она наиболее чувствительна к историческому прошлому нации, её культуре.

Объективно ускоряющийся процесс урбанизации, выравнивание условий быта разных народов, появление общих черт в культуре обостренно воспринимается некоторыми представителями интеллигенции в прош-

Некоторые национальные установки сельской интеллигенции (в %)

Социально-профессиональная группа	Отрицательно относятся к межнациональному контактам в семье		Отрицательно относятся к межнациональным контактам на производстве		Обе установки отрицательные	
	т. татары	русские	т. татары	русские	татары	русские
Специалисты высшей квалификации	7,3	8,6	6,6	8,6	0,7	5,7
Руководители среднего и высшего звена	8,1	2,6	6,7	5,2	1,3	2,6

лом неравноправных народов, оценивается как потеря национального своеобразия. Отсюда их стремление сохранить национальную специфику в быту и культуре. Это одна из причин того, что среди городской татарской интеллигенции людей, настроенных против смешанных браков, оказалось больше (до 20%), чем отрицательно относящихся к межнациональному общению на производстве (не более 4%), и больше, чем людей с такими установками у русской интеллигенции (3,5—5%). Та же закономерность наблюдается и в среде сельской интеллигенции.

Отношение к контактам на производстве в среде городской интеллигенции у татар и русских несколько лучше, чем у людей физического труда. В Казани, например, 93—94% татарской интеллигенции высказали мнение, что национальность руководителя не имеет значения, так же считали 85—92% альметьевцев. Это на 3—4% больше, чем у людей квалифицированного физического труда.

У сельской интеллигенции национальные установки лучше, чем у разнорабочих и животноводов, но не лучше, чем у механизаторов¹⁷. При этом у русской интеллигенции установки к контактам на работе с людьми иной национальности несколько хуже, чем у татарской (см. табл. 7). Видимо это связано с тем, что среди русской интеллигенции на селе (как показало исследование) больше неудовлетворенных условиями работы.

Отрицательные установки некоторой части интеллигенции носят ситуативный характер. В этом убеждает тот факт, что людей с совпадающими отрицательными установками на межнациональные контакты и на работе и в семье среди интеллигенции не больше, чем в других группах населения, а их близкое общение с людьми иной национальности практически оказывается более частым.

Обе установки и, видимо, прежде всего установка на межнациональный контакт на производстве являются следствием ситуации, свойственной интеллигенции. Высокий уровень образования располагает к большим «социальным ожиданиям». Между тем совсем не всегда такие притязания могут быть полностью реализованы в силу ряда причин, в том числе и возможного несоответствия деловых качеств человека предъявляемым требованиям, равно как и наличия или отсутствия свободных мест, на которые люди претендуют. При подборе и расстановке кадров партия руководствуется единственно возможным принципом: деловыми качествами работников.

Однако при наличии социально-конкурсных условий (например, при поступлении в вузы, или при определении на работу) у некоторых появляется склонность приписать национальный момент в объяснение успехов или неудач того или иного человека. В целом благоприятные ус-

¹⁷ См. Ю. В. Арутюнян, Конкретно-социологическое исследование национальных отношений.

ловия для мобильности национальных кадров улучшают ориентации людей в межнациональных контактах¹⁸. Татары, как установило наше исследование, успешно использовали эти условия, что не могло не сказаться на их национальных установках (это особенно прослеживается на отношении городской интеллигенции к инонациональному руководству и окружению на работе).

Самый распространенный тип национальных отношений, зафиксированный в данном исследовании,— благоприятные контактные взаимоотношения, которым способствует не только общая социально-политическая обстановка в стране, но и идеологическая работа Татарского обкома КПСС, комсомольской организации республики.

Отдельные негативные установки на конкретные виды межнациональных контактов имеют самые различные причины. Не всегда они являются проявлением национализма. Такие установки могут возникать при каких-то нежелательных для лиц или групп обстоятельствах и являются чаще ситуативными, а не основанными на твердом убеждении.

Лишь у незначительной части населения имеет место ориентация на национальную замкнутость.

В основе ориентации на национальную замкнутость лежат более глубокие причины, чем при единичных негативных установках. Можно предположить, что в таких случаях совмещаются, как правило, и предрассудки, и какая-то неудовлетворенность. Конечно, каждая из этих причин и сама по себе может вызвать национальную узость в мировоззрении, установках и поведении. Но все же отрицательные стереотипы бытуют у некоторой части населения на основе главным образом социальных причин, корнящихся в неравенстве народов в прошлом.

Регулирование национальных отношений требует учета целого комплекса обстоятельств. Эффективность мер идеологического и социально-экономического воздействия во многом зависит от того, насколько принимаются во внимание социально-культурные особенности отдельных слоев и групп населения.

SOCIAL-CULTURAL PERSONALITY TRAITS AND NATIONALITY ATTITUDES

(ON DATA FROM THE TATAR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC)

The article deals with inter-personal national relations. It is based on a concrete sociological study carried out in the Tatar ASSR by the Sociology Sector, of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences.

National relations are revealed by studying views, attitudes, orientations. The author regards as her main purpose that of establishing factors which determine inter-national contacts: the nature of social and professional activity, education outlook, information at a person's disposal, sex, age. Material adduced in the article convincingly shows the successes in the USSR national policy: friendly relations form the predominant type of inter-relation.

Negative nationality attitudes conserved by an unimportant fraction of the population stem from cultural limitations, insufficient education. To a great extent such attitudes have a situational character and are not connected with any profound convictions.

The climate of inter-national relations is determined by the general social and political situation in the country. The nationality attitudes of particular groups are more appreciably influenced by conditions of social and professional activity and by cultural level.

¹⁸ Ю. В. Арутюнян, Конкретно-социологические исследования национальных отношений, стр. 137.

К. В. Мелик - Пашаян

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРМЯНСКОЙ ССР

С установлением Советской власти в Армении созданы широкие возможности для развития всех отраслей науки, в том числе и этнографии.

Армянская этнография берет начало в глубокой древности, в те времена, когда армяне еще не имели собственной письменности и литературы. Представление о состоянии этнографических знаний этого периода дают обнаруженные в Армении и других местах Закавказья эпиграфические памятники на персидском, греческом, латинском, арамейском и других языках, в которых сообщаются различные сведения об армянах. Исключительную ценность представляют данные античных и византийских авторов — Геродота, Ксенофонта, Страбона, Плутарха, Полибия, Плиния, Прокопия Кесарийского и др. — о происхождении армянского народа, его образе жизни, обычаях, религиозных верованиях и материальной культуре.

Отцом армянской этнографии считается Мовсес Хоренаци. В его труде содержится неисчерпаемый этнографический материал не только об армянском, но и многих других народах. Этнографические материалы можно найти в работах таких выдающихся армянских авторов средневековья, как Агатангехос, Фавстот Бузанд, Егише, Себеос, Гевонд, Овнан Мамиконян, Ананий Шикаци, Ованнес Драсханакертци, Киракос Гандзакечи, Степанос Орбелян и др. Важное значение как этнографический источник имеют канонические книги, особенно судебники Давида сына Алавика, Мхитара Гоша, Смбата Гундстабля. Многие их статьи фиксируют нормы обычного права, касающиеся жизни простого народа. В более близкое к нам время, в армянской периодической печати XIX—XX вв., широко публиковались статьи о быте, культуре обычаях народа. В этом отношении особенно выделялись журналы «Базма-веп» («Полигистор») «Андес амсоря» («Ежемесячный журнал»), «Ара-рат», «Мурч» («Молот»), «Пордз» («Опыт»), двухнедельник «Бюракн», а также газеты «Мшак» («Труженик»), «Ардзаганк» («Эхо»), «Нор дар» («Новый век»).

Видное место в армянской этнографии занимает великий просветитель-демократ Хачатур Абовян. Его художественные произведения, особенно роман «Раны Армении», содержат большой этнографический материал. Перу Абовяна принадлежат также и сугубо этнографические исследования, написанные на высоком научном уровне. По примеру Хачатура Абовяна многие писатели стали широко использовать в своих произведениях этнографический материал. Среди них можно назвать М. Тагиадяна, П. Прошяна, М. Налбандяна, Раффи (А. Мелик-Акопян), Г. Сундукяна и др.

К 1870—1880 гг. относится деятельность одного из пионеров армянской этнографии Гарегина Сrvандзтянца. Его многочисленные сборники, такие, как «Гроц ев броц», «Хноц ев нороц», «Манана», «Торос ахпар». «Амов отов», вошли в золотой фонд этнографии армянского народа.

В настоящее время Институт археологии и этнографии АН Армянской ССР готовит академическое издание его трудов.

В конце XIX в. Г. Срвандзтянц и Г. Халатянц составили первые вопросники-программы, сыгравшие важную роль в сборе этнографических материалов.

Заметную роль в становлении армянской этнографии сыграл «Эминян азагракан жоховацу» («Эминский этнографический сборник»), выходявший в Москве с 1901 по 1911 г.

Важное значение в развитии науки имел основанный Ервандом Лалаяном «Азагракан андес» («Этнографический журнал») ¹, а также создание Армянского этнографического издательского общества и Армянского этнографического общества. В начале века благодаря усилиям Ер. Лалаяна были созданы этнографический музей и этнографическо-антропологическая и кавказоведческая библиотека. Во время своих многочисленных экспедиций Ер. Лалаян собрал громадный фактический материал, имеющий ныне исключительную ценность, поскольку многие явления и элементы культуры, зафиксированные им в свое время, давно исчезли.

После установления Советской власти в Армении Ер. Лалаян переезжает из Тифлиса в Ереван. Сюда были перевезены фонды этнографического музея. Ер. Лалаян стал директором нового музея, в котором сконцентрировались все этнографические работы Армении. В этот период он опубликовал целый ряд ценных этнографических трудов, из которых особенно noteworthy: «Удины Нижа и Вардашена с этнографической точки зрения» ², «Эволюция похоронных обрядов и форм надгробий в Армении» ³, «Обычаи армян, связанные с деторождением» (посмертная публикация) ⁴.

В 1931 г. вышла в свет монография Ер. Лалаяна «Раскопки могильников в Советской Армении». В ней обобщены результаты археологических исследований ученого.

В 1920-х годах почти полностью посвятил себя этнографии армян Степан Лисициан, который еще в конце XIX в. касался в своих работах вопросов этнографии. Он стал основателем армянской советской этнографической школы. В исследованиях С. Лисициана большое внимание уделено изучению армянского народного жилища. В 1925 г. он выступил с докладом «К изучению армянских жилищ», посвященным карабахскому глхатуну, ареалам его распространения и его связи с церковной архитектурой. С. Лисициан сделал также доклад ⁵, в котором он дал характеристику типа жилища в Бардзр Айке (Высокая Армения) со всем его комплексом построек: жилым домом, хлевом, конюшней и др. Жилищу посвящена также статья С. Лисициана «Из материалов по изучению жилищ Армении» ⁶, в которой приведены результаты исследований крестьянских построек в Мегри, Нор-Баязете, Памбаке в Дарлагазе. В этой работе автор ставит и разрешает некоторые вопросы, связанные с происхождением и эволюцией типов народных жилищ, а также говорит об их влиянии на формирование классической армянской архитектуры вообще, и в частности церковной архитектуры.

В 1927 г. была опубликована статья С. Лисициана «Историко-этнографические очерки Шатаха» ⁷, в которой впервые в армянской этногра-

¹ Журнал издавался в Тифлисе (только первый том был издан в г. Шуше) с 1896 по 1916 г., всего вышло 26 томов.

² «Известия Ин-та науки и искусства АрмССР», 1926, № 1 (на арм. яз.).

³ Там же, 1928, № 3.

⁴ Там же, 1931, № 5.

⁵ «Крестьянские жилища „Высокой Армении“», «Известия Кавказского историко-археологического ин-та», т. IV, 1927.

⁶ Там же, т. VI, 1927.

⁷ Там же, т. V, 1927.

фии поставлена проблема о «сообществах сверстников» у армян. Значительный интерес представляет также исследование «Святыни у персидов»⁸. Здесь рассмотрены совершаемые в описываемых святынях обряды и обычаи, выявляются истоки этих обрядов, которые, по мнению автора, генетически связаны с дохристианским периодом, с почитанием воды, огня, духов гор.

К 15-й годовщине установления Советской власти в Армении С. Лисициан подготовил статью⁹, характеризующую достижения армянской советской этнографии, анализирующую работы Ер. Лалаяна, Г. Чурсина, И. Петрушевского, Х. Самуэляна. Вместе с тем автор отмечает и недостатки в развитии этнографической науки в Армении (нехватку научных кадров, неудовлетворительную организацию сбора материала, отсутствие кафедры этнографии в Ереванском университете и др.).

Одна из лучших работ С. Лисициана — обобщающий труд «Очерки этнографии дореволюционной Армении» — была опубликована посмертно¹⁰.

Некоторые работы С. Лисициана до сих пор не опубликованы. Учитывая большую научную ценность рукописного фонда ученого, Институт археологии и этнографии АН АрмССР в настоящее время приступил к его изданию. В 1969 г. вышла новая книга С. Лисициана «Армяне Зангезура»¹¹, в которой дана всесторонняя характеристика истории, хозяйства, быта и культуры населения этой самобытной области Армении.

Видную роль в развитии армянской этнографии сыграл Х. Самвелян. Еще в досоветский период он выступил с целым рядом блестящих статей по различным вопросам армянской этнографии и права. Значительная часть из них обобщена в его трехтомной монографии «Культура Древней Армении»¹². Этот труд можно считать первой удачной попыткой охарактеризовать главные этапы развития материальной и духовной культуры Армении, начиная с первобытнообщинного строя и вплоть до XX в. Автор широко использовал современные ему достижения передовой русской и европейской науки. Х. Самуэляну удалось поставить и решить ряд важных проблем, связанных с армянской семейной общиной, патриархальной семьей, матриархатом, браком, религиозными верованиями, народными праздниками. В 1920—1930-х годах Х. Самвелян под псевдонимом «Ниманд» опубликовал более трех десятков статей и брошюр антирелигиозного характера. Им были заложены основы армянской советской антирелигиозной литературы.

Ер. Лалаян и Х. Самуэлян начали составление библиографии армянской этнографии. Ныне эту работу продолжает сотрудник Музея истории Армении Н. Тораманян.

Интересные исследования по армянской этнографии опубликовал крупный знаток этнографии Кавказа Г. Чурсин. Большую ценность имеют такие работы, как «Армяне Зангезура»¹³, «Амулеты и талисманы кавказских народов»¹⁴, «Культе собаки у кавказских народов»¹⁵, «Культе железа у кавказских народов»¹⁶ и др.

Большой вклад в армянскую этнографию внес также Л. Меликсет-Бек. Особенно интересны его работы: «К вопросу об обычае кувалды на

⁸ «Сов. этнография», 1936, № 4—5.

⁹ «Кавказский этнографический сборник», 1, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXVI, М., 1955.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ереван, 1969 (на арм. яз.).

¹² Т. I, Ереван, 1931; т. II, III, Ереван, 1941 (на арм. яз.).

¹³ Работа издана отдельной книжкой в Тифлисе в 1931 г.

¹⁴ «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46, Махачкала, 1929.

¹⁵ «Бюллетень Кавказского историко-археологического ин-та» (далее КИАИ), Л., 1929, № 5.

¹⁶ «Известия КИАИ», т. V, 1927.

Кавказе», «Армянский этнограф-археолог Е. Лалаян», «Ключ к песне Нурин-Назарета».

В 1940-е годы был опубликован целый ряд исследований об армянской языческой религии, среди которых особое место занимает вышедшая в 1941 г. в Ереване работа М. Абеяна «Стелы, названные „вишапами“ как статуи богини Астхик-Деркетю». В первой части своего труда автор опровергает мнение Я. Смирнова и Б. Пиотровского о том, что обнаруженные в Гегамских горах и на Арагаце стелы в виде громадных рыб связаны с культом вишапа-демона и олицетворяют божество воды и плодородия. Во второй части доказывается, что эти стелы не что иное, как статуи богини Астхик-Деркетю.

Дохристианскими верованиями в Армении занимался академик Г. Капанцян. Его труды внесли много нового в понимание сложных вопросов языческого мышления. Особенно ценно с этой точки зрения исследование «Хеттские боги у армян»¹⁷, в котором прослеживается некоторая общность религиозных воззрений хеттов и армян и проводится параллель между богами Тарки-Торк, Ара-с-Ара, Хепит-Хепит, Матан-Мажан, Нар-Цовинар. Автор совершенно справедливо связывает Цовинар с богиней Нар и в этой связи указывает на известную общность духовной культуры армян и народов Малой и Передней Азии древнего периода. Интересна статья Г. Капанцяна о существовании культа русалки у армян¹⁸.

Наконец, в 1944 г. вышла в свет монография Г. Капанцяна «Куль Ары Прекрасного». В этом блестящем исследовании рассмотрен культ Ары Прекрасного как умиряющего и воскресающего божества, дана периодизация развития этого культа и обстоятельно характеризуются его следы в материальной и духовной культуре. В работе анализируется громадный и разнообразный этнографический, археологический и лингвистический материал.

Изучению связей дохристианских верований в Армении с персидской религией посвящена работа К. Мелик-Оганджяна «Митра-Мигр в „Сасна Црере“»¹⁹. Значительный интерес представляют также статьи члена-корреспондента АН АрмССР Б. Аракеляна о сущности культа Вагна и культа Айка, их происхождении и месте среди дохристианских армянских божеств.

С 1920-х до начала 1950-х годов этнографическим центром был Музей истории Армении. Большое внимание здесь уделялось приобретению имеющих важное этнографическое значение коллекций и организации музейных экспозиций. С этой целью в различные районы Армении направлялись научные экспедиции и отдельные сотрудники, которые на местах осуществляли сбор вещей и материалов. Сотрудники музея вели также большую работу по изучению материальной и духовной культуры армянского народа. В 1950 г. было опубликовано исследование заведующего отделом этнографии музея В. Бдояна «Некоторые пережитки земледельческого культа у армян»²⁰. Характеризуя культ весны, земли, воды, Ары Прекрасного, Нар у армян, автор подчеркивает связь древних армянских преданий с природной средой, описывает целый ряд земледельческих праздников. В 1951 г. была опубликована статья В. Бдояна «Кровнородственный „азг“ и родственные отношения у армян»²¹, в которой автор впервые указывает на существование патронимических отношений у армян, подтверждая таким образом теоретические взгляды М. О. Косвена.

¹⁷ Ереван, 1940.

¹⁸ Г. Капанцян, Куль русалки у армян, «Советская литература», Ереван, 1940, № 6 (на арм. яз.).

¹⁹ «Литературно-филологические изыскания», Ереван, 1946 (на арм. яз.).

²⁰ «Труды Гос. исторического музея Армении», т. III, Ереван, 1950 (на арм. яз.).

²¹ «Сов. этнография», 1951, № 1.

В Музее истории Армении занимались также изучением этнографии курдов. Сотрудник музея Аминне Авдал начиная с 1948 г. опубликовал много статей по этой теме, которые имели не только теоретическое, но и практическое значение. Среди них можно назвать такие, как «Курдская женщина в патриархальной семье по этнографическим и фольклорным материалам», «Кровная месть среди курдов и ликвидация ее пережитков в советских условиях»²², и в особенности обобщающая монография «Быт курдов Закавказья»²³, первое сводное исследование по курдской этнографии. Работа состоит из двух частей: в первой дана характеристика быта курдов Закавказья в досоветский период, во второй — в советское время. Автор показывает коренные преобразования в жизни курдов после установления Советской власти и победы социалистического строя. Почти одновременно в журнале «Советская этнография» выходит статья А. Авдала, посвященная патронимическим отношениям у курдов Армении в XIX в.²⁴

В послевоенные годы советская тематика постепенно начинает преобладать в исследованиях сотрудников музея. Одна за другой выходят в свет работы о новом быте, например: «Армянское колхозное жилище в этнографическом отношении» и «Семейные отношения армянских колхозников» В. Бдяна²⁵.

В 50-е годы В. Бдяном были написаны такие исследования, как «Быт армянских рабочих до революции и в советский период», «Новый быт и культура рабочих текстильной промышленности Армении», «Быт рабочих Ереванского станкостроительного завода им. Ф. Дзержинского» и др.²⁶

Одновременно с научными сотрудниками музея этнографические исследования вела также этнографическая группа, созданная при Институте истории АН Армянской ССР. В 1959 г. был основан Институт археологии и этнографии, что создало наиболее благоприятные условия для дальнейшего развития этнографической науки в Армении.

Значительным явлением в армянской этнографии стала книга Д. Вардумяна «Новый быт лорийцев», которую можно считать серьезной попыткой всестороннего изучения нового быта армянского колхозного крестьянства. Здесь характеризуется производственный быт лорийцев, их семейные отношения, крестьянские постройки. На конкретных примерах показано влияние нового социально-экономического строя на весь уклад жизни сельского населения.

В 1955 г. вышла в свет монография Темурджяна «Ковроделие в Армении». В ней рассмотрены основные этапы развития ковроделия с древнейших времен до наших дней. Значительное внимание автор уделяет развитию этого промысла в Советской Армении, показывает устойчивость традиционных навыков ковродельного искусства у армян. Большой интерес представляет монография А. Мнацаканяна «Армянское орнаментальное искусство»²⁷. Автор касается таких вопросов, как родо-семейные отношения, дуальные и фратриальные объединения, праздники, обряды, мистерии и др.

Проблемам развития народного искусства посвящена также выпущенная в 1966 г. издательством АН АрмССР ценная монография С. Давтяна «Армянское кружево». Детально изучив различные школы вышивания, автор показывает, что наиболее крупными центрами вы-

²² «Труды Гос. исторического музея Армении», т. I, IV, 1952, Ереван (на арм. яз.).

²³ Ереван, 1957 (на арм. яз.).

²⁴ «Сов. этнография», 1959, № 6.

²⁵ «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1955, № 4; 1956, № 7 (на арм. яз.).

²⁶ См. «Архив отдела этнографии Ин-та археологии и этнографии АН Арм. ССР».

²⁷ Ереван, 1955 (на арм. яз., резюме на русск. яз.).

шивального искусства были Ван, Карин и Айнтап. Описана разнообразная техника изготовления кружев, излюбленные мотивы мастеров, а также географическое распространение армянского кружева. Большая заслуга автора заключается в том, что ему удалось показать развитие кружевного производства в Закавказье на широком историческом фоне.

В настоящее время в республике уделяют серьезное внимание изучению истории армянской этнографии. Этой теме посвящено уже более двух десятков статей. Из них следует отметить: «Г. Срвандзтянц как этнограф» В. Бдояна²⁸, «Этнографическая наука в Армении в 1951—1955-х годов»²⁹ Д. Вардумяна, статьи К. Мелик-Пашаяна об Ер. Лалаяне, С. Лисициане, С. Мовсисяне (Бенсе), Ов. Туманяне³⁰ и ряд других.

Серьезное внимание уделялось в последнее время исследованию семьи и семейной общины. Вышедшая в 1958 г. монография Э. Карапетян «Армянская семейная община» во многом заполнила существовавший в этой области пробел.

Вопросам патронимии у армян посвящена работа Э. Карапетян «Родственная группа „азг“ у армян»³¹, где показана структура этой семейно-родственной группы, ее идеологическая общность, локальное единство и остаточные формы экономической общности.

Значительный интерес для изучения армянской сельской и городской общин представляют статьи: «Об армянской сельской общине в XIV—XV вв.»³² Л. Хачикяна и «Материалы по истории армянской общины г. Ахалцихе»³³ К. Кафадаряна.

Для последних лет характерно особое внимание к хозяйственной жизни и материальной культуре армян. Опубликованы статьи Ю. Мкртумяна «Годовой скотоводческий цикл у армян северо-восточной Армении в дореволюционный период»³⁴, «Некоторые формы сообществ в армянской деревне»³⁵, «Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX в.»³⁶ и «Формы скотоводства у армян»³⁷; статьи: «Система рядового посева в бассейне озера Ван»³⁸, «Армянские мотыги и пахотные орудия XIX века»³⁹, «Армянские тесловидные мотыги»⁴⁰ и «Жатвенные орудия в Армении»⁴¹ В. Бдояна. Ряд статей по истории материальной культуры и народной метеорологии опубликовали также Л. Петросян, Р. Варданян. В настоящее время подготовлены к печати монографические исследования: «Земледельческая культура в Армении», «Формы скотоводства в Восточной Армении» Ю. Мкртумяна и «Сухопутные народные средства передвижения у армян» Л. Петросяна.

Многие этнографы посвятили себя изучению дохристианских народных верований армян. В 1963 г. вышла в свет монография К. Мелик-Пашаяна⁴², где впервые в армянской этнографии специально изучает-

²⁸ «Эчмиадзин», 1946, № 1 (на арм. яз.).

²⁹ «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1956, № 9 (на арм. яз.).

³⁰ «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1964, № 3; 1965, № 4; 1968, № 2; 1969, № 3 (на арм. яз.); «Сов. этнография», 1965, № 3.

³¹ Ереван, 1967.

³² «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1958, № 1 (на арм. яз.).

³³ Там же, 1967, № 1 (на арм. яз.).

³⁴ «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1963, № 7 (на арм. яз.).

³⁵ «Историко-филологический журнал», 1967, № 4.

³⁶ «Сов. этнография», 1968, № 4.

³⁷ «Вестник общественных наук», 1968, № 12.

³⁸ «Историко-филологический журнал», 1964, № 1 (на арм. яз.).

³⁹ «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства Армении», т. I, Ереван, 1964 (на арм. яз.).

⁴⁰ «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1965, № 2 (на арм. яз.).

⁴¹ «Историко-филологический журнал», 1968, № 3 (на арм. яз.).

⁴² «Культ богини Анаит», Ереван, 1963 (на арм. яз.).

ся культ богини Анаит. Выявлены корни культа этой богини, показана его сущность, описаны праздники, которые проводились в честь Анаит. Изучению народных верований посвящены статьи А. Одабашян: «О некоторых пережитках армянских народных верований»⁴³, «К вопросу о праздновании нового года»⁴⁴, «Некоторые пережитки христианского новогоднего праздника» и др. Ею же подготовлена к печати монография «Празднование нового года у армян».

Видное место в истории армянской этнографии занимает заслуженный деятель науки АрмССР, доктор исторических наук Србуи Лисициан. Ее фундаментальные исследования по танцевальному искусству широко известны в нашей стране и за ее пределами. Вышедший в 1958 г. первый том «Старинных плясок и театральных представлений армянского народа» отличается глубиной научного анализа и охватом огромного этнографического и фольклорного материала, автор предлагает унифицированную систему записи танца, которая отличается большой простотой и точностью воспроизведения сложнейших элементов движения.

Этнографы Армении уделяют большое внимание изучению жизни и быта армянского народа в наши дни. В 1962 г. Институтом этнографии АН СССР был издан второй том труда «Народы Кавказа», в одном из разделов которого помещено фундаментальное исследование по этнографии армян (авторы: С. Еремян, С. Лисициан, Срб. Лисициан, Д. Вардумян, Э. Карапетян и др.). Впервые в научной литературе здесь дана всесторонняя этнографическая характеристика армянского народа с древнейших времен вплоть до начала 60-х годов нашего столетия.

Изучению быта колхозного крестьянства Армении посвящена вышедшая в 1963 г. работа Д. Вардумяна и Э. Карапетян⁴⁵, где рассмотрены экономическая база сельской семьи, ее состав и структура, семейные отношения; характеризуются современные свадебные и брачные обычаи.

В советское время большое внимание уделялось сбору этнографических материалов. Еще в 1924 г. экспедиция Закавказской научной ассоциации с участием С. Лисициана, Г. Чурсина и Лазо (Г. Газарян) проводила этнографические исследования в Нагорном Карабахе, Зангезуре и других районах. В 1927—1928 гг. С. Лисициан по поручению Кавказского историко-археологического института собирал материал в Мегри и Агулисе⁴⁶. В эти же годы Ер. Лалаян работал в Котайкском (ныне Абовянском районе АрмССР), куда он был командирован Институтом науки и искусства АрмССР⁴⁷. Заведующий отделом этнографии Государственного исторического музея С. Лисициан в 30-е годы старался организовать систематический сбор этнографических данных в Зангезуре, Мегри, Лори-Казахе, Ахалкалакском и Ахалцихском районах, Нор-Баязетском районе и других местах. Одновременно было приобретено для музея около 1000 экспонатов, в том числе коллекции орудий и инструментов ювелирного, оружейного и гончарного производства.

С. Лисициан составил «Этнографический вопросник», изданный в Ереване в 1946 г.; который отражал все основные аспекты этнографических исследований. Основные его разделы: «Общие сведения», «Хозяйственный быт», «Материальная культура», «Социальные отношения», «Верования», «Праздники», «Язык и письменность», «Досуг», «Фольклор» и «Искусство». Вопросник сопровождается практическими указаниями для собирателей. Вопросник С. Лисициана способствовал

⁴³ «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1962, № 2 (на арм. яз.).

⁴⁴ «Историко-филологический журнал», 1963, № 2 (на арм. яз.).

⁴⁵ «Семья и семейный быт колхозников Армении», Ереван (на арм. яз.).

⁴⁶ «Бюллетень КИАИ», 1929, № 5.

⁴⁷ «Известия Ин-та науки и искусства АрмССР», 1927, № 2 (на арм. яз.).

развертыванию собирательской деятельности в Армении, им ныне руководствуются не только этнографы, но и десятки учителей, студентов и просто любителей-собираателей.

Этнографы Государственного исторического музея Армении и Института истории АН АрмССР в 50-х годах проводили сбор этнографических материалов в бассейне оз. Севан (1956), Разданском районе (1957), Иджеванском, Шамшадинском, Ноемберянском районах (1958). Сбор этнографических материалов достигает еще больших масштабов после создания при АН АрмССР Института археологии и этнографии. Проводятся большие комплексные экспедиции, в состав которых, помимо этнографов, входят фольклористы, художники, архитекторы. Эти экспедиции собрали ценные материалы не только в большинстве районов Армянской ССР, но и в других частях нашей страны, заселенных армянами,— на Северном Кавказе, в Грузинской и Азербайджанской ССР. Материалы, собранные как сотрудниками Института археологии и этнографии, так и отдельными любителями-собираателями, публикуются. Так, в 1962 и 1965 гг. были изданы две работы⁴⁸, посвященные этнографической характеристике Сасуна — этой самобытной области Западной Армении. Их авторы, коренные сасунцы, сумели дать описание образа жизни сасунцев, их обычаев, материальной культуры, социальных отношений, особенностей духовной культуры и т. д. Эти две работы в значительной степени восполняют большой пробел в этнографическом изучении малоисследованной области.

Институт археологии и этнографии АН АрмССР приступил к изданию серии «Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования».

В настоящее время одна из основных задач армянских этнографов — составление историко-этнографического атласа Армении. Разрабатываются следующие основные разделы: «Земледельческая культура» (В. Бдоян), «Скотоводческая культура» (Ю. Мкртумян, Л. Петросян), «Поселение и жилище» (Д. Вардумян, К. Сехбосян). Работа над атласом проводится в сотрудничестве с Институтом этнографии АН СССР и соответствующими учреждениями Грузии и Азербайджана. Результаты, как известно, будут обобщены в «Кавказском историко-этнографическом атласе».

Этнографический кабинет им. С. Лисициана Музея истории Армении систематически увеличивает этнографические фонды. Только за последние 5—6 лет было приобретено около 5000 ценных вещей: одежда, ковры, карпеты, сельскохозяйственные орудия, оружие, украшения, вышивки и др. Ныне этнографический фонд музея имеет около 20 000 экспонатов, среди которых много предметов, подаренных зарубежными армянами.

В 1965 г. музей издал альбом «Армянских костюмов», подготовленный художницей-этнографом Ф. Григорян; подготовлены к печати «Альбом золотых и серебряных предметов», хранящихся в музее, и «Альбом лучших образцов тканей».

Огромный интерес представляют «Карта армянского народного костюма» А. Патрика, а также этнографические карты Восточной Армении до и после присоединения к России Х. Авдалбекяна, которые экспонируются в музее истории Армении. Д. Вардумян составил «Карту этнографических районов Армении»⁴⁹.

За годы Советской власти в Армении выросли новые кадры этнографов. Если в первые годы Советской власти в республике было всего три этнографа, то сейчас их более двух десятков. Из них четверо имеют ученую степень доктора наук и восемь — кандидата наук.

⁴⁸ Е. Карапетян, Сасун, Ереван, 1962 (на арм. яз.); В. Петоян, Этнография Сасуна, Ереван, 1965 (на арм. яз.).

⁴⁹ «Народы Кавказа», т. II, М., 1962, стр. 441.

За полвека Советской власти была проведена значительная работа по этнографическому изучению армянского народа. Однако предстоит сделать еще многое как в области исторической, так и прикладной этнографии. Постановление Центрального Комитета КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» обязывает армянских этнографов сделать свои исследования более целеустремленными, более плодотворными и нужными нашему народу.

THE MAJOR PROBLEMS OF ETHNOGRAPHIC RESEARCH IN THE ARMENIAN SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

The article deals with the development of ethnography in Soviet Armenia. The author characterizes the most important problems studied by Armenian ethnographers.

Ф. Д. Люшкевич

ТЕРМИН «ТАТ» КАК ЭТНОНИМ В СРЕДНЕЙ АЗИИ, ИРАНЕ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Отдельные группы населения Средней Азии, Закавказья, Крыма и Сибири, а также Ирана, Венгрии и Монголии имеют общее название *тат*, бытующее для их обозначения у соседних жителей или являющееся самоназванием¹.

Распространение этого термина как названия и самоназвания различных групп на столь обширной территории вряд ли связано с его единым этническим содержанием. Как отметил Б. В. Миллер, исторические свидетельства о наличии созвучных названий в отдаленных друг от друга областях не могут служить объяснением их общности в прошлом. Встречая «татов в Крыму, Венгрии, Монголии и т. д., не следует видеть в них предков тех самых татов, которых мы имеем в Закавказье и кое-где в Персии»². Очевидно, что содержание термина *тат* следует рассматривать отдельно в каждой этнокультурной области, стараясь установить, по какому признаку — социальному или этническому — связана та или иная группа с этим названием и какой из этих признаков был первоначальным и определяющим. Даже на имеющей много общего в историко-культурном отношении территории Средней Азии, Ирана и прилегающих районов Закавказья название *тат* встречается в различных значениях. Так, в Средней Азии татами местные жители называют некоторые группы старого оседлого населения независимо от их языковой принадлежности (главным образом узбеков и туркмен); в Иране слово *тат* — название и самоназвание отдельных групп ираноязычного населения, а в Закавказье — самоназвание группы татов-мусульман и название татов-евреев и татов-армян. Эту многозначность термина подчеркивали почти все исследователи. Высказывались предположения, что первоначально название *тат* не имело этнического значения.³

Между тем сведения, содержащиеся преимущественно в тюркоязычных письменных памятниках, при сопоставлении их с этнографическими и лингвистическими данными о татах Ирана, Закавказья и Средней Азии, дают возможность не только отметить общее для всей этой территории этническое содержание термина *тат*, но и проследить эволюцию его значения. Так, в орхонских надписях VIII в. татами названа часть населения Средней Азии. В. Томсен толковал это название как «подданные иностранного происхождения», предположив, что речь шла преимущественно об ираноязычном населении, завоеванном тюрками⁴. В словаре Махмуда Кашгарского (XI в.) дано четкое определение названия *тат*, приводятся примеры его употребления. Махмуд Кашгарский

¹ См. сводную работу об этом слове: V. Minorsky, *Tat*, «Encyclopédie de l'Islam», vol. IV, pp. 733—736.

² Б. В. Миллер, Таты, их расселение и говоры, «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», 1929, № 8, вып. VII, стр. 39.

³ И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960, стр. 327.

⁴ V. Thomsen, *Turcica. Études concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibirie*, «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», XXXVI, Helsingfors, 1916—1917.

пишет, что все тюрки называли так ираноязычное население. Отмечая далее, что татами в его время стали называть и уйгуров, и китайцев, он считает такое употребление слова *тат* неверным (разрядка наша.— Ф. Л.)⁵. После тщательного анализа текстов со словом *тат* Х. Х. Шедер также пришел к заключению, что это слово обозначало именно ираноязычное население. А это в свою очередь, по его мнению, подтверждает догадку В. Томсена о том, что термин *тат* в текстах VIII в. относился к согдийцам; покоренным западными тюрками⁶.

Между тем такие тюркские пословицы, как «если меч ржавеет — дело плохо, если человек стал татом — мясо протухает» или «тат на глазах, колючка на корне», говорят, по справедливому замечанию самого Шедера, не столько об этнических различиях, сколько о презрительном отношении кочевников-завоевателей к оседлому городскому и земледельческому населению⁷. В связи с этим интересно сообщение Рашид ад-Дина о том, как Чингисхан назвал сартактаем, т. е., по словам Рашид ад-Дина, таджиком, первого из подчинившихся ему карлукских ханов. В. В. Бартольд по этому поводу замечает, что «признак принадлежности к определенному культурному типу был в глазах кочевника важнее, чем признак национальности и языка»⁸. Отсюда, вероятно, и это «неверное», с точки зрения Махмуда Кашгарского, перенесение названия *тат* на неираноязычные группы оседлого населения (уйгуров, китайцев).

В дальнейшем термин *тат* сохраняет в Средней Азии главным образом свое более широкое значение, прилагаясь к любому оседлому населению. Однако память о первоначальном значении этого слова еще, видимо, долго жила в народе. Так, в «Родословной туркмен» Абул Гази (XVII в.) говорится, что во время первых походов огузов на запад «в Ираке, Хорасане и Мавераннахре государи, сипахи и райяты — все были таты. Кроме татов никого не было»⁹. Но «всеми» в то время в этих районах как раз было ираноязычное население, и «туркмены термин *тат* употребляли как этнографическое название для обозначения нетюрков, в первую очередь иранцев»¹⁰. Даже в источниках XIX в. можно найти отголоски того, что прежде этим термином обозначалось дотюркское население Средней Азии. Так, в описании путешествия Н. Муравьева по Туркмении в начале XIX в. татами названы «первобытные обитатели Средней Азии»¹¹.

Во второй половине XIX в. А. Д. Гребенкин, зафиксировав среди названий таджиков Зарафшанского округа самоназвание *тат*, которым именовали себя выходцы из Мерва, подчеркнул, что «язык их персидский, а занятия и тип те же, что и у таджиков. О себе они говорили: мы род тат племени персидского»¹². Последнее замечание особенно интересно тем, что и до настоящего времени туркмены называют татами всех оседлых жителей правого берега Амударьи, включая Таджикистан. Но ираноязычных жителей Таджикистана они называют *таджик татлары* (таджикские таты)¹³. Этим, как нам кажется, подчеркивается отличие таджиков от других по языку татов — потомков местного населения, не полностью ассимилированного тюрками¹⁴. В центральных районах Турк-

⁵ См. С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, М., 1964, стр. 123.

⁶ Н. Н. Schaedер, Türkische Namen der Iranier, «Die Welt des Islams», 1941, Sonderband, S. 15.

⁷ Там же, стр. 3.

⁸ В. В. Бартольд, Таджики, Соч., т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 461.

⁹ А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абул Гази хана Хивинского, М.—Л., 1958, стр. 56.

¹⁰ Там же, стр. 96, прим. 126.

¹¹ Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг., М., 1822.

¹² А. Д. Гребенкин, Таджики, «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 1.

¹³ К. Шаниязов, Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964, стр. 39, 40.

¹⁴ К. Атаев, Некоторые сведения об общественной организации у туркмен али-эли в конце XIX — начале XX в., «Изв. АН ТуркмССР», 1966, стр. 80.

мении к татам относят туркменские группы, которые своим происхождением связаны с местным дотюркским населением и имеют много общего в обычаях, в частности в брачных обрядах, с узбеками и таджиками соседних районов Узбекистана¹⁵. Характерна и такая этнографическая деталь — старый тип арбы в Каракалпакии называется *тат-арба*¹⁶.

Итак, в Средней Азии слово *тат* связано как с самим дотюркским, преимущественно ираноязычным, населением, так и с его культурными традициями.

В тюркоязычной литературе Малой Азии и северного Ирака слово *тат* отчетливо сохранялось в своем первоначальном значении. Х. Х. Шедер приводит целый ряд примеров, иллюстрирующих это. Так, в одном полуперсидском, полутюркском стихотворении автора XIII в. Джалал ад-Дина Руми говорится: «агар татсан, вагар румсан, вагар турк — забан-е бизабананра биамуз» «тат ли ты, грек или тюрк — учи язык немых». Во многих произведениях XIII—XV вв. отмечено противопоставление языков *татча* и *тюркче* (татского и тюркского). Масуд ибн Ахмед (первая половина XIV в.), переведший «Бустан» Саади на турецкий язык, язык оригинала называет либо *татча*, либо *парси*. Приглашая читателя сравнить перевод с персидским текстом, он именует последний *татчасы* (татским). В этом же произведении автор пишет: «если слово полезно и полновесно, то нет никакой разницы, говорит ли тюрк или тат»¹⁷. Х. Х. Шедером, отмечено и прямое употребление синонима *парси* (персидский) для татского языка. Причем, как подчеркивает исследователь, в тюркоязычной литературе северного Ирака и Малой Азии в XIII—XV вв. не отмечено ни одного случая перенесения названия *тат* на других жителей (арабов, греков или анатолийских тюрков)¹⁸. Все это свидетельствует об определенном этническом значении слова *тат* и его связи с ираноязычным населением.

В письменных источниках по средневековой истории Ирана термин *тат* не встречается. Но есть много сведений об его употреблении в новейшее время. Так, по свидетельству В. А. Иванова, «татами по всей Персии называют персов, когда нужно отличить их от курдов, тюрков, арабов и др.»¹⁹. Б. В. Миллер отмечал, что «в персидском Азербайджане татами называются древние иранские народности, живущие на Ардебильской стороне за перевалами Талышских гор. Эти таты теперь отуречились и приняли язык своих покровителей шахсенов, которые продолжают называть татами, т. е. якобы покорными слугами, данниками сельское оседлое население»²⁰. Название *тат* по отношению к окружающему ираноязычному населению отмечено и среди тюркоязычных кочевников Фарса — кашкайцев²¹. Группа татов, у которых этот термин является самоназванием, составляет население ряда районов в северо-западной части Иранского нагорья. Они относятся «к иранским народам, которых сами персы считают отличными от себя», а об их языке высказывалось предположение, что «группа диалектов татов может быть связана с так называемым чистым пехлеви»²². Опубликованные в Иране три небольшие монографии о селениях татов содержат этнографические и лингвисти-

¹⁵ Г. П. Васильева, О роли этнических компонентов в сложении свадебной обрядности туркмен, сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 332.

¹⁶ Т. А. Жданко, Каракалпак Хорезмского оазиса, «Труды Хорезмской экспедиции», I, М., 1952, стр. 547.

¹⁷ Н. Н. Schaeder, Указ. раб., стр. 6, 7.

¹⁸ Там же, стр. 5.

¹⁹ V. Ivanov, The dialect of Gozarkhon in Alamut, «Acta Orientalia», vol. IX, pt. IV, 1931, p. 353, note 2.

²⁰ Б. В. Миллер, Указ. раб., стр. 39.

²¹ А. А. Ромаскевич, Песни кашкайцев, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. V, вып. 2, стр. 576.

²² V. Minorsky, Указ. раб., стр. 735.

ческие материалы об этой группе иранского населения²³. Сравнение этих сведений с данными по другим группам татов Ирана и Средней Азии полностью подтверждает замечание Джалал Ал-и-Ахмада о том, что таты этого района являются потомками «древней иранской народности, сохраняющей архаические элементы в языке и культуре»²⁴.

Потомками переселенцев из Ирана считаются группы татов в Закавказье. Татами здесь называют различные по происхождению и религии группы татов-мусульман, татов-армян и горских евреев, объединяемые по признаку общего языка тати, иранского по происхождению²⁵.

Таким образом, значение термина *тат* — «ираноязычный», отмеченное в тюркских источниках для Средней Азии с VIII до XI в., а в областях дальнейшего продвижения тюрков на запад — вплоть до XV в., находит подтверждение в современном употреблении этого названия в Иране и Закавказье.

Однако в Средней Азии этот термин, видимо, в силу гораздо более ранней и интенсивной тюркизации большей части населения, получил несколько иное развитие. Как уже отмечалось выше, Махмуд Кашгарский засвидетельствовал, что словом *тат* стали называть и другие — неираноязычные — группы оседлого населения. По мере все большей тюркизации Средней Азии слово *тат* теряет свое чисто этническое содержание и начинает обозначать тот культурный тип, к которому принадлежала основная часть местного ираноязычного населения. В этом своем новом значении оно сохраняется в районах, население которых было почти полностью ассимилировано тюрками по крайней мере в языковом отношении (Туркмения, Узбекистан). Но там, где преобладающим осталось ираноязычное население, в частности в районе бывшего Согда, название *тат* как бы вытесняется его синонимом, встречающимся в источниках одновременно с *тат* сначала в форме *тажик/тазик*, а позже — *таджик*. В словаре Махмуда Кашгарского отмечены даже два совершенно одинаковых предложения, в которых *тат* и *тажик* употреблены в одном и том же значении²⁶.

Мысль о возможном происхождении слова *таджик* от слова *тат* высказывалась неоднократно. Но впервые подкрепил ее доказательством единого этнонимического содержания обоих слов Х. Х. Шедер, показавший этнонимическую, территориальную и хронологическую связь терминов *тат*, *тажик/тазик* и *таджик* в тюркских источниках. Казалось бы, он ближе всех подошел к обоснованию происхождения этнонима *таджик* от *тат* путем прибавления к нему аффикса *-чик*, характерного как раз для юго-западных тюркских языков. Однако, как пишет сам автор, ему пришлось отказаться от этой ясной и легкой возможности, так как форма *тажик*, предшествовавшая более поздней *таджик*, фонетически не могла быть образована от *тат*. И Х. Х. Шедер обратился к получившей в науке наибольшее признание гипотезе о происхождении слова *таджик* от названия арабского племени «тай» через образование от него среднеперсидского *тачик* в значении «араб». Исторически это легко могло быть объяснено распространением ислама, вызвавшим смену этнического значения конфессиональным: араб — мусульманин, иранец — мусульманин. В обоснование этой гипотезы Х. Х. Шедер ссылается на предположение В. В. Бартольда о том, что от *тачик* позже возникли *тазик* и *тази*, а от

²³ Джалал Ал-и-Ахмад, Оуразан, Тегеран, 1954 (на перс. яз.); см. рецензию на эту книгу: М. С. Иванов, Иранская деревня Оуразан, «Сов. этнография», 1959, № 2; Джалал Ал-и-Ахмад, Таты района Зохра, Тегеран, 1958 (на перс. яз.); Пур-и-Карим Хушанг, Фашандак, Тегеран, 1962 (на перс. яз.).

²⁴ Джалал Ал-и-Ахмад, Таты района Зохра, стр. 18.

²⁵ См. А. Л. Грюнбергер, О месте татского языка среди иранских языков, «Вопросы языкознания», 1961, № 1, стр. 11; В. Ф. Миллер, Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты и словарь, СПб., 1892, стр. XIII—XIV; Б. В. Миллер, Указ. раб., стр. 14.

²⁶ Н. Н. Schaefer, Указ. раб., стр. 3.

тазик образовалось в свою очередь *таджик*. При этом В. В. Бартольд допускал, что для тюрков таджиками были не только арабы, но и обращенные в ислам ираноязычные народы, и для согдийцев таджиками могли быть и персы-мусульмане. Однако, как отмечал сам В. В. Бартольд, примеры такого употребления слова *таджик* местными иранцами не известны²⁷. И действительно, подобное употребление названия *таджик* не зафиксировано ни иранскими, ни тюркскими источниками. Напротив, уже в тюркских текстах XI в. отмечена ясная дифференциация значения *газик* (перс) и *тази* (араб). Наряду с *тази* в эту эпоху употреблялось и слово *араб*, встречающееся даже в сочетании «арабча, тажикча» (по-арабски, по-персидски)²⁸. Против идентичности названий *тази* и *тажик/тазик* говорит и их употребление в более поздних источниках вплоть до XV в., где они в значениях «араб» и «таджик» постоянно различаются одно от другого²⁹.

Разные значения слов *тажик/тазик* и *тази* были отмечены и Х. Х. Шедером в известных ему списках тюркских источников XI в. Обращая главное внимание на лингвистическую этимологию, Х. Х. Шедер тем не менее считает возможным судить о форме слова по текстам, которые дошли до нас в более поздних редакциях³⁰. Так, он допускает, что *тажик* в источниках XI в. (?) восходит к *тазик* в старотюркских надписях VIII в., где *з* могло быть неточным обозначением звука *ж*, для которого рунический алфавит не имел особого знака. А так как *тазик* орхонских надписей понималось как «араб», то, проведя фонетическое отождествление терминов, автор считает возможным объединить их и семантически, полностью соглашаясь в этой части с приведенными выше предположениями В. В. Бартольда.

Продолжая дальше лингвистические поиски этимологии слова *таджик*, Х. Х. Шедер, естественно, обратил внимание на различное написание этого слова даже в близких по времени переписки текстах. Так, в тексте словаря Махмуда Кашгарского *тажик* написано с обеими краткими гласными, а в намаганской и каирской рукописях «Кутадгу-билиг» дважды встречаются *тажик* с обеими краткими гласными и два раза — *тазик* с обеими долгими гласными. Если в написании слов *тажик/тазик* замена *ж* на *з* объясняется редким употреблением знака *ж* в рукописях, написанных вновь принятым арабским алфавитом, то гораздо сложнее объяснить написание слова то с краткими, то с долгими гласными. По мнению Х. Х. Шедера, варианты написания могли либо отражать своеобразие произношения в различных диалектах, либо указывать на звук, для которого еще не было общепринятого обозначения. Впрочем, отмечая гипотетичность такого объяснения, автор не исключает и возможные в данном случае ошибки переписчиков. В дальнейшем развитии слова Х. Х. Шедер допускает замену тюркской формы *тажик* новоперсидским *тазик*, наряду с которым продолжало сохраняться еще в XIII в. и слово *тажик*. Последнее в диалектах западного, среднего и северного Ирана, по заключению исследователя, должно было трансформироваться в *таджик*. Итак, гипотеза о происхождении этнонима *таджик*

²⁷ В. В. Бартольд, Таджики, стр. 459.

²⁸ А. Н. Самойлович, Старейшие упоминания арабов в турецкой литературе, «Докл. АН СССР», 1927, стр. 156.

²⁹ А. К. Боровков, Филологические заметки, сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, Сталинабад, 1953, стр. 50.

³⁰ Единственный список словаря Махмуда Кашгарского (XI в.), написанный арабским письмом, датируется 1266 г. Текст «Кутадгу-билиг» (XI в.) известен в трех списках; древнейший, так называемый «намаганский», выполнен арабским письмом, датируется концом XII — первой половиной XIII в.; более поздний, тоже написанный арабским письмом, так называемый «каирский», относится к первой половине XIV в.; третья рукопись, выполненная уйгурским письмом, «гератская», датируется 1439 г. По словам Х. Х. Шедера, оба старейших списка «Кутадгу-билиг», выполненные арабской графикой, дают написание *тажик/тазик*, тогда как список 1439 г., написанный уйгурским письмом, имеет варианты *тачик/таджик*.

от названия арабского племени «тай» построена на предполагаемой смене значения и на предполагаемом фонетическом развитии слова. Эта гипотеза уязвима со многих сторон.

Прежде всего следует отметить, что автор отдает предпочтение формальному лингвистическому методу исследования, почти полностью игнорируя реальную семантику слова. При этом неиспользованными оказались сведения источников, которые не только раскрывают общее этническое содержание терминов *тат* и *тажик/тазик*, но и содержат одинаковое их употребление, исключающее толкование слова *тажик/тазик* в значении «мусульманин». Тюрки, принявшие ислам уже к XI в., никогда себя так не называли. Более того, судя по пословицам из словаря Махмуда Кашгарского, где названия *тат* и *тажик/тазик* имели еще и одинаковый презрительный оттенок, они, естественно, и не могли себя так называть.

Первое употребление слова *тазик* в новоперсидской литературе отмечено в «Истории Масуда» Абу-л Фазла Байхаки (XI в.). В ней приводится рассказ о том, как один знатный иранец в разговоре с султаном Масудом Газневидским употребил выражение «ма тазиган» (мы таджики)⁵¹, противопоставляя местное население пришедшим тюркам. Это самоназвание вовсе не могло означать «мы мусульмане», так как тогда оно должно было бы быть общим и для тюрков-мусульман, представителем которых в данном случае был газневидский правитель Масуд. О том, что название *тазик* не было дано иранцам-мусульманам местным населением, говорит и то обстоятельство, что это слово не встречается в источниках времени правления местной династии Саманидов⁵² и, напротив, получает сравнительно широкое распространение в следующую эпоху — период правления тюркской династии Караханидов, которые, отметим, считаются выходцами из тюркского племени ягма⁵³, кочевавшего на территории, непосредственно примыкавшей к Согдиане, и в говоре которого Махмуд Кашгарский отметил наиболее частые среди известных ему тюркских языков употребления названия *тат*⁵⁴.

Не совсем оправданными представляются поиски фонетического развития слова *тажик/тазик* в иранских языках. Термины *тат* и *тажик/тазик* известны нам по источникам как названия, данные тюрками, и их фонетические формы следует искать, очевидно, в языках тюркских, а не иранских. С точки зрения фонетики тюркских языков некоторые затруднения вызывает переход *тат+чик>тажик*, но возможен переход *татчик>тачик>таджик*⁵⁵. Относительно формы *тажик/тазик* уже было отмечено, что их различные написания в ранних тюркских текстах объясняются не столько правилами исторической фонетики, сколько, видимо, отсутствием выработанного «правописания» во вновь принятом арабском алфавите. Отсюда можно предположить, что эта форма не совсем точно отражала истинное произношение. В дальнейшем, возможно, сохранялось некоторое время традиционное написание этого слова, независимо от его звучания. То же самое можно предположить и в отношении формы *тазик* в новоперсидском языке, которая, кстати, не нашла места в предложенном В. А. Лившицем образовании слова *таджик* через парфянский и согдийский⁵⁶. Весьма вероятно, что тазик как название, воспринятое от тюрков, было транслитерировано в новоперсидских текстах из тюркской литературы и также не было адекватно произношению.

⁵¹ В. В. Бартольд, Таджики, стр. 459.

⁵² Там же.

⁵³ В. В. Бартольд, Караханиды, Соч., т. II, ч. I, стр. 41.

⁵⁴ Н. Н. Schaeder, Указ. раб., стр. 2.

⁵⁵ О возможности подобного фонетического перехода нам любезно сообщил А. М. Щербак.

⁵⁶ В. А. Лившиц, Согдийские документы с горы Муг, вып. II, М., 1962, стр. 88—89.

Спорным представляется принятое Х. Х. Шедером толкование слова *тазик* орхонских надписей VIII в. как этнонима «араб». Первым обратил внимание на это слово В. В. Бартольд и, исходя из среднеперсидского *тачик* (араб), предположил, что тюрки могли услышать его от своих ираноязычных соседей. А. Н. Самойлович при чтении другой надписи, где это слово встречается вторично, счел возможным, основываясь на предположении В. В. Бартольда, понимать его так же, как и в первом случае. Тем более, что речь шла о военных действиях в Согде, а таковые имели место и с арабами. Вместе с тем А. Н. Самойлович отметил в первой надписи рядом со словом *тазик* слово *такр* (тохары), а во второй обратил внимание на то, что слово *тазик* поставлено в зависимость от послелога *таги* (до), которому подчинено также название «Железные ворота». Последние, по определению В. В. Бартольда, обычно обозначали «южную границу Согда и владений домусульманских князей Самарканда». А это, по мнению А. Н. Самойловича, придает слову *тазик* скорее характер названия территории, населенной одноименным народом³⁷.

Сопоставление контекста обеих надписей дает возможность иного толкования самого слова *тазик* и той роли, которая отводилась тохарам в этих надписях. Считается, что тохары упомянуты как союзники арабов в их походах³⁸. Но в этой роли могли быть названы и многие другие народы. Здесь же речь идет о ближайших соседях согдийского населения, на территории которого происходили военные действия. Само же население Согда, как явствует из предложенного А. Н. Самойловичем чтения второй надписи, видимо, и было названо «тазиками». В этом случае возможность происхождения «тазик» в орхонских текстах, равно как и «тажик» в более поздних тюркских памятниках, основывается не только на их фонетическом сходстве, а на их общем значении, что является основным в этимологии термина. В этом свете термины *тат* и *тажик/таджик* скорее всего надо рассматривать как формы одного и того же названия. А исходя из этого можно объяснить и исчезновение в Средней Азии названия *тат* применительно к ираноязычному населению: произошло как бы разделение их значений. Слово *тат* сохранилось за тюркским оседлым населением, воспринявшим в значительной мере культуру местного дотюркского населения, а название *тажик/таджик* закрепилось главным образом за ираноязычным населением³⁹.

Дальнейшую эволюцию терминов *тат* и *таджик* в Средней Азии можно видеть в том значении, которое отмечено для него современными исследованиями. Так, Б. Х. Кармышевой установлено, что в южных и западных районах Узбекистана «названия *тат*, *таджик* и *чагатай* в понимании местного населения продолжают обозначать не столько этническую единицу, сколько историко-культурный комплекс, независимо от языка его носителей»⁴⁰. Автор при этом отмечает, что название *тат* в этом значении употребляется туркменами, а *таджик* — в районе, где преобладают относительно поздние пришельцы — дештикипчакские узбеки⁴¹. Иными словами, с приходом новых кочевников происходит распространение названия основной части населения — теперь уже названия *таджик* — на все оседлое население этого района, в том числе и тюркское.

Сопоставляя историю развития терминов *тат* и *таджик* в разные периоды истории народов Средней Азии, можно, видимо, установить следующую закономерность: в XI в. *тат* — иранец, а также живущий оседло;

³⁷ А. Н. Самойлович, Указ. раб., стр. 156.

³⁸ С. Г. Кляшторный, Указ. раб., стр. 141—146.

³⁹ Аналогичное разделение значений было отмечено В. В. Бартольдом в отношении термина «сарт». См. В. В. Бартольд, Сарт, Соч., т. II, ч. 2, стр. 528.

⁴⁰ Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, КСИЭ, XXVII, 1957, стр. 14.

⁴¹ Там же, стр. 15 и 17.

таджик — представитель оседлого ираноязычного населения. С XVI в. в некоторых районах распространения поздних тюркских кочевников наблюдается уже перенос названия *таджик* на все оседлое население, независимо от его языка.

THE TERM «TAT» AS AN ETHNONYM IN MIDDLE ASIA, IRAN AND TRANSCAUCASIA

The term *Tat* as the name of various ethnic groups (whether applied to them by other groups or by themselves) is found from profound antiquity in a wide area from the Crimea to Mongolia. In the article the meaning of this term is considered for Middle Asia, Iran and Transcaucasia — three areas which formed in the past a single historical-cultural territory. The latest research on written sources together with new ethnographic and linguistic materials has made it possible not only to note a common ethnic content of the term *Tat* for the whole of this territory (it served originally to designate Irani-speaking population groups) but also to trace its further evolution towards the designation of all sedentary population groups who had been settled in their habitat over a long period of time. The ethnonymic, territorial and chronological connection between the terms *Tat/Tazik* and *Tajik* noted in the sources permit us to consider them as forms of one and the same name which took different meanings in various periods in the history of Middle Asian peoples: in the 10—11 centuries «*Tat*» meant «Irani-speaking, sedentary»; «*Tajik*» — simply «Irani-speaking». Since the 16-th century the name *Tajik* in regions of late Turkic conquests is observed to expand its application to long settled sedentary population irrespective of language.

ЗАМЕТКИ О КАЛЕНДАРЕ МАЯ. ОБЩИЙ ОБЗОР. II*

Вторая реформа календаря

II реформа вполне может быть названа «великой», если не по научным достижениям, то во всяком случае — по последствиям. Народы Мesoамерики приняли календарь в основном в варианте II реформы. Она относится ко времени примерно 8.7.0.0.0 (179 г. н. э.).

Основной задачей II реформы было преобразовать календарно-хронологическую систему так, чтобы открыть возможности, так сказать, легального продления срока власти правителя, со ссылкой на то, что именно так происходит у богов. II реформа неразрывно связана с новыми теологическими концепциями. Кроме того, конечно, имелось в виду дальнейшее улучшение календаря.

Сущность II реформы сводилась к приведенным ниже девяти моментам.

1. Сохранение ставшего традиционным 260-дневного цикла для непрерывного счета и датировки дней.

2. Введение девятидневки. Появление в календаре девятидневки отражает изменение космографических представлений. Старинная тринадцатидневка была связана с представлением о 13 сферах, каждой из которых правит определенный бог. Число 13 было взято по количеству «домов солнца» (созвездий зодиакального пояса). Само представление о сферах связано с астрономическими наблюдениями. Когда выяснилось, что Солнце, Луна и кометы не двигаются вместе с остальными звездами, а имеют собственный путь, возникло представление о множестве небес — небо Луны, небо Солнца, небо звезд, небо планеты Венера, небо комет. К ним добавили еще подземный мир, или преисподнюю, область старого бога вулканического огня, который в Мексике часто напоминал о себе, а также небо ураганов и т. п., доведя общее количество сфер до 13, в порядке мировой гармонии. 13 сфер, по-видимому, были утверждены мудрецами I реформы.

Мудрецы-авторы II реформы сохранили 13 сфер, но только для неба, а преисподнюю разделили на 9 сфер или подземных миров. Основанием для этого были, очевидно, в общем правильные соображения, что если Луна, Солнце и прочее имеют свои надземные сферы, то у них должны быть и свои подземные сферы, во избежание столкновения. У каждой подземной сферы или подземного мира был, конечно, свой бог-хозяин (следует отметить, что мудрецы II реформы новых богов не выдумывали, а распределили по девяти подземным мирам уже имевшихся). В качестве владык подземных миров эти боги были и владыками ночи, причем правила поочередно, так что вопрос о девятидневке (или, точнее, девятиночной неделе) был совершенно ясен. Требовалось только опре-

* Первая статья Ю. В. Кнорозова о календаре мая опубликована в № 2 журнала «Сов. этнография» за 1971 г.

делить, какой из девяти ночей соответствует начальная дата 260-дневного цикла — 4 Ахав. Этот вопрос был решен сугубо формально — раз четвертым днем тринадцатидневки правит бог солнца, то этому дню соответствует ночь подземного солнца.

Сама ночь была также поделена между девятью богами (а день между 13). Подразделение суток, очевидно, требовалось для различных нужд, в том числе военных. Ночью в качестве указателя времени использовались приметные созвездия, например Плеяды.

3. Упорядочение лунного календаря. Поскольку население, судя по всему, продолжало придерживаться древнего лунного календаря для ориентировочного счета времени, что было очень удобно, делать по фазам Луны, мудрецы II реформы решили ввести дату по лунному календарю, не внося в него, по-видимому, существенных изменений. В лунном календаре понятие года не существовало, а различались полугодом (в общем соответствовавшие различению двух сезонов — дождя и засухи). Мудрецы II реформы сохранили это деление на полугодом, округлив каждый до шести лунных месяцев. День месяца обозначался числом. Месяцы имели местные названия, а кроме того, для ясности им придали порядковый номер в полугодом.

4. Введение 18-месячного года. Вопрос о месяцах солнечного года, которым мудрецы интересовались куда больше, чем лунным, не был удовлетворительно решен до II реформы. Зодиакальные 28-дневные месяцы, по-видимому, не пользовались популярностью. Действительно, они не совмещались ни с лунными месяцами, ни с традиционными сезонами.

Мудрецы II реформы решили этот вопрос в традиционном духе — сохранили общепринятое деление на сезоны, но уравнили их продолжительность, округлив до 20 дней. 360-дневный год оказался разделенным на 18 двадцатидневных «месяцев», совмещенных со старинными сезонами. Такой порядок был весьма удобен не только потому, что сохранялись общепринятые названия сезонов, но также и потому, что продолжительность нового месяца совпадала со старинной двадцаткой дней 260-дневного цикла.

Ко времени II реформы древние названия сезонов успели смениться. Новые, существовавшие во время II реформы названия сезонов и были утверждены мудрецами в качестве названий новых месяцев. Они получили распространение во всех городах майя. Однако чтобы не нарушать традицию, мудрецы II реформы решили, что в дате следует писать и древние, устаревшие названия сезонов, согласовав их с названиями новых месяцев. Эти древние названия, вероятно, напминали о давно минувших временах, великих предках и придавали дате особую торжественность. Для названий древних сезонов сохранили, по-видимому, и традиционное место в начале даты, но для придания дате более красиво-стандартного вида их стали вписывать в середину вводного блока.

Названия месяцев, принятые мудрецами II реформы, в дальнейшем видоизменялись соответственно местным условиям. Древние названия сезонов окостенели в виде исторической реликвии. Народы, у которых получил распространение календарь II реформы, дали, конечно, 18 сезонам свои названия, соответствующие местным условиям.

5. Введение 365-дневного года. Мудрецы II реформы знали, что точная продолжительность солнечного года равна 365 дням, если считать в целых сутках, без дробей. Поэтому они решили заменить 364-дневный год 365-дневным. При этом количество «зловещих дней» возросло с 4 до 5, и в пантеоне майя оказалось два бога «зловещих дней»: четырех — по традиции и пяти — по II реформе.

Очень важным новшеством II реформы было включение пяти добавочных дней в 260-дневный цикл. Тем самым они перестали быть «днями без имени» (оставшись «зловещими»), и счет дней в 365-дневном году

велся непрерывно. Следствием этого новшества было возникновение 52-летнего цикла.

6. Введение 52-летнего цикла. 52-летний цикл, собственно, не был введен, а явился естественным результатом включения пяти «зловещих дней» в 260-дневный цикл. Однако нет сомнения, что включая пять добавочных дней, мудрецы II реформы имели в виду именно создание 52-летнего цикла, состоящего в свою очередь из 134-летних циклов и из 413-летних.

Дело в том, что $365 \times 52 = 260 \times 73 = 18\,980$ дней, т. е. 52 года (18 980 дней) являются наименьшим общим кратным 260 и 365. Дата 260-дневного цикла и 365-дневного года повторяется вместе через 52 года, что вполне достаточно для датирования события в пределах жизни поколения.

Если не учитывать тринадцатидневку, а только двадцатидневку, то название дня и дата 365-дневного года будут повторяться каждые четыре года, что и дает 4-летний цикл. Если, наоборот, учитывать тринадцатидневку и не учитывать двадцатидневку, то число тринадцатидневки и дата 365-дневного года будут повторяться через 13 лет, что и дает 13-летний цикл.

52-летний цикл был задуман, несомненно, как некое орудие политической борьбы. В самом деле, получалось, что 13 небесных богов правят теперь по четыре года каждый. Отсюда весьма легко было сделать вывод, что земной владыка также должен править бессменно четыре года, чтобы все было, как у богов. Короче говоря, открывались широкие возможности для жреческой пропаганды в пользу продления срока власти должностных лиц. На сходных основаниях можно было добиваться и 13-летней и даже 52-летней власти, что, по-видимому, и делалось, разумеется, не считая прямой узурпации власти с помощью военной силы. Однако и узурпатор нуждался для успокоения умов в некоторой божественной санкции.

7. Установление дня нового года. Казалось бы, мудрецам II реформы вообще не было надобности пересматривать вопрос о начале года. Трудность, однако, состояла в том, что они ни в коем случае не желали прерывать традицию и менять хронологию I реформы.

В настоящее время не вполне ясно, к чему было приурочено начало года по II реформе. В 1553 г. новый год приходился на 26 июля (16 июля по юлианскому календарю), но к этому времени он, по-видимому, сместился. Возможно, первоначально новый год приходился на осеннее равноденствие и начало сезона засухи (счет 28-дневных зодиакальных месяцев 364-дневного года I реформы начинался, по-видимому, с весеннего равноденствия).

Так или иначе, установив день нового года, мудрецы II реформы должны были согласовать его с начальной датой I реформы 4 Ахав. По подсчетам оказалось, что начальная дата приходится на 8 число последнего (18-го) месяца Кумху, т. е. наступает на 12 дней раньше нового года (3 Ееб), если не считать добавочных «дней без имени» (как полагалось по I реформе), или на 17 дней раньше нового года (18 Каб-ан), если считать добавочные дни (как было установлено II реформой).

Мудрецы II реформы, как указывалось раньше, включили 5 добавочных дней в 260-дневный цикл, поэтому днями, с которых мог начинаться новый год, оказались Каб-ан, Ик, Ман-ик, Ееб.

8. Введение циклической хронологии. Мудрецы II реформы отнюдь не собирались отменять хронологию I реформы. Но им было необходимо связать прошедшую и будущую историю с 52-летним циклом, коль скоро он имел очень важное политическое значение.

Сделать это не составляло особого труда. Всю легендарную историческую эпоху, т. е. 7 «четырёхсотлетий», можно было включить в один цикл циклов, т. е. $52 \times 52 = 2704$ года (365-дневных, конечно), и считать,

что идет второй цикл циклов. Получалась, однако, небольшая неувязка, а именно, между 0.0.0.0.0 (3113 г. до н. э.) и 7.0.0.0.0 (354 г. до н. э.) прошло 2759 лет, т. е. больше, чем цикл циклов. Мудрецы II реформы добавили еще один цикл и получили $2704 + 52 = 2756$ лет, т. е. почти точно сбалансировали расхождение. Эта добавка имела еще и то преимущество, что теперь все четыре подразделения цикла циклов начинались с одного и того же числа тринадцатипятидневки, что, конечно, придавало всей системе некоторую стройность.

Далее возникал вопрос, когда, собственно, начинается 52-летний цикл и соответственно цикл циклов. Так как смена власти по традиции происходила под новый год, то начало 52-летнего цикла (когда начинал править очередной бог) следовало отнести не к исходной дате 4 Ахав 8 Кумху, а к новому году. Это можно было сделать двояко — по I реформе (пропуская «дни без имени»), отнеся новый год к 0.0.0.0.12 3 Ееб, и по II реформе (добавляя 5 дней), отнеся новый год к 0.0.0.0.17 8 Каб-ан.

Подразделения цикла циклов следовало совместить с легендарными эпохами, различавшимися прежде всего видами пищи. Получалось известное несоответствие — эпохи «водяной кукурузы» и пищи «вроде кукурузы», подогнанные под «четырехсотлетия» I реформы, были значительно короче четверти цикла циклов. Тогда мудрецы II реформы разделили третью четверть цикла циклов примерно пополам. В результате хронологическая схема приобрела следующий предполагаемый вид (в скобках указано начало года по I реформе).

1. 3113 г. до н. э. 8 Каб-ан (3 Ееб)
 $52 \times 13 + 13 = 689$ лет. Исход из некоей прародины.
2. 2424 г. до н. э. 8 Ик (3 Каб-ан)
 $52 \times 13 + 13 = 689$ лет. Приход в Мексику. Пища — жолуди.
3. 1735 г. до н. э. 8 Ман-ик (3 Ик)
 $52 \times 6 + 6 = 318$ лет. Пища — водная кукуруза.
4. 1417 г. до н. э. 1 Каб-ан (9 Ееб)
 $52 \times 7 + 7 = 371$ год. Пища — «вроде кукурузы».
5. 1046 г. до н. э. 8 Ееб (Ман-ик)
 $52 \times 13 + 13 = 689$ лет. Пища — кукуруза.
1. 357 г. до н. э. 8 Каб-ан (3 Ееб)
новый цикл циклов.

9. Введение стандартного написания даты. Мудрецы II реформы, следуя, как обычно, традиции, не изменили стандарт даты, принятой по I реформе, но внесли много дополнений. В результате дата приняла «классический» громоздкий вид. Дополнения имели целью максимально пояснить, какой именно день имеется в виду. Дата начиналась вводным блоком, в середину которого теперь стали вписывать древние названия сезонов, согласованные с 18 месяцами. Далее шла запись количества 360-дневных лет и дней, прошедших от начальной даты. В отличие от стандарта I реформы, по которому записывалось просто число позиционным способом, по стандарту II реформы после каждой цифры стали для ясности писать и название счетных единиц: «четырехсотлетие», «двадцатилетие», «год», «двадцатка», «день». Затем, как и раньше, шла дата 260-дневного цикла, а потом уже новые компоненты — день девятидневки, лунная дата и, наконец, последней — дата по новому 365-дневному году, т. е. число и название одного из 18 месяцев или 5 добавочных дней. В таком виде дата майя продержалась до конца классического периода.

Третья реформа календаря

III реформа произошла вскоре после II реформы, вероятно, около 8.15.0.0.0 (337 г. н. э.). Местом ее введения был один из городов майя. возможно Вашактун или Тикаль. III реформа не была связана с введе-

нием в календарь новых астрономических данных. Она целиком связана с борьбой за власть и, по-видимому, отражает ее заключительный этап. III реформа не получила распространения нигде, кроме городов майя, но зато в них ей следовали до испанского завоевания.

По-видимому, 4-летний срок правления, установленный II реформой, решительно не устраивал домогавшихся более долгой власти правителей. Попытки использовать для пропаганды в пользу продления срока власти 52-летний цикл у майя (в отличие от тольтеков) успеха не имели.

Существо III реформы состояло в том, что в качестве основной хронологической единицы было принято «двадцатилетие» (т. е. 20 старинных 360-дневных лет). Счет «двадцатилетий» велся от начальной даты 4 Ахав и все «двадцатилетия» начинались со дня Ахав, но с разных чисел тринадцатидневки. 13 «двадцатилетий» составляют «260-летний» цикл, после чего повторяется одноименное «двадцатилетие» («круг двадцатилетий»). В течение каждого «двадцатилетия» правил один из 13 небесных богов (соответственно числу тринадцатидневки), что создавало солидную идеологическую базу для обоснования такого же срока правления у его земного коллеги.

По III реформе «двадцатилетие», по аналогии с четырехлетним циклом, подразделялось на четыре части. Каждым «пятилетием» правил определенный бог. По-видимому, эти «пятилетия» нужны были чисто в пропагандистских целях. Реальной смены власти у земных правителей уже не происходило. Такая смена власти осталась только у богов. Правитель получал от очередного бога официальное право на власть в течение следующего периода. На многочисленных стелах в честь «пятилетий» и «двадцатилетий» проводится идея о том, что земной владыка получил от соответствующего бога право на очередной срок правления, т. е. что «несть власти, аще не от бога». Стелы воздвигались, очевидно, с внушительной церемонией.

III реформа явно умышленно носила характер реставрации — возвращения к старинному 360-дневному году при исчислении срока правления. Очевидно, в борьбе за власть широко использовались ссылки на исторические прецеденты, конечно, подтасованные. Так, имеются надписи с якобы древними датами, записанными в духе III реформы.

III реформа имела теологический характер (без всякого отношения к астрономии) и соответствовала социальному заказу правителей. В календарно-хронологическую систему она не внесла ничего, кроме путаницы. В самом деле, «двадцатилетия» и «пятилетия» перемещались по всему 365-дневному году.

Порядок, установленный III реформой, сохранился (с разными вариациями) вплоть до гибели городов майя. «Двадцатилетие» стало основной хронологической единицей в истории. В сохранившихся отрывках хроник майя события сгруппированы по «двадцатилетиям» (иногда указан и 360-дневный «год»).

Исторические сведения широко использовались для жреческой пропаганды. Теоретически предполагалось, что в наступающем «двадцатилетии» повторятся примерно такие же события, как и в одноименное «двадцатилетие», когда правил тот же бог (бывшее 260, 260×2 и т. д. «лет» назад). Это давало отличную возможность, ссылаясь на прецеденты (причем, конечно, из них отбирались соответствующие нуждам момента), предсказывать близкие события или оправдывать уже случившиеся. Например, накануне испанского завоевания некоторые жрецы доказывали неминуемость атекского вторжения. После испанского завоевания появились пророчества, указывавшие его неминуемость, а также неминуемость смены религии, что весьма понравилось францисканским миссионерам.

Порядок написания даты по III реформе не изменился. К дате стали добавлять еще ссылку на «пятилетие». В дальнейшем, впрочем, появи-

лись даты исключительно в духе III реформы — указывалось только «двадцатилетие» и «год». Такой способ датировки внес много путаницы в исследование календаря майя. Только в результате долгих усилий удалось установить положение «двадцатилетий» в хронологии I реформы (расхождение между мнениями специалистов составляло «260-летний» цикл, когда повторяется одноименное «двадцатилетие»).

Четвертая реформа календаря

IV реформа, в отличие от III реформы, имела астрономический характер и касалась только лунного календаря. Хотя по II реформе был введен общий стандарт написания лунной даты, города майя пользовались разными лунными календарями, так как не было общепринятой точки отсчета. Нужно было определить, на какое число лунного месяца приходится начальная дата 4 Ахав 8 Кумху, а для этого требовалось определить точную продолжительность лунного месяца. Собственно, такие попытки делались в разных городах, но местные реформы не получали всеобщего признания.

IV реформа имела место около 9.12.15.0.0 (687 г.). Согласно этой реформе, вводился единый лунный календарь¹ и тем самым упорядочивалось последнее нестандартное звено в классической дате майя. Начальная дата 4 Ахав 8 Кумху была определена как 22 число VI лунного месяца. При этом использовался расчетный интервал: $12.4.0 = 149$ лунным месяцам (т. е. продолжительность лунного месяца была определена в 29,53020 дня).

Вероятно, жрецы обосновывали необходимость реформы важностью ее для целей предсказания. В некоторых городах, наряду с датой по единому лунному календарю, продолжали писать дату по местному лунному календарю. Единый лунный календарь продержался около 70—100 лет. Затем многие города вернулись к прежнему лунному календарю, очевидно, более популярному.

Местные реформы календаря

Помимо этих четырех всеобщих реформ календаря, мудрецы отдельных городов проводили частные реформы и вносили в календарно-хронологическую систему свои уточнения.

В Копане пользовались лунным календарем, принятым по IV реформе, еще раньше 9.12.15.0.0. В Паленке до этой реформы употреблялся лунный календарь, основанный на более точных расчетах. Мудрецы Паленке приняли расчетный интервал: $6.11.12 = 81$ лунному месяцу и определили, что 4 Ахав 8 Кумху приходится на 24 число VI лунного месяца. При этом мудрецы в Копане ошибались на 18 дней, а в Паленке — на 12—13 дней, что в сумме составило около 31 дня:

9.12.10.0.0.22.II, 46 934 лунных месяца после 4 Ахав 8 Кумху, 24.VI (расчет в Паленке);

9.12.10.0.0. 22.III, 46 935 лунных месяцев после 4 Ахав 8 Кумху, 11.VI (расчет в Копане).

Таким образом, продолжительность лунного месяца была вычислена со следующей точностью:

Паленке: 29,53086

фактически: 29,53059

Копан: 29,53020

Уже в 9.16.5.0.0 (756 г.) мудрецы Копана ввели у себя новый лунный календарь. На этот раз речь шла о том, чтобы вести счет с затмений.

¹ J. E. Teeple, *Maya Astronomy*, Washington, 1930.

В некоторых городах делались попытки уточнить продолжительность (тропического) солнечного года. Мудрецы в Копане (стела А) определили, что 19.5.0 составляет 235 лунных месяцев и 19 истинных солнечных лет (тем самым продолжительность солнечного года была определена в 365, 2420 дня; в григорианском календаре принято 365, 2425, фактически 365, 2422). Далее, они определили, что к 9.16.12.7.18 8 Хеc-наб 11 Яаш официальный год II реформы отстал от истинного, считая с начальной даты 4 Ахав 8 Кумху, на 938 дней. За 3876 лет истинный год опередил официальный дважды на 365 дней (1507 лет) и еще на 208 дней (интервал между 8 Кумху и 11 Яаш составляет 208 дней). Расчет состоял в том, что бралось число лет кратное 19 и приравнивалось к лунным месяцам, в данном случае $204 \times 19 = 3876$ истинных лет = 47940 лунных месяцев, что составляет по копанскому расчету продолжительность месяца 9.16.12.7.18.

19.5.0 = 235 лунных месяцев — это так называемый метонический цикл в астрономии (повторяются комбинации Солнца и Луны). Вычисление точной продолжительности солнечного года требовалось для введения поправки в 365-дневный год.

В календарь и хронологию вносились уточнения и иного свойства. Рамки хронологии I реформы стали тесными. В ряде городов хронологию удлинени, прибавив еще три счетные единицы сверх «четырехсотлетия» (т. е. $400 \times 40 = 8000$; $8000 \times 20 = 160\,000$; $160\,000 \times 20 = 3\,200\,000$).

Согласно надписи на стеле 10 в Тикале, бывшая начальная дата заняла следующее положение:

1.11.19.0.0.0.0. 4 Ахав 8 Кумху.

При этом новая начальная дата изрядно отодвинулась²: 0.0.0.0.0.0.0. 5 Ахав 8 Яаш-кин (5.041.738 г. до н. э.). Дата 8 Яаш-к'ин 5 Ахав (написанная именно в таком порядке) есть на стеле 16 в Копане. В Паленке (Храм надписей) встречается дата 10 Ахав 13 Яаш-к'ин, соответствующая 1.12.0.0.0.0.0, т. е. на 8000 «лет» позже начальной даты 4 Ахав 8 Кумху.

Такая сверхдлинная хронология, по-видимому, была принята не во всех городах майя. Например, согласно стеле С в Киригуа, до 0.0.0.0.0. 4 Ахав 8 Кумху прошло 13 «четырехсотлетий».

Выход далеко за рамки хронологии I реформы свидетельствует о развитии космогонических и эсхатологических представлений, намеченных еще I реформой (13 предстоящих «четырехсотлетий») и продолженных в циклической хронологии II реформы.

NOTES ON THE MAYA CALENDAR. A GENERAL SURVEY. II.

The present article is the second part of the article on the historical evolution of the Maya calendar, which was published in «Sovetskaya Etnografia», 1971, № 2. That article dealt with the establishment of a Sun calendar at the end of the 2-nd Millennium B. C. The calendar underwent several reforms. As a result of the first reform a 364-day year and a chronology were introduced. The second reform introduced a 365-day year and a 52-year cycle. In a variant of the second reform the calendar became widespread in Mesoamerica and was retained up to the Spanish conquest.

The essence of the third reform (about 337 A. D.) was the introduction of the «twenty-year period» (i. e. a period of 20 ancient years of 360 days each) as the main chronological unit. The third reform bore a theological character; it had no relation to astronomy and was conceived in the interests of the rulers.

The fourth reform (about 687 A. D.) was based on astronomy. A universal lunar calendar was introduced. This functioned for 70—100 years.

Besides the 4 general reforms, local calendar reforms were carried out in certain cities (Copan, Palenque).

² H. Beyer, The True Zero Date of the Maya, «Maya Research», 1936, VIII, 2.

Т. А. Колева

ЗИМНИЙ ЦИКЛ ОБЫЧАЕВ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

(К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ
АНАЛИЗЕ ОБРЯДНОСТИ)

Накопление все большего количества фактических знаний в этнографии неминуемо приводит к поискам новых методов и обобщений, уточнению связей между изучаемыми явлениями. Именно поэтому в последние годы все большее внимание привлекает вопрос о возможности использования системно-структурного анализа в этнографии в целях выработки единого подхода к этнографическим явлениям и раскрытия их внутренних закономерностей. В статье сделана попытка применить методы структурно-типологического анализа и теории систем к исследованию новгородных обычаев южных славян.

Обычаи представляют собой сложные социально-бытовые явления, состоящие из разных по происхождению элементов, которые в зависимости от своих функций можно группировать по-разному и в отдельных конкретных случаях выделять в ту или иную целостность. Так, магические по происхождению элементы представляют собой различные целостности в календарных праздниках, трудовых обычаях и семейной обрядности.

Структурно-типологический подход к этнографическим явлениям дает широкие возможности для раскрытия их специфики и закономерностей. Но в связи с тем, что различные системные образования в этнографических явлениях развиваются и изменяются в соответствии с историческими процессами, при их изучении необходимо сочетать системно-структурный анализ с историческим подходом. Этнографические явления существуют не только в определенной географической, но и в исторической среде, в них скрыты как пространственно-причинные связи, так и историко-генетические зависимости. Изучение первых способствует раскрытию функций данной этнографической системы в соответствии с природно-географической средой; изучение вторых объясняет их генезис в зависимости от общего исторического развития того или другого народа, его культурного уровня и т. д. При этом подходе исследователь сам определяет критерий сравнения, выбирая те или другие элементы в зависимости от поставленной задачи. При типологических исследованиях можно исключить фактор времени, вернее — изучаемые явления можно рассматривать в определенные периоды, руководствуясь хронологической стратификацией, причем каждый период будет совокупностью фактов, образующих систему. Структурно-типологическое исследование дает возможность увидеть данное этнографическое явление как целое и в то же время проследить его связи с другими явлениями. Подобные исследования требуют определенной терминологии, в частности, использования таких понятий, как система, структура, компоненты (элементы или признаки), подсистема, субструктура, типология, обозначающих те или иные явления¹.

¹ Н. Стефанов, Методологически проблеми на структурния анализ, София, 1967, стр. 27—35.

Еще К. Маркс в своем исследовании развития капитализма подошел к различным общественным явлениям как к системам и делал сложный анализ различных ступеней развития общественной системы капитализма, рассматривая каждую отдельную структуру как совокупность отдельных элементов, связанных между собой по определенным принципам, взаимоотношениям и нормам². Оперирование конкретной терминологией дает возможность разграничивать отдельные явления или их элементы, раскрывает их взаимоотношения³.

Так как этнографические факты, в том числе и обычаи, не являются гомогенными феноменами, а представляют собой комплексы различных по происхождению элементов, то системно-структурное изучение позволяет группировать и классифицировать их по определенным признакам. Системно-структурный анализ приводит к известной формализации изучаемых явлений, что необходимо при раскрытии внутренних закономерностей и при построении моделей этих явлений⁴. Приложение системно-структурного анализа к такому объекту, как новогодние обычаи, означает рассмотрение его как составленного из множества связанных между собой компонентов, которые находятся в определенном порядке и являются цельным структурным образованием. При этом анализе необходимо оперировать такими понятиями: ряд компонентов, из которых составлен данный объект; взаимоотношения компонентов друг с другом; целостность объекта, как сложного образования, и его отношение, как определенной целостности, к другим объектам, с которыми он при соответствующих условиях входит в более широкую систему или во взаимные связи.

Святочно-новогодние праздники южных славян, приходящиеся на конец старого и начало нового года,—сложный комплекс различных обычаев, имевших в прошлом определенную целенаправленность. Они связаны с различными сферами быта, но их основной целью было обеспечить путем всяких «чудодейственных» магических обрядов здоровье, счастье и благополучие определенного коллектива. Будучи средством связи между поколениями и средством передачи трудового опыта, они также сохраняют некоторые черты исчезнувшей социально-бытовой среды, которая их создала.

При знакомстве с содержанием и общей функцией новогодних обычаев и обрядов на первый план выходит их последовательность по времени исполнения. Но так как обычаи — это динамично-исторические системы, непрестанно развивающиеся и изменяющиеся (ведь их творцами являются люди), то можно наблюдать интересные процессы изменения и перегруппировки отдельных компонентов этих систем. Путем усовершенствования и обогащения своей практической деятельности, овладения объективными закономерностями жизни природы, человек осознает иллюзорность все большего и большего числа связей между природой и той своей деятельностью, которая выражается во множестве обрядов⁵. Тогда он своеобразно переосмысливает или перестает исполнять эти обряды, убедившись в их бесполезности. Таким образом, постепенно происходит перегруппировка и даже распадение обрядов и обычаев, нарушение цельных систем, которые они образуют.

Новогодние обычаи у южных славян, как они зафиксированы в этнографических описаниях,—часть календарной обрядности, в которой они

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 92 и др.; т. 25, ч. II, стр. 354.

³ Е. М. Штаерман, К проблеме структурного анализа в истории, «Вопросы философии», 1968, № 6, стр. 20—22; М. А. Барг, Структурный метод в историческом исследовании, «Вопросы философии», 1964, № 10, стр. 85.

⁴ Н. Стефанов, Указ. раб., стр. 83—125; Т. Колева, По някои въпроси от проблематиката на южнославянските обичаи при сента, «Известия на Етнографския институт и музей», София, 1967, кн. X, стр. 189—194; ее же, О некоторых вопросах развития обычаев, «Сов. этнография», 1969, № 1, стр. 68—78.

⁵ Ю. И. Семенов, Как возникло человечество, М., 1966, стр. 348, 383.

занимали центральное место как в языческий, так и в более поздний христианский период. Они связаны с трудовым опытом и навыками крестьянина, с его стремлением понять закономерности и связи в природе, от которых зависит результат его практической деятельности. Хотя южнославянская обрядность в общих чертах хорошо изучена и даже выделены многие ее компоненты, важные для понимания сущности этой обрядности, а также известна их группировка в разные дни или их повторение в различные моменты цикла, все же она не вполне раскрыта. Основные компоненты этой обрядности, создающие структуру целой системы, следующие: рождественское полено, обрядовый стол, полазник (первый посетитель), гадания и предсказания, колядование, ряженые. Основу новогодних обычаев у южных славян составляет производственно-магическая практика, позже превратившаяся в обряды, которые совершаются до начала нового годового цикла сельскохозяйственной деятельности, с целью обеспечить благосостояние и нейтрализовать враждебные силы природы. Сущность каждого компонента становится особенно ясной на фоне всего содержания новогоднего обрядового цикла.

Рождественское полено *бадняк* — один из основных компонентов этого цикла. Он входит составной частью в систему новогодних обычаев всех южных славян и чаще всего приурочен к кануну рождества — сочельнику. Известные различия этого компонента — усложнение или упрощение связанной с ним ритуальной практики — наблюдаются в обрядности ряда южнославянских народов, что свидетельствует о большой устойчивости этой традиции, а также неравномерном распадении. Приемы изготовления рождественского полена, старание не дать ему погаснуть, приписывание ему свойств, способствующих плодородию, — все это говорит о вере в магическую силу бадняка, весьма важную для зимнего периода аграрного года. Чаще всего полено вырубает из дуба или груши, чтобы огонь горел дольше. Рубка дерева, внесение полена в дом сопровождаются у всех южнославянских народов различными церемониями. Такие особенности, как вера в плохое предзнаменование, если рубщик во время рубки дерева упадет на землю, стремление сделать так, чтобы срубленное дерево падало в сторону востока, несение полена на правом плече, помазание его маслом и вином, завертывание в белое полотно и другие ритуалы — все это свидетельствует о важной и устойчивой функции бадняка в новогодней обрядности. Число поленьев варьирует так: в Герцеговине православные и католики рубили по три полена, а иногда — по числу мужчин в семье. В Далмации полено рубили не только к рождеству, но и к Новому году и крещению (праздник Три короля).

Часто в этих районах обрядовое дерево украшали ветками самшита и оливы. Интересная разновидность бадняка встречается у пастухов Герцеговины, и ее можно считать субкомпонентом обрядового дерева: ветки самшита обматывают красными нитками и называют их «чобански бадњаци»⁶. Подобные обычаи известны и среди пастухов Далмации. Функция пастушеских бадняков, не связанных с огнем, несколько отличается от основной функции рождественского полена. Это говорит о том, что они являются, возможно, древним элементом, интегрированным в комплексе обрядового дерева, что произошло благодаря сходному содержанию их основной функции — обеспечивать урожай (у земледельцев) и приплод скота (у скотоводов).

Названия рождественского полена у южных славян, как правило, общие, но есть и различия в этих названиях, не раскрывающие, однако, каких-нибудь дополнительных значений функции обрядового дерева.

⁶ Б. Дробњак-овић, Етнологија народа Југославије, Београд, 1960, стр. 178—179.

В Болгарии полено называют «бъдняк», «прекладник», «коладник», «коледник»⁷. В Сербии известны названия «бадняк», «коладник», «прекладник», «весельак»⁸, в Хорватии и Словении — «божични пань», «глава», «чок» «божич», «бадняк»⁹.

Многочисленные ритуалы, связанные с изготовлением полена¹⁰, его воспевание в рождественских обрядовых песнях, отношение к нему как к живому существу — все это свидетельствует о том, что, по всей вероятности, оно некогда олицетворяло какое-то древнее языческое божество или служило его атрибутом. Весьма сомнительны гипотезы о связи бадняка с культом Перуна, или о его сущности как фетиша защитного характера¹¹. Более вероятно, что горение полена связывалось с представлением о возрождении солнца и с началом нового солнечного года. Несомненна также связь бадняка с культом предков. По народным верованиям, накануне рождества возле очага собирались души умерших членов семьи. Полено зажигалось и огонь поддерживался старшим мужчиной в семье. Верования, связанные с горением полена, — чем сильнее горит, тем более урожайным будет год и т. п., ритуальное посыпание золы от полена на нивы, примешивание ее к семенам, употребление в качестве лекарственного средства, а также изготовление из кусков срубленного на бадняк дерева частей рала — все это раскрывает древнюю магическую основу, связанную с производственной аграрной практикой.

Другой важнейший компонент новогоднего цикла — обрядовый стол или обрядовая трапеза. Он входит в систему обрядности крупнейших праздников — рождества, Нового года, крещения (Трех королей) почти у всех южных славян. В Болгарии, преимущественно в южной (т. е. Фракии), обрядовый стол накрывают и в день св. Игната. Этот обычай встречается и в других районах, где есть переселенцы из Фракии, например в Добрудже.

Обрядовый стол появляется у южных славян три раза не случайно. Зима — один из самых важных подготовительных периодов в аграрном календаре, с ней было связано основное звено системы аграрных обычаев. Используя этот период в своей борьбе за урожай, крестьянин несколько раз повторял одни и те же обрядовые элементы, имевшие идентичную функцию. На обрядовый стол ставили блюда, приготовленные из плодов всех земледельческих культур, выращиваемых в хозяйстве. Это было связано с верованиями о том, что изобилие на столе приведет к богатому урожаю в новом хозяйственном году. В далеком прошлом обрядовую трапезу, как и обычную, устраивали на полу. Лучше всего этот обычай сохранился у болгар и сербов. У хорватов и словенцев ставили еду на стол; там даже не помнят о том, чтобы трапеза устраивалась на полу¹².

⁷ Д. Маринов, Народна вяра и религиозни народни обичаи, СБНУ, кн. XXVIII, София, 1914, стр. 279; Хр. Вакарелски, Български празнични обичаи, София, 1943, стр. 15, 16; М. Арнаудов, Български народни празници, София, 1943, стр. 33, 34.

⁸ Б. Дробняковић, Указ. раб., стр. 177—180; «Народи Југославије», стр. 88; С. М. Милојевић, Песме и обичаји укупног народа српског, Београд, 1875, стр. 63—65; E. Schneeweis, Die Weinachtsbräuche der Serbokroaten, Wien, 1925, S. 174; П. Костић, Новогодни обичаји, «Јадар-вуков завичај», «Гласник Етнографског музеја у Београду», Београд, 1964, кн. XXVII, стр. 403; его же, Разлике у новогодишњим обичајима у областима косовског-ресавског и млаћег херцеговачког говора, «Гласник Етнографског музеја у Београду», Београд, 1963, кн. XXVI, стр. 71.

⁹ V. Nowak, Slovenska ljudska kultura, Ljubljana, 1960, str. 217, 218; М. Турпшек, Pod vernim krovom, Ljubljana, 1943, kn. 1, str. 41—44; E. Schneeweis, Указ. раб., стр. 174.

¹⁰ А. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, М., 1869, т. III, стр. 733—739.

¹¹ А. Афанасьев, Указ. раб., т. III, стр. 739; Б. Дробняковић, Указ. раб., стр. 180.

¹² Б. Дробняковић, Указ. раб., стр. 176—193; М. Турпшек, Указ. раб., стр. 3—44; М. Арнаудов, Български народни празници, София, 1943, стр. 20—53; Хр. Вакарелски, Български празнични обичаи, София, 1943, стр. 113.

В Болгарии и Сербии при устройстве обрядовой трапезы на пол стелют солому, которую накрывают скатертью. На скатерть ставят обрядовые блюда¹³. В Хорватии и Словении солому стелют под стол¹⁴. Очень часто в солому кладут лемех, сошник, а саму соху ставят за дверью. В Болгарии бытует также обычай подсыпать в солому пшеницу. В Сербии корзину с пшеницей ставят возле обрядового стола. Кладут в солому также хомут, узду. В районах с развитым животноводством (овцеводством) под стол ставят посуду для переработки молока. В Герцеговине в числе обрядовых предметов фигурируют серп, лемех, молот. Эти железные изделия несут апотропейную функцию. Обрядовая трапеза на полу связана, вероятно, с культом предков. Многие из обрядовых кушаний, которые считаются обязательными для каждого обрядового стола (вареная фасоль, пшеница, орехи, чеснок), связаны, может быть, с поминальными обычаями. Например, у римлян фасоль была традиционным обрядовым блюдом на поминках. Но эта функция постепенно забывается и заменяется новой, связанной с заботой о богатом урожае. Употребление чеснока в новогодней обрядности имеет апотропейную функцию — его не только ставят на стол, но и носят на себе как оберег.

В обрядовую трапезу входят и ритуальные хлеба, имеющие самые разнообразные названия, но выполняющие у южных славян одну и ту же функцию¹⁵. В Болгарии в зависимости от функции хлеба в обряде распространены такие три группы названий: «боговица», «боговая пита», «колак» (каравай), «божичняк», «вечерняк» — хлеба с серебряной монетой внутри, служащей для предсказания счастья. Эти хлеба считаются посвященными самому празднику; «бъчва» (бочка), «кошара» (овчарня), «егрек» (загон), «крава» (корова), «свиня» (свинья) — хлеба с украшениями, посвященные земледелию и животноводству; наконец, «благословняк», «наречник», «коладник», «витый каравай» — хлеба, как это видно из некоторых их названий, предназначенные для одаривания колядников и ряженных¹⁶. Сербские и хорватские обрядовые хлеба имеют, как правило, сходные названия, но среди них есть и такие, которые не встречаются у других южных славян: «чесница», «гибаница», «божићняк», «бадњаћа», «коледа», «льетница»¹⁷, «чобаница» (для пастуха), «волућа» (для вола), «ратарка» (который дается батракам), «орачица»¹⁸. У словенцев тоже приготавливаются самые разнообразные по форме и различно украшенные хлеба: «божићник», с зооморфным символическим украшением, «попртник», «жупник», «мижник», «намижник», «сталник», «повстовиек», «стовиенк», «бобор дед», «куц крух»¹⁹, «божићни крух», «кrapце» (этот хлеб посыпан брынзой, орехами или вареным рисом)²⁰.

Обрядовые хлеба являются составным элементом обрядности при праздновании рождества (у сербов), рождества и Нового года (у болгар), рождества, Нового года и крещения (у хорватов и словенцев). Независимо от своей конкретной локализации в определенных праздниках обрядовые хлеба имеют одинаковую функцию — связаны с жертвой божеству, покровителю урожая, и с культом предков, который сам по

¹³ Б. Дробњакoвић, Указ. раб., стр. 182; М. Арнаудов, Указ. раб., стр. 29.

¹⁴ М. Тигпшек, Указ. раб., стр. 39—45.

¹⁵ Б. Дробњакoвић, Указ. раб.

¹⁶ Д. Маринов, Народна вяра и религиозни народни обичаи, СбНУ, София, 1914, кн. XXVIII, стр. 280—303; М. Арнаудов, Указ. раб., стр. 28, 33, 34; его же, Коледни песни и обичаи, «Българско народно творчество». София, 1962, кн. V, стр. 56.

¹⁷ Б. Дробњакoвић, Указ. раб., стр. 183.

¹⁸ П. Костић, Новогодњи обичаји «Јадар-вуков завичај», стр. 411—416.

¹⁹ V. Novak, Указ. раб., стр. 218.

²⁰ М. Тигпшек, Указ. раб., стр. 31, 32.

себе тоже соприкасается с культом плодородия. Они обладают магической силой, их раздают людям и животным, чтобы обеспечить здоровье первых и плодovitость вторых; отдельные куски хлебов кладут в семени во время первого сева или разбрасывают в поле, чтобы обеспечить хороший урожай. Все это связано с верой в их магическую апотропейную и плодоносящую силу. У православных южных славян — болгар и сербов — обрядовый хлеб делает невеста или молодая женщина, а у католиков — хорватов и словенцев — мужчина, глава семьи. Некоторые исследователи, например С. Кулишич и П. Костић, считают, что это связано с развитием патриархальных семейных отношений²¹. Но это сомнительно, потому что патриархальные семейные отношения распространены гораздо шире области, охватывающей Герцеговину, Хорватию и часть Словении.

С обрядовыми хлебами связан обычай «милати се» (показываться, выглядывать). Двое мужчин держат обрядовый хлеб «чесницу» и спрашивают друг друга: «Милам ли се?» (Видно ли меня?), сначала следует ответ: «Милаш се мало» (Тебя немного видно), а затем — «Сад мало, а догодине ни мало» (Теперь мало, а в следующем году никак). Смысл этого обычая связан с пожеланием, чтобы в следующем году был богатый урожай и хлеб был настолько большим, что за ним нельзя было разглядеть человека. Впервые этот обычай отмечен в сербском словаре В. Караджича²². У других южных славян он не зарегистрирован, но похожие обычаи есть у белорусов, украинцев, греков и других народов. О сходном обычае у балтийских славян еще в XI—XII вв. сообщает Саксон Грамматик. Они преподносили богу Свентовиту огромный, с человеческий рост хлеб, называемый «меденик». Жрецы ставили этот хлеб между собой и толпой народа и спрашивали, видно ли их. Если народ отвечал отрицательно, предсказывалось, что будет хороший урожай. Это говорит о древности данного обычая, и, возможно, он был известен многим славянским народам.

В обрядовую трапезу у южных славян входит еще один субкомпонент, а именно — заклание какого-нибудь животного — свиньи, овцы, петуха или курицы. В Болгарии накануне рождества или в день св. Игната режут свинью²³, хотя праздничный стол в сочельник — постный. Как обрядовое блюдо свиная голова входит в новогодний ужин. В Сербии тоже режут свинью или петуха, причем чаще всего петуха — на пороге дома. Свинью режут под фруктовым деревом, а кровь подмешивают в корм скоту и птице, чтобы в течение года они лучше плодились. В западной Сербии и в Далмации, а также в Боснии и Герцеговине закалывают овцу. Овца в качестве жертвенного животного появилась в западной Сербии скорее всего под влиянием динарского горно-скотоводческого населения. В Болгарии зарезанное обрядовое животное не имеет специального названия, но в Сербии, Герцеговине, Далмации и Боснии жертвенную свинью называют «печеница», «божињак», «печиво», а овцу — «веселица», «заоблица»²⁴. Встречаются также названия «божак», «божура», «божица». В тех районах, где налицо смешение разных

²¹ П. Костић, Указ. раб., стр. 415; S. Kulišić, Porijeklo i značenje božićnog obrednog hljeba u Južnih Slovena, «Glasnik Zemalskog muzeja», Sarajevo, 1933, kn. VIII, str. 19—37.

²² В. Караџић, Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима у Београду, Београд, 1898, стр. 369; А. Афанасьев, Указ. раб., т. III, стр. 745.

²³ М. Арнаудов, Български народни празници, стр. 27; З. Делиниколова, Указ. раб., стр. 141.

²⁴ П. Костић, Новогодишњи обичаји у Ресави, «Гласник Етнографског музеја у Београду», Београд, 1966, kn. XXVIII—XXIX, стр. 199, 200; е го же, Новогодњи обичаји «Јадар-вуков завицај», «Гласник Етнографског музеја у Београду», Београд, 1964, kn. XXVII, стр. 406—408; е го же, Разлике у новогодњим обичајима у областима косовског-ресавског и млаћег херцеговачког говора, «Гласник Етнографског музеја у Београду», Београд, 1963, kn. XXVI, стр. 72; Б. Дробњак-овић, Указ. раб., стр. 183.

этнических традиций — в западной Сербии, Герцеговине, Далмации и в Боснии — в новогодней обрядности есть три «печеницы»: свинья, курица (или петух) и овца. «Печеницей» и «веселицей» обычно бывают самки, что способствует, по поверью, большому приплоду у животных.

Убой животного в новогодней системе обычаев имеет скорее всего характер жертвы, едва ли можно считать его связанным с ритуальным съеданием тотемного животного. Обязанность каждого члена семьи отвести обрядовое блюдо, магическая сила крови, а также предсказывание будущего урожая по некоторым обрядовым блюдам свидетельствуют об интегрировании в этом субкомпоненте земледельческих и скотоводческих обычаев, совершаемых в начале хозяйственного года.

Третий компонент южнославянской системы обычаев, занимающий видное место в новогодней обрядности, — это «полазник» (первый посетитель). Этот обычай характерен для всех южнославянских народов. Его общая функция связана с поверьем, что от первого новогоднего посетителя зависит благополучие семьи в течение всего аграрного года. Вариантность, наблюдающаяся в его приурочении к определенному моменту, не ослабляет его связи с другими компонентами, и не меняет его места в системе обычаев. Это доказывает, что различное размещение элементов (компонентов) в одной системе, если они сохраняют свою основную функцию, а до некоторой степени и форму, не нарушает единства системы²⁵.

У болгар этот обычай связан чаще всего с днем св. Игната, называемым еще и «Полезовден». В некоторых районах он связан и с днем св. Варвары. Считается, что от первого посетителя зависит размножение домашней птицы. Предпочитают, чтобы полазником была женщина. Ее обычно называют «квочка». По поверью, это способствует тому, что большинство цыплят оказывается курами, а не петухами. Полазник у болгар называется также «сполазник», «полязник», «споходник», а сам обычай — «полазване», «споходжане». В некоторых районах Западной Болгарии в прошлом либо у каждой задруги был определенный полазник, либо им выбирали самого молодого и трудолюбивого мужчину в доме. В роли полазника у болгар выступали и некоторые животные: собака, петух. У сербов в отношении связи обычая с определенным днем календаря наблюдаются локальные различия, обусловленные позднейшими наслоениями, но само его содержание говорит о том, что первоначально он был связан с днем св. Игната. Позже его перенесли на канун или на первый день рождества. Для Сербии характерно одновременное существование двух полазников — животного и человека. Обычай полазника-животного связан с днем св. Игната, называемым также «куриное рождество». Хозяева вводили в дом и ставили возле очага вола, овцу, свинью или петуха. Это было характерно для восточной и юго-восточной Сербии. В западной же Сербии, Боснии и Герцеговине единственным полазником-животным была только овца, что связано со скотоводческой динарской традицией. Полазник-человек приходил в дом чаще всего в канун или в день рождества. В некоторых районах полазником выбирали того мужчину, который рубил и вносил в дом бадняк. Кроме названия «полазник», у сербов распространены и такие вариан-

²⁵ М. Арнаудов, Указ. раб., стр. 24, 25; Хр. Вакарелски, Указ. раб., стр. 119; Д. Маринов, Указ. раб., стр. 271; Р. Славейков, Български народни обичаи и вярвания, София, 1924, стр. 147—149; F. Schneeweis, Указ. раб., стр. 170; П. Богатырев, «Полазник» у южных славян, мадьяр, словаков, поляков и украинцев, «Lud Slowanski», III, 1, 1932.

ты: «полаженик», «положајник», «положај»²⁶. Этот обычай имеет в Сербии длинную историю и был распространен еще в XV в.²⁷

Обычай полазника в Хорватии известен лишь в областях, где произошло смешение двух этнических традиций — сербской и хорватской. Там он называется, как и в Сербии, «положајник», «полажник»²⁸. Скорее всего, этот обычай существовал и у хорват, так как он зарегистрирован у всех остальных южных славян, но его исчезновение произошло, по всей вероятности, давно. В Словении приход «полазника» приурочен к дням св. Варвары, св. Люции, к первому и третьему дням рождения и Новому году. Местные названия полазника — «полажичи», «полажичие», «полажари»²⁹.

Ритуальные действия, связанные с приходом полазника — он всегда встречается как самый желанный гость, приносит зерна, сучья, обязательно приближается к очагу, садится рядом с ним и помешивает угли, одаривается хозяйкой дома, и т. д., — подчеркивают его особенно важное значение в новогодний период. Полазник чаще всего мужчина или ребенок, в очень редких случаях — женщина. Но установить здесь какую-то закономерность трудно. Тем не менее функциональная связь обычая с различными праздниками новогоднего периода, а особенно тот факт, что полазником в день св. Игната всегда бывает какое-нибудь животное, дает основание предполагать, что полазник-животное является более древней, возможно, первичной формой этого обычая. С другой стороны, в нем ясно видна идея о магии первого дня, так как день св. Игната почти у всех южнославянских народов воспринимается как начало нового аграрного года. Роль очага в обычае позволяет предполагать, что полазник имеет какую-то связь и с культом предков. В. Чайканович, П. Богатырев, К. Мошинский, С. Кулишич по-разному объясняют происхождение этого обычая, находя его связи с тотемизмом, либо с демоном растительности, либо с культом предков, но все они едины в мнении о том, что полазник-животное предшествовал полазнику-человеку. Это особенно ясно подчеркивается функциональной связью обычая с остальными элементами новогодней обрядности.

Наконец, еще один существенный компонент святочно-новогодней обрядности — гадания и предсказания. Они не связаны с определенными днями новогоднего периода и совершаются в различные дни. Их содержание разнобразно у отдельных южнославянских народов, но функция — общая и определенно целенаправленная. Их можно разделить на две группы: «личные», связанные с семьей или с отдельными ее членами (гадания о здоровье, счастье, предстоящем замужестве) и «трудовые», имеющие прямое отношение к хозяйственной деятельности (предсказания о будущем урожае и приплоде скота).

В Болгарии первая группа гаданий связана больше всего с Новым годом, а также с днем св. Игната и рождеством. Очень характерен в этой группе обычай «ладуване» («напевания колец и букетиков цветов»). В отличие от других новогодних гаданий, имеющих относительно индивидуальный характер, «ладувания» коллективны. У других славян

²⁶ «Народи Југославије», стр. 88; П. Костић, Новогодишњи обичаји у Ресави, стр. 205, 206; его же, Новогодињи обичаји «Јадар-вуков завичај», стр. 411; его же, Разлике у новогодишњим обичајима у областима косовског-ресавског..., стр. 69; С. М. Милојевић, Указ. раб., стр. 59; В. Караџић, Живот и обичаји народа српскога, у Бечу, 1867, стр. 4; Јоан. Памучина, Славене божича у Херцеговини, «Србско-далматински магазин», Задар, 1866, стр. 76; Б. Дробњак-овић, Указ. раб., стр. 185, 186.

²⁷ Б. Дробњак-овић, Указ. раб., стр. 186.

²⁸ С. Паићева, Обичај о Божићу у Банији, «Србско-далматински магазин», Задар, 1867, стр. 67.

²⁹ «Народи Југославије», стр. 155; М. Тупиšek, Указ. раб., стр. 55, 70.

этот обычай тоже встречается, но приходится на весенние праздники. что иногда имеет место и в Болгарии³⁰.

После окончания новогодней обрядовой трапезы все члены семьи бросают в огонь кизилловые почки и в зависимости от того, лопаются они или нет, узнают о том, будет ли в новом году здоров или болен данный член семьи.

Рождественский стол тоже связан с гаданиями: серебряная монета в ломте обрядового хлеба означает счастье, полный орех — здоровье, а пустой — болезнь. Девушкам не разрешается съедать первый кусок обрядового хлеба — они кладут его под подушку: кто из парней приснится, тот, считается, и будет суженым девушки. Гадания о семейном счастье девушки совершают и в день св. Игната. В Сербии распространено гадание на первой лопатке обрядовой свиньи — если в кости есть дыра, то это предсказывает смерть кого-либо из членов семьи. В Сербии встречается и обычай «напевания колец» накануне Нового года³¹.

Вторая группа гаданий, связанных с трудовой практикой крестьянина, однотипна по всей Болгарии. Так, об урожае гадают по числу пшеничных зерен, собранных с рождественского стола, и по горению рождественского полена. В некоторых районах ритуальный убой петуха совершается на пороге дома, и по тому, куда петух отскакивает — внутрь дома или за порог, — судят о том, каким будет предстоящий хозяйственный год — удачным или нет. Многие гадания второй группы тоже связаны с лопаткой обрядового животного, по ним предсказывают урожай зерна и приплод скота³². Во время изготовления обрядовых хлебов тоже гадают о будущем урожае³³.

Много общего в хорватских и словенских гаданиях. Так, накануне дня св. Барбары срезают веточки какого-нибудь плодового дерева и ставят их в воду, чтобы они распустились до рождества. Каждый член семьи отмечает свою веточку. Если чья-нибудь веточка не распустится и засохнет, то считается, что он умрет в новом году. Немалое место в системе святочно-новогодних обычаев занимают у южных славян обычаи колядования и ряжения. Эти два обычая местами — в восточной Сербии и в западной Болгарии — сплетаются между собой: это, видимо, свидетельствует о смешении двух этнических традиций. К сожалению, недостаток места в настоящей статье не позволяет рассмотреть здесь названные обычаи: им следовало бы посвятить особую статью.

* * *

Такова краткая этнографическая характеристика основных компонентов новогодней системы обычаев южных славян. Она дает возможность раскрыть некоторые ее типологические структурные и функциональные закономерности. Группа обычаев, относящихся к определенной сфере быта и представляющих собой реальную целостность, отражающую определенные отношения, образует систему. О системе можно говорить в том случае, когда между частями целого существуют такие связи и отношения, которые обуславливают специфическую роль целого и частей целого. Связи, характеризующие основную роль новогодних обычаев, раскрывают функциональную обусловленность каждого компонента в различные моменты новогоднего периода. Эти связи — самые важные в данной системе, потому что одновременно они создают устойчивость структуры, ее функционирования, т. е. воспроизводство. Функ-

³⁰ М. Арnaudов, Указ. раб., стр. 46—48; Хр. Вакарелски, Указ. раб., стр. 10—14; Д. Маринов, Указ. раб., стр. 339—342.

³¹ С. М. Милојевић, Указ. раб., стр. 77—79.

³² П. Костић, Указ. раб., стр. 408; Б. Дробњакović, Указ. раб., стр. 183.

³³ «Народи Југославије», стр. 88.

циональные связи раскрывают внутренний механизм такого сложного явления, как святочно-новогодние обычаи, и создают органическое единство и целостность из отдельных его компонентов (элементов). Независимо от различной вариантности отдельных компонентов, от их локализации в различные дни новогоднего периода, их функция остается однотипной. Это обеспечивается общей целенаправленностью новогодних обрядов, имеющих задачу путем чудодейственных приемов обеспечить надежду крестьянина на урожай, приплод и личное здоровье в течение нового года. Эти обряды связаны и с самим трудовым процессом, который в зимний период представляет собой не реальность, а только проекцию. Для того, чтобы превратить ее в действительность, она усиливается путем исполнения ряда магическо-аграрных ритуалов.

В новогодней системе обычаев синхронно функционируют разные по своему назначению элементы. Так, все элементы, связанные с трудовой деятельностью, а именно: обрядовая трапеза, рождественское дерево, первый посетитель — бытуют одновременно с элементами, связанными с личным счастьем, здоровьем, замужеством.

Компоненты, создающие структуру новогодней системы обычаев, одновременно и многофункциональны, так как они выполняют разные функции, обеспечивая успех не только земледельческого года, но и скотоводческого, благополучие не только личное, но и коллективное, а их взаимосвязь становится сложной. В зависимости от того, какая функция в системе обычаев преобладает, внутренняя структура изменяется в новом соотношении, т. е. получает новую функциональную последовательность. В этом отношении примером может служить обычай колядования: в нем соотношение обрядовых песен изменяется в зависимости от состава семьи, в честь которой исполняется колядка.

Взаимосвязи между компонентами влияют и на создание психических стереотипов как в личной, так и в общественной жизни человека. В период святочно-новогодних празднеств они превращаются в нормы, которые контролируют и направляют деятельность человека, его поведение в коллективе.

Постоянные компоненты (инварианты) новогодней обрядности, которые повторяются более или менее модифицированно в отдельных системах обычаев южнославянских народов, создают структуру всей новогодней системы. Эти инварианты определяют и ее типологию. Однако они варьируют, усложняясь или упрощаясь по содержанию и форме. Например, компонент «рождественское полено» обнаруживает различия. Различия наблюдаются и в самом процессе изготовления полена. Варьирует и содержание компонента «первый посетитель». Ритуальная практика, связанная с его встречаей, символические действия, которые он совершает возле огня, одаривание его хозяйкой — все это имеет специфическое содержание у каждого народа, отражающее конкретную социально-бытовую и культурно-историческую среду. Однако при этом сохраняется его общая функция, характеризующая внутреннее развитие созданного стереотипа.

Структурно-типологическое исследование дает возможность конкретно определять компоненты и обозначить границы данной системы обычаев, которая, представляя собой комплекс стереотипов со сложной ритуальной практикой, характеризует определенный период в жизни определенного коллектива или одного человека. Сопоставление отдельных компонентов раскрывает их внутреннюю взаимосвязь, которая не случайна, а является следствием логической последовательности функциональных связей. Например, обрядовая трапеза связана, с одной стороны, с рождественским поленом, а с другой — с гаданиями. Другой пример — это связь между обычаем ползаника и гаданиями. Колядные группы связаны с обрядовой трапезой посредством обрядовых хлебов, которые они получают в подарок. Ряженые и колядные группы пред-

ставляют собой еще один пример взаимосвязи, причем в некоторых районах эти группы сливаются.

Строгая последовательность элементов в системе и их функций во временном отношении представляют собой своего рода линейный ряд. Некоторые отклонения, наблюдающиеся в последовательности функций или в их иной повторяемости, не нарушают общей связи; иногда вводится и обратная последовательность (для усиления функции). Это делается из желания достичь больших успехов в следующие периоды нового аграрного года.

Взаимосвязь и последовательность элементов в структуре создают целостность системы новогодних обычаев, раскрывают ее связи с другими системами, которые тоже представляют собой целостность. Так, элемент гадания повторяется и в дни весенних и летних праздников, причем он может сохранить содержание и форму, как это происходит с элементом «напевания колец или букетиков цветов», или же изменяет свое содержание и форму, но сохраняет функцию. Элемент обрядовых хлебов входит в систему других праздников, причем в зависимости от характера праздника изменяется форма и декор хлебов, но функция сохраняется.

Обычаи представляют собой динамично-исторические системы, непрерывно развивающиеся и изменяющиеся. Можно наблюдать интересные процессы изменений и перегруппировок их элементов с целью приспособиться к новым условиям функционирования данной системы. Подобный процесс идет и в новогодней системе обычаев: постепенно происходит ассимиляция одних элементов другими, производится сокращение и изменение структуры. Так называемые трансформационные связи системы раскрывают также совместное существование и взаимосвязь элементов ее прошлого развития с элементами перехода к будущему³⁴. Трансформационные связи раскрывают отношения между новогодней обрядностью и системой социальной структуры, в которой функционируют данные обряды и обычаи.

Итак, структурно-функциональный анализ отдельных элементов в любой системе обычаев, детерминированной историческими условиями, дает возможность установить закономерности, специфические для любой объективно существующей целостности, какую в данном случае представляют собой новогодние обычаи.

THE WINTER CYCLE OF CUSTOMS AMONG SOUTHERN SLAVS (TO THE PROBLEM OF THE STRUCTURAL TYPOLOGICAL RESEARCH INTO CUSTOMS)

An attempt is made in the article to apply the structural-typological method to comparative studies on the winter cycle of calendar customs and rituals among South-Slav peoples. In the author's opinion this method permits the researcher to understand these customs and rituals as a single whole on the one hand and to trace their connection with other aspects of peoples' life and customs on the other. The author examines the major components of Christmas — New Year ritual: «the Christmas log», the ritual board of fare, the first luck-bringing visitor (*polaznik*), fortune-telling and prediction, Christmas ritual songs (*koliada*), mummery.

³⁴ М. А. Барг, Указ. раб., стр. 87—89.

В. М. Суринов

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ

Одним из древнейших занятий человека, бесспорно, является сельское хозяйство. Поэтому изучение специфики и особенностей его формирования дает ключ к пониманию процесса складывания мировой культуры, истории человечества в целом. И нам представляется очень полезным тот обмен мнений, который ведется на страницах журнала «Советская этнография» по данному вопросу¹. Актуальность проблемы заключается не только в ее историко-познавательном значении, но и в том, что ее решение, как это справедливо отмечается Г. Г. Громовым и Ю. Ф. Новиковым, может быть «небезынтересно с практической точки зрения»².

Разногласия между участниками дискуссии сводятся в основном к следующему. Одни — Л. М. Сабурова, Н. Н. Чебоксаров и Я. В. Чеснов — признают этническую обусловленность форм земледельческой культуры; другие — А. А. Шенников, Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков — все аспекты развития земледелия склонны считать производными от уровня социально-экономического развития общества и особенностей почвенно-географических условий. На наш взгляд, многие противоречия возникли из-за того, что с самого начала дискуссии не был точно определен ее предмет, т. е. то, какие стороны сельскохозяйственного производства и в какой последовательности должны быть рассмотрены. В результате этого некоторые интересные соображения высказывались участниками дискуссии параллельно, и того столкновения мнений, в процессе которого, как утверждает опыт, рождается истина, не получилось.

Открывшие дискуссии Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков фактически свели всю сложную проблему развития сельскохозяйственного производства к «изучению взаимосвязей между конструкцией земледельческого орудия и технологией земледельческих процессов»³. Они не пишут ни о видах и формах культурных растений, ни о системах использования земельных ресурсов. В силу этого такой важный показатель специфики организации сельского хозяйства, как система земледелия, истолковывается крайне односторонне. Когда Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков говорят о системе земледелия, то они имеют в виду набор определенных видов

¹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Некоторые вопросы агроэтнографических исследований, «Сов. этнография», 1967, № 1; Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, «Сов. этнография», 1967, № 3; Л. М. Сабурова, По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований», «Сов. этнография», 1967, № 6; А. А. Шенников, Распространение животноводческих построек у народов европейской России, «Сов. этнография», 1968, № 6.

² Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 98.

³ Там же, стр. 81 и прим. 4 на стр. 91.

сельскохозяйственных орудий и соответствующую им сумму технологических процессов обработки земли⁴. Это и привело к тому, что не были выявлены основные связи, определяющие особенности формирования земледельческой культуры; попытка рассмотреть вопрос с точки зрения диалектики содержания и формы явления свелась фактически к анализу факторов, имеющих для понимания исследуемого предмета довольно частное значение. Еще более узко подходит к изучению проблемы А. А. Щенников, который на основании изучения форм содержания скота и типов скотных дворов, проведенного вне связи с другими отраслями развития сельского хозяйства, пытается подвергнуть сомнению факт этнической обусловленности форм развития земледельческого хозяйства в целом.

Более широко рассматривают данную проблему Л. М. Сабурова, Н. Н. Чебоксаров и Я. В. Чеснов. Так, Л. М. Сабурова совершенно правильно отмечает, что Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков строят свою концепцию «на отдельных примерах, а не на совокупности фактов»⁵. Полезной и плодотворной следует считать попытку Н. Н. Чебоксарова и Я. В. Чеснова наметить круг вопросов, изучаемых «агроэтнографией», куда относят особенности распространения сельскохозяйственных растений и животных, земледельческих орудий и агротехнических приемов.

При комплексном подходе очень важно выделить основной фактор, определяющий агротехническую традицию земледелия. В этом вопросе ведущую роль играет приуроченность этнической общности к определенной территории. Из всего комплекса факторов, характеризующих специфику сельского хозяйства, наиболее важными являются территориальные возможности земледелия (имеется в виду количество получаемых продуктов) и численность населения. От их соотношения зависело развитие земледелия, сменяемость различных его систем. Эти факторы не находились в прямой зависимости от почвенно-географических условий и уровня развития производительных сил. Они могли способствовать процессу интенсификации или, наоборот, тормозить его, что является, на наш взгляд, одной из совершенно неустранимых особенностей земледелия⁶, определяющих тип культуры в зависимости от ее территориального размещения. Этот, по образному выражению Н. И. Вавилова, «экзистенс-минимум» пригодных для земледелия площадей, свойственный району расселения той или иной этнической общности, и определял тип земледельческой культуры, выражавшийся прежде всего в особенностях формирования структуры производительных сил. При наличии больших земельных просторов складывалась экстенсивная, большей частью залежная система земледелия, при которой преимущественное значение приобретала механизация, а удобрения и агротехника имели второстепенное значение, так как изъятые из почвы питательные вещества восстанавливались естественным путем. При интенсивной системе земледелия, наоборот, первоочередное значение имели удобрения, агротехника, селекция высокопродуктивных сортов культурных растений, так как «экзистенс-минимум» в этом случае определял необходимость максимально-продуктивного использования каждого участка земли. Поэтому, как неоднократно отмечал выдающийся знаток вопроса Н. И. Вавилов, «в силу высокой уплотненности населения» возникала высокая культура полей и «наличию развитой земледельческой культуры соответствовало наличие больших массивов населения» и т. д. Именно благодаря этому на территориально ограниченных пространствах на заре развития земледелия были созданы такие высокопродуктивные сорта, которые впоследствии были с трудом превзойдены методически организованной селекцией.

⁴ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 85.

⁵ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 79.

⁶ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 137.

Экстенсивное хозяйство в свою очередь также предъявляло специфические требования к составу полевых культур, к высеваемым сортам. Эти требования были настолько отличны от требований высокоинтенсивного земледелия, что на селекционных съездах даже специально ставились вопросы о необходимости выведения новых сортов с учетом режима использования земли⁷.

Система земледелия формирует структуру производительных сил в сельском хозяйстве в зависимости от способа восстановления естественного плодородия почвы. В силу этого обстоятельства нам представляется малообоснованным высказанное Г. Г. Громовым и Ю. Ф. Новиковым соображение о том, что «развитие товарного капиталистического производства... требует перехода к более интенсивным... системам земледелия». Высокоинтенсивные системы земледелия существовали и в античном мире, и во многих феодальных государствах Востока. В то же время экстенсивное хозяйство велось в стране с таким высоким развитием аграрного капитализма, как США. Все это дает основание полагать, что сама по себе интенсивность использования земельных ресурсов не является отражением уровня развития производительных сил, зрелости производственных отношений. В самом деле, если взять две высокоразвитые в сельскохозяйственном отношении капиталистические державы, США и Японию, то без труда можно обнаружить, что системы земледелия в них складывались по-разному. В последней издавна существовали высокоинтенсивные севообороты с соевой и рисовой культурами, а американское земледелие долгое время развивалось на основе использования переложных земель.

С другой стороны, мы найдем много общего в режиме эксплуатации земли в Японии и отсталом в аграрном отношении Китае, но одновременно и между последним и Голландией. И в Китае, и в Голландии велось высокоинтенсивное хозяйство, которое порождал «экзистенс-минимум» земельной площади.

Некоторые факты позволяют думать, что складывавшаяся в процессе исторического развития система сельского хозяйства оказывала определенное влияние и на формы развития многих других сторон материальной и духовной культуры той или иной общности. Проиллюстрируем это несколькими примерами. Типы жилищ американского фермера, сибирского крестьянина, сформировавшиеся в условиях широких земельных просторов, имеют между собой много общего, но заметно отличаются от японских и китайских, при строительстве которых руководствовались необходимостью максимальной экономии полезной площади.

Нам также представляется справедливым, что различия в формах эксплуатации земли могут порождать различия в типах материальной культуры, в образе мышления отдельных человеческих общностей⁸. Это в какой-то мере признается Г. Г. Громовым и Ю. Ф. Новиковым, особенно в том случае, когда они переходят к рассмотрению конкретных фактов. Так, они пишут, что «однажды возникнув в рамках определенной системы обработки почвы, почвообрабатывающие орудия продолжают развиваться в пределах этой системы»⁹.

Чрезвычайно интересные наблюдения о воздействии систем земледелия на формирование одного из условий сельскохозяйственного производства содержатся в статье А. А. Шенникова. Он показал, как с увеличением плотности населения и уменьшением пастбищ изменялось отно-

⁷ Н. И. Вавилов, Избр. труды, т. II, М., 1960, стр. 168—175; т. III, М.—Л., 1962, стр. 163, 488 и др.

⁸ Л. Н. Гумилев, Этнос как явление, сб. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», Л., 1966, вып. 3—Этнография, стр. 101.

⁹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 82.

шение сельского населения к органическому удобрению, в связи с чем и зимнее содержание скота становилось иным.

Из сказанного выше можно заключить, что постепенный переход к высокоинтенсивным системам земледелия, вызванный ростом плотности населения, является закономерным процессом. Но сами по себе системы земледелия не отражают уровня развития производительных сил и не могут служить показателем их развития. В зависимости от размеров используемых земель той или иной общностью людей у них складывался определенный тип хозяйства разной степени интенсивности, который, как это мы попытаемся объяснить, тоже является одним из слагаемых, определяющих специфику материальной и духовной культуры той или иной этнической общности.

Традиции ведения хозяйства, определяемые его интенсивностью, носят «наследуемый характер». В подтверждение этого предположения можно привести тот факт, что в условиях экстенсивного хозяйства Сибири китайцы, дунганы, корейцы и другие выходцы из густонаселенных районов Азии долгое время сохраняли высокоинтенсивную систему, специализируясь на выращивании огородных растений. Такой же высокоинтенсивный тип использования сельскохозяйственных угодий и сопутствующие ему явления выделяют этнически апатани среди ассамских народов Северо-Восточной Индии и т. д.¹⁰ Переход от одного типа земледельческой культуры к другому обычно протекает в замедленном темпе. Так, пахота «не против правил», т. е. переход от трехполья к залежному хозяйству, началась у русских сразу же после заселения Сибири¹¹. Однако есть основания считать, что полная адаптация орудий и агротехники к этой системе земледелия произошла только в конце XIX — начале XX в.

Для того чтобы понять этническую обусловленность развития сельского хозяйства, очень важно ознакомиться с характером и результатами взаимодействия тех или иных этнических общностей в процессе их расселения с растительной и животной субстанцией. Много ценного по этому вопросу содержится в статье Н. Н. Чебоксарова и Я. В. Чеснова. Однако, на наш взгляд, в ней не отражены объективные причины, делающие то или иное растение «этнически характерным». Решающее значение для понимания этого имеют труды Н. И. Вавилова. Детальное обследование культурной флоры всего мира позволило этому ученому сделать крупнейшие открытия о взаимосвязи законов этногенеза и законов распространения сельскохозяйственных растений. Еще в 1923 г. Н. И. Вавилов указывал на растение как на объект исследования этнических процессов. В частности, касаясь так называемого «полбяного» вопроса, он писал, что «помимо ботанического интереса, эта культура любопытна тем, что определенно связана с этническим составом населения... целый ряд общих вопросов о происхождении культурных растений может быть решен на этой культуре и, в частности, вопрос о древности культуры возделываемых растений»¹². Впоследствии, опираясь на результаты своих обширных исследований и научные открытия других ученых, Н. И. Вавилов приходит к общему выводу о том, что «культура полей» «неотделима от общей культуры народа» и что «дифференциации культурных растений... способствовала пестрота этнического состава»¹³ населения. Это положение Н. И. Вавилова ставит под сомнение мысль, высказанную А. А. Шенниковым о том, что средства труда «меньше всего зависят

¹⁰ С. А. Маретина, Изучение общественного строя у малых народов Северо-Восточной Индии, «Сов. этнография», 1968, № 6, стр. 148.

¹¹ В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия (XVII в.), М., 1956, стр. 285—302.

¹² Ленинградский государственный областной архив Октябрьской революции и социалистического строительства (далее — ЛГАОРСС), ф. 9708, оп. 1, д. 35, л. 35.

¹³ Н. И. Вавилов, Избр. труды, т. 2, стр. 176; т. V, стр. 79, М — Л., 1965.

от этноса»¹⁴, что законы, формирующие специфику сельскохозяйственного производства, не имеют ничего общего с законами эволюции языка, законами этногенеза. Разумеется, о прямом совпадении действия тех и других законов нет оснований говорить, но в то же время нет смысла их жестко противопоставлять друг другу. Для подтверждения этой мысли обратимся к некоторым выводам Н. И. Вавилова. Прежде всего им было доказано, что первоначальные очаги земледельческой культуры, а также первые великие древние цивилизации использовали в своем хозяйстве различные виды сельскохозяйственных растений, а следовательно, одно из основных средств труда у них было неодинаковым. Во-вторых, ученым была открыта закономерность, широко известная в науке под названием «эффекта Вавилова»¹⁵. Суть ее заключается в том, что по мере оттеснения того или иного вида культурного растения от центра происхождения в составе форм его вида происходит выпадение доминантных признаков и проявление рецессивных. Та же закономерность была обнаружена и в отношении расовых признаков, которые нельзя не учитывать при формировании этнической общности. Мало убедительным нам представляется и противопоставление А. А. Шенниковым законов эволюции языка специфике сельскохозяйственного производства. Поэтому есть смысл хотя бы кратко осветить проблему влияния распространения сельскохозяйственного растения на эволюцию словарного состава языка. Не подлежит сомнению тот факт, что язык, являющийся важнейшим кодом общественной информации, в своем словарном составе отражает те изменения, которые происходят в составе культурной флоры, в отношении земледельца к тому или иному растению. Различия в культурах, в качестве получаемого от них продукта всегда вызывают соответствующие изменения в языке. Из великого множества фактов, это положение подтверждающих, приведем некоторые. Так, в Эфиопии для обозначения наиболее ценной фиолетовозерной пшеницы был введен специальный термин¹⁶. Сложный процесс превращения ржи из сорного растения в культурное, как это было убедительно показано исследованиями Н. И. Вавилова, отразился в словарном составе ряда этнических общностей.

Говоря о причинах этнической обусловленности распространения того или другого культурного растения, связи его распространения с миграцией этнической общности, надо указать на тот факт, что большинство сельскохозяйственных растений отличается большой приспособляемостью к различным экологическим условиям. Так, например, ячмень, вышедший из Эфиопии, успешно произрастает за Полярным кругом. Приспособляемость растения делает неизбежной его связь с той или иной этнической общностью во время ее миграции. Характерен в этом плане факт консервации «пятен полбяной культуры», которая стала этнически характерной для отдельных народов, находящихся на разных континентах и на различных уровнях развития. Острова ее посевов встречаются в Татарии, Чувашии, Армении, Эфиопии, у басков в Испании и в ряде других мест¹⁷. Объясняя ее появление в России, Н. И. Вавилов указывал: «Занесенная в эти районы когда-то с переселением тюркских народов, эта культура так и осталась с народностями, принесшими ее»¹⁸.

С другой стороны, при распространении культурных растений из первоначальных очагов доместикаций происходило не только выпадение определенных форм этих растений, но и целых видов. Например, характерным явлением для племени венесуэльских индейцев-мотилонов, выделяю-

¹⁴ А. А. Шенников, Указ. раб., стр. 105, 106.

¹⁵ «Н. И. Вавилов и сельскохозяйственная наука», Л., 1970, стр. 30.

¹⁶ Там же, стр. 38, 365, т. V, стр. 28.

¹⁷ Н. И. Вавилов, Избр. труды, т. III, стр. 228, 229.

¹⁸ Там же, т. II, стр. 187.

щим его среди других аборигенов, является отсутствие в посевах высокопродуктивной культуры — кукурузы¹⁹.

Важным моментом для понимания этнической традиции в сельском хозяйстве является вопрос о характере использования возделываемых растений. Многие из культур совершенно неожиданно делаются характерными для определения этнических общностей не в местах их произрастания, а в других регионах. Так, красный перец (*Capsicum annuum* L.), первоначально domesticiрованный в Америке, наибольшее значение приобрел в некоторых районах Африки, где стал своеобразным эквивалентом денег при товарообмене.

Ряд научных конференций по происхождению домашних животных, проведенных под руководством Н. И. Вавилова, показал, что распространению последних свойственны те же закономерности, что и распространению культурных растений.

Приведенные выше материалы заставляют нас согласиться с мнением Н. И. Вавилова, что на выбор сельскохозяйственных культур и животных оказывают влияние не только общественно-исторические условия, но и этнические факторы²⁰.

Возникает вопрос, не составляют ли сельскохозяйственные орудия исключения в этом отношении? Приведенные в статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова отрывочные данные не дают достаточного основания для такого суждения. Этот вывод был бы вполне обоснованным, если бы авторы произвели широкое сопоставление типов орудий, используемых в странах с примерно одинаковыми экономическими и географическими условиями, но населенных различными этническими общностями. В свое время решить вопрос в таком плане пытался Б. Н. Жаворонков. Им была подготовлена работа «История мирового плужного земледелия», к сожалению, не опубликованная. Опираясь на результаты этого исследования, а также на свои собственные наблюдения, Н. И. Вавилов пришел к выводу, что «плуги Абиссинии, Китая, Юго-Западной Азии и Средиземноморских стран выявляют определенно различные типы»²¹, что «на разных континентах творчество шло разными путями и давало нередко различные, а иногда и сходные результаты»²² и в каждом имелось много своего, «придуманного»²³.

Изложенные нами выше материалы об особенностях развития производительных сил в земледелии, дают возможность сформулировать общие принципы, с которыми этнограф должен подходить к пониманию этнической специфики сельскохозяйственного производства. Мы согласны с мнением тех авторов, которые полагают, что этнические особенности отражают прежде всего специфичность в развитии той или иной общности людей. Но нам думается, что эта специфичность формируется из суммы признаков, многие из которых будут характерны и для других этнически обособленных общностей. Все дело заключается, на наш взгляд, в характере и форме взаимного соотношения этих признаков. Именно на их основе происходит интегрирование национального самосознания. Такой подход нам кажется правильным еще и потому, что он будет отражать общую логику развития научного познания. Большой интерес в этом плане представляют некоторые новые элементы, которые появились за последнее время в теоретической биологии, особенно же та трансформация, которую претерпела концепция вида. Если раньше вид представлялся как единое целое, то в настоящее время биологами установлено, что виды не представляют такого рода целостности, а состоят из суммы форм и при-

¹⁹ Э. Л. Нитобург, О сдвигах в размещении и структуре населения Венесуэлы, «Сов. этнография», 1967, № 1, стр. 58.

²⁰ Н. И. Вавилов, Избр. труды, т. II, стр. 187.

²¹ Там же, т. II, стр. 148.

²² Там же, т. V, стр. 636.

²³ ЛГАОРСС, ф. 9708, оп. 1, д. 859, л. 26.

наков, находящихся в различных сочетаниях. На необходимость использования этого опыта биологической науки применительно к социально-экономической истории уже было указано К. К. Зельиным²⁴. Думается, что этот прием можно плодотворно использовать в агроэтнографии и этнографии в целом.

В силу исторических условий у каждой этнической общности складывается меняющаяся в своем развитии, но на каждом определенном этапе неповторимая мозаика признаков сельскохозяйственного производства. Высокую интенсивность земледелия, например, можно считать общим признаком как для китайцев, японцев, корейцев, так и для датчан, что, конечно, порождает также общие черты в материальной культуре этих народов. Но в то же время по взаимодействию с растительной субстанцией датская культура будет заметно отличаться от азиатских и ближе подходить, скажем, к такой малоинтенсивной земледельческой культуре, как американская. Мозаика эта, складывающаяся, как мы пытались показать, в значительной мере независимо от экономических условий, и должна, по нашему глубокому убеждению, являться предметом «агроэтнографии».

Сочетание признаков и значимость каждого из них в определении той или иной этнической общности могут быть различны. Например, при сопоставлении этнических общностей англичан и американцев следует учитывать влияние на формирование самосознания, на тип материальной культуры в первом случае «экзистенс-минимума» территории, в другом — наличия свободных земель. Соотношение численности этноса и территориальных возможностей земледелия должно стать объектом исследования при выяснении причин многих явлений, связанных с историческими судьбами этносов. Нам представляется справедливой точка зрения М. В. Воробьева о том, что «средствами одной только политической и социально-экономической истории» нельзя объяснить возвышение некоторых племен²⁵.

Дальнейшее углубление понимания этнической специфики хозяйственной жизни той или иной общности должно идти по линии выявления различных сочетаний признаков земледельческой культуры, которые в одних случаях приводили к ее исчезновению, в других способствовали ее жизнестойкости.

Изучение этих признаков представляется чрезвычайно нужным и важным. Если мы пойдем по линии отказа от исследования этнических традиций и будем признавать только культурные, то мы придем, с естественной неизбежностью, к признанию того факта, что вся история земледелия является историей становления и «закрепления **рациональной**» (подчеркнуто нами.— В. С.) практической деятельности²⁶. Фактически же дело обстоит значительно сложнее. В свое время, полемизируя с А. Р. Колем, стоявшим примерно на тех же позициях, что и Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков, Н. И. Вавилов указывал, что в процессе исторического развития земледелия шло накопление не только ума, но и глупости²⁷. И это обстоятельство в практической деятельности, если строить ее правильно, никак нельзя не учитывать. О том, насколько глубоко этнические традиции проникают даже в современное земледелие, свидетельствует следующий факт. В 1928 г. Д. Н. Прянишников при детальном изучении сельскохозяйственного производства такой высокоразвитой

²⁴ К. К. З е л ь и н, Принципы морфологической классификации форм зависимости, «Вестник древней истории», 1967, № 2, стр. 7—31.

²⁵ М. В. Воробьев, Этнос в средние века (на материале этногенеза чжурдженей), сб. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», Л., 1967, вып. 3, стр. 58, 59.

²⁶ Г. Г. Г р о м о в, Ю. Ф. Н о в и к о в, Указ. раб., стр. 92.

²⁷ ЛГАОРСС, ф. 9708, оп. 1, д. 409, л. 30.

страны, как Дания, обнаружил значительные различия в земледелии у этнических групп, населяющих эту страну²⁸.

В заключение остановимся на эпистемологических основах проблемы, которые в ходе дискуссии не были затронуты. Правда, несколько раньше А. А. Шенников в статье «О понятии этнографический комплекс» указывал, что всегда существуют подразделения предмета не только «по вертикали», но и по горизонтали, а иногда и более чем в двух измерениях²⁹. В связи с этим А. А. Шенников ставил вопрос о возможности изучения явления в каком-либо одном направлении. Возможность такого рода исследования проблемы сама по себе бесспорна. Но при этом не следует забывать и о ведущей тенденции развития современной научной мысли, которая заключается в том, что если раньше объекту исследования соответствовала одна отрасль науки, то в настоящее время он — предмет изучения многих. В результате такого многоаспектного изучения объекта не только обогащаются все участвующие в нем отрасли знания, но и могут возникать новые³⁰. Предлагаемое А. А. Шенниковым постепенное вычленение с целью сепаратного исследования отдельных сторон «этнографического комплекса» приводит к тому, что из поля зрения ускользает самый объект исследования как определенный тип сочетания признаков. Видимо, это и привело автора к несколько странному утверждению, будто полные «этнографические комплексы» духовной и материальной культуры имеются только у небольших народностей, политически и географически изолированных³¹.

TO THE PROBLEM OF DETERMINING AGROETHNIC TRADITION

An attempt is made in the article to determine the range of problems which should be dealt with by agroethnography. Particular consideration is given to the influence over the structure of production forces in agriculture of the correlation between the territorial potential of an ethnic community and its numerical strength. In the author's opinion this ratio gives rise to a certain type of economy which is not directly connected either with the level of development of productive forces and the corresponding social-economic factors or with conditions of soil and climate.

The association of certain groups of plants and animals with the agriculture of particular ethnic communities is also considered in the article as well as the causes of this phenomenon.

In conclusion the problem is raised of a complex approach to the study of agriculture: the necessity of this is epistemologically in accord with the general trends of the evolution of scientific ideas.

²⁸ Д. Н. Прянишников, Впечатления от поездки в 1927 г. по Дании, Голландии и Италии, в кн. «Очередные вопросы удобрения на третьем агрономическом совещании при НИУ 28 февраля — 2 марта», М., 1929, стр. 115—118.

²⁹ Сб. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», Л., 1967, вып. 3, Этнография, стр. 56.

³⁰ Б. М. Кедров, О диалектике современного естествознания, «Наука и жизнь», 1965, № 9; стр. 4; см. также Д. Н. Прянишников, Избр. соч., т. I, М., 1965, стр. 45—50.

³¹ А. А. Шенников, О понятии «этнографический комплекс», стр. 54, 55.

В. И. Санаров

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЦЫГАН

Данные относительно общей численности цыган на земном шаре весьма противоречивы. В одних источниках их численность определяется в 800 тыс.¹, в других — 5—6 млн.², в третьих — даже 12 млн. человек³. Такое значительное расхождение оценок связано с недостаточной этно-статистической изученностью цыган и постоянной подвижностью их бродячих групп. Даже число цыган в отдельных странах не всегда возможно точно определить. Так, численность цыган во Франции к началу 1960 г. в некоторых работах определялась в 1 тыс. человек⁴. Однако Парижское общество по изучению цыган на основании переписей неоседлого населения, проводившихся во Франции в 1960—1961 гг., определяет число цыган, живущих в стране, приблизительно в 50 тыс. человек⁵.

В СССР, по данным переписи 1970 г., общее число цыган составляло 175 тыс.⁶

К настоящему времени накопилась довольно большая литература, посвященная цыганам. За рубежом имеется ряд обществ, занимающихся их изучением: в Англии — Цыганское научное общество, издающее журнал с 1888 г.⁷; во Франции — Парижское общество по изучению цыган, основанное в 1949 г. и издающее журнал с 1955 г.⁸, в Италии — Центр по изучению цыган при Педагогическом институте Падуанского университета, издающий журнал с 1965 г.⁹, и т. д. Издано несколько библиографических указателей. Наиболее полные из них — библиографии Дж. Ф. Блэка¹⁰, А. В. Германо¹¹, Р. А. С. Макфи¹² и Д. Ю. Филлипс¹³.

¹ А. П. Баранников, Цыганы СССР, М., 1931, стр. 3.

² J.-P. Clément, Les Tziganes, Paris, 1961, p. 9.

³ «Droit et liberté», Paris, 1968, mars, p. 41, цит. по журн. «Etudes Tsiganes», Paris, 1968, № 1, p. 75.

⁴ «Численность и расселение народов мира», М., 1962, стр. 111.

⁵ «Etudes Tsiganes», Paris, 1968, № 1, p. 75.

⁶ Газ. «Правда», 17 апреля 1971 г.

⁷ «Journal of the Gypsy lore society», vol. 1—3, Edinburgh, 1888—1892; new series, vol. 1—9, Edinburgh, 1907—1916; 3rd series, vol. 1—49, Edinburgh, 1922—1970.

⁸ «Etudes Tsiganes», an. 1—16, Paris, 1955—1970.

⁹ «Lacio drom», an. 1—6, Bolzano, 1965 — Roma, 1970.

¹⁰ G. F. Black, A Gypsy bibliography, London, 1914, 226 p.

¹¹ А. В. Германо, Библиография о цыганах. Указатель книг и статей с 1780 г. по 1930 г., М., 1930, 140 стр.

¹² «A catalogue of the Gypsy books collected by the late Robert Andrew Scott Macfie», Liverpool, 1936, 178 стр.

¹³ D. U. McGrigor Phillips, Catalogue of the Romany collection, Edinburgh, 1962, 227 p.

Несмотря на наличие значительной литературы, многие сложные вопросы происхождения, истории и этнографии цыган остаются недостаточно разработанными.

Долгое время оставалось загадкой происхождение цыган. Если отбросить устаревшие, порой курьезные и даже абсурдные теории, сторонники которых ведут родословную цыган, например, от немецких евреев XIV в. (автор статьи «Цыгане» в «Этимологическом словаре французского языка»¹⁴, профессор восточных языков в Альтдорфском университете И. Х. Вагензейль¹⁵ и др.), от древних египтян (С. Робертс)¹⁶ и даже от жителей легендарной Атлантиды¹⁷, то к настоящему времени сохранились три основные версии происхождения цыган, не исключаящие друг друга целиком.

1. Теория азиатского, точнее, переднеазиатского происхождения цыган, возникшая в ранний период их изучения. Она распадается на ряд вариантов в зависимости от того, с каким народом или местом связывают происхождение цыган. Так, Анри де Спонд (XVII в.) связывал их с потомками жителей г. Синджара в Месопотамии¹⁸, Ш. Пейссоннель (1688—1757) — со средневековой сектой аттинган¹⁹, И. Г. Гассе — с потомками переднеазиатского племени сигиннов²⁰, упоминающегося у античных авторов — Геродота, Страбона, Псевдо-Орфея, Аполлония Родосского и др. Позднейшие исследователи либо отрицали всякую связь цыган с аттинганами²¹, либо считали, что здесь лишь произошел перенос названия секты на вновь прибывший в Византию народ (аттинган > цыган)²², либо прямо признавали аттинган за цыган²³. Некоторые продолжали считать возможной и связь цыган с сигиннами²⁴.

2. Теория египетского происхождения цыган также одна из ранних. Возникла она еще в XV в., когда прибывавшие в Европу цыгане распространяли легенды о своем происхождении из так называемого Малого Египта. Ряд современных исследователей, сторонников этой теории, трактует ее несколько по-иному. Так, С. Дж. Кольман, директор Академии фольклора в Дугласе (Великобритания), в 1957 г. писал: «Нет никакого сомнения, что цыгане на своем пути в Европу заходили в страну Пирамид, где они, вероятно, и приобрели обширные познания в области астрологии, гадания и ловкости рук»²⁵.

¹⁴ Père Jacob, *Bohémiens*, в кн.: G. Ménage, *Dictionnaire étymologique de la langue Française*, t. I, Paris, 1750, pp. 207, 208.

¹⁵ J. C. Wagenseil, *De... libera civitate Noribergensi commentatio*, Altdorfi, 1697, p. 435 ff.

¹⁶ S. Roberts, *The Gypsies; their origin, continuance and destination*, 5th ed., London, 1842.

¹⁷ F. Predari, *Origine e vicende dei Zingari*, Milano, 1841, pp. 52, 53; В. Шмаков, Священная книга Тота, М., 1916, стр. 53—56; см. также: J.-P. Clébert, *Указ. раб.*, стр. 112.

¹⁸ H. de Sponde, *Annalium... cardinalis Caesaris Baronii continuatio*, vol. 2, Lutetiae Parisiorum, 1641, p. 237.

¹⁹ [C. C.] Peyssonnel, *Observationes historiquae et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube et du Pont-Euxin*, Paris, 1765, pp. 108—112.

²⁰ J.-G. Hasse, *Zigeuner in Herodot. Königsberg*, 1803.

²¹ Х. И. Мищенко, 'Αἰγύπτιοι не цыгани, в кн. «Юбилейный збірник на пошану академика Дмитра Івановича Багалія», т. I, Київ, 1927, стр. 183—196.

²² F. Miklosich, *Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europa's*, «Denkschriften der k. Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe», Bd. 26, Wien, 1877, S. 55—66.

²³ А. Павлов, *Номоканон при Большом Требнике*, М., 1897, стр. 133, 134.

²⁴ «Sigynnae». В кн.: «The Encyclopaedia Britannica», vol. 25, New York, 1911, p. 84; F[örbiger A.], Σιγύνναι, в кн.: «Real-Encyclopädie der classischer Alterthumswissenschaft», Bd. VI, Abt. I, Stuttgart, 1852, S. 1183—1184; J. Karst, *Origines Mediterraneae*, Heidelberg, 1931, S. 382.

²⁵ S. J. Coleman, *Gipsy rites, customs and legendary lore*, Douglas, 1957, p. [3].

Отличительными чертами современной теории египетского происхождения цыган является то, что она допускает возможность пребывания их на территории Индии в течение относительно ограниченного, хотя и продолжительного периода, задолго до нашей эры, и утверждает, что на территории Египта «со времен глубокой древности» продвигалась лишь некоторая часть цыган²⁶.

3. Теория индийского происхождения цыган возникла в XVIII в.; в настоящее время она практически общепринята.

Основой для этой теории послужило обнаруженное венгерским пастором Иштваном Вайи (до 1763 г.)²⁷ сходство цыганского языка с языком Индии. Затем последовали работы Дж. Брайанта (с 1775 г.)²⁸, И. К. Х. Рюдигера (с 1777 г.)²⁹ и, наконец, Г. М. Грелльманна, который в 1783 г. еще раз выдвинул гипотезу об индийском происхождении цыган и связал их выход из Индии с нашествием Тимура в начале XV в.³⁰ Окончательно эта гипотеза была обоснована и доказана благодаря развитию сравнительно-исторического языкознания в XIX в. трудами А. Ф. Потта (1802—1887 гг.)³¹, Г. И. Асколи (1829—1907 гг.)³², Ф. К. Миклошича (1813—1891 гг.)³³ и других ученых.

Сложным оказалось решение вопросов о локализации предков цыган в Индии и о времени их выхода оттуда. Обычно цыганский язык относят к группе языков Северо-Западной Индии³⁴. В последнее время получила распространение гипотеза Р. Л. Тёрнера, по которой цыгане, прежде чем попасть в Северо-Западную Индию, определенное время жили среди племен Центральной Индии³⁵. Относительно времени выхода цыган из Индии единого мнения нет. Нижней границей его ученые считают V в. н. э.³⁶, верхней — начало II тысячелетия н. э.³⁷ Некоторые исследо-

²⁶ F. de Ville, *Tziganes*, Bruxelles, 1956, p. 24.

²⁷ H., Von dem heutigen Zustande, sonderbaren Sitten und Lebensart, wie auch von denen übrigen Eigenschaften und Umständen der Zigeuner in Ungarn, «Kaiserlich Königlich allergnädigst privilegierte Anzeigen aus sämtlichen kaiserlich königlichen Erbländer», Jg. VI, Wien, 1776, St. 11, S. 87.

²⁸ J. Bryant, Collection on the Zingara or Gypsy language, «Archaeologia», vol. 7, London, 1785, pp. 387—394.

²⁹ J. C. C. Rüdiger, Grundriß einer Geschichte der menschlichen Sprache nach allen bisher bekannten Mund- und Schriftarten, Th. I, Leipzig, 1782, S. 89; его же, *Neuester Zuwachs der deutschen, fremden und allgemeinen Sprachkunde*, St. 1, Halle, 1796, S. 37—84.

³⁰ H. M. G. Grellmann, *Die Zigeuner. Ein historischer Versuch über die Lebensart und Verfassung, Sitten und Schicksale dieses Volks*, Dessau und Leipzig, 1783; 2-те Auflage: Göttingen, 1787.

³¹ A. F. Pott, *Die Zigeuner in Europa und Asien*, Th. 1—2, Halle, 1844; 2-те Auflage: Leipzig, 1964.

³² G. I. Ascoli, *Zigeunerisches*, Halle a. d. S., 1865.

³³ F. Miklosich, Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europa's, «Denkschriften der k. Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Classe», Bd. 21—23, 25—27, 30, Wien, 1872—1880; его же, *Beiträge zur Kenntniss der Zigeunermundarten*, «Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe», Bd. 77, 78, 90, Wien, 1874—1878.

³⁴ F. Miklosich, Beiträge zur Kenntniss der Zigeunermundarten, «Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe», Bd. 90, Wien, 1878, S. 245—296; W. P. Schmid, *Das Zigeunerische Abstraktsuffix -ben/-pen*, «Indogermanische Forschungen», Bd. 68, Berlin, 1963, S. 276.

³⁵ R. L. Turner, *The position of Romani in Indo-Aryan*, London, 1927; V. Lesný, *Jazyk cikánů v CSR*, в кн.: «Ceskoslovenská vlastivěda», d. 3, Praha, 1934, str. 606.

³⁶ J. Bloch, *Indo-Aryan from the Vedas to modern times*, Paris, 1965, p. 27.

³⁷ F. Miklosich, Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europa's, H. 3, Wien, 1873, S. 3, 7; А. П. Баранников, *Указ. раб.*, стр. 33; С. А. Токарев, *Этнография народов СССР*, М., 1958, стр. 212; Л. Ф. Моногарова, *Цыгане*, в кн.: «Народы зарубежной Европы», т. I, М., 1964, стр. 907.

ватели предполагают, что процесс этот был весьма длительным и продолжался в течение нескольких столетий с VII до XII в.³⁸

Хотя большинство современных исследователей считает, что передвижение цыган из Индии на запад началось во второй половине I тысячелетия н. э., однако эту точку зрения нельзя считать окончательно доказанной. Еще в конце XIX в. английский исследователь Ф. Х. Грум (1851—1902) писал: «Все, что я считаю несомненным, это то, что в настоящее время мы абсолютно не знаем, пришли ли цыгане в Европу впервые до начала христианской эры или спустя тысячу лет»³⁹. В литературе уже отмечалось, что «почти все, что мы знаем о древней истории цыган, дало нам языкознание»⁴⁰. К сожалению, ученые не располагают ни одним письменным источником, который мог бы пролить свет на историю цыган до их прихода в Европу. В качестве наиболее раннего свидетельства о цыганах в Европе приводят иногда запись грузинского монаха Георгия Мтхарсминдели (около 1014—1065 гг.) из Иверского монастыря на г. Афон⁴¹. Однако в его житии под 1030 г. сообщается лишь об «атсинканах», «самаритянах по происхождению», в которых хотят видеть цыган⁴², но в данном случае речь может идти и о секте аттинган, действительно являвшихся частью самаритян⁴³.

Все рассуждения о первоначальной родине цыган и о путях их миграций на запад основаны исключительно на трудах лингвистов, вынужденных к тому же анализировать материал бесписьменного языка, первые записи которого, весьма фрагментарные, относятся лишь к XVI в. н. э. Поэтому все, что мы знаем сейчас о происхождении цыган, является, собственно говоря, историей происхождения языка, а не народа. К тому же нам, по сути дела, неизвестно, были ли первоначальные носители языка, на котором в настоящее время говорят цыгане Европы, предками этих цыган.

Ценный материал для выявления энтогенеза цыган могли бы дать этнографы и антропологи. Однако у нас пока нет таких фундаментальных трудов по этнографии цыган, которые позволили бы сравнивать различные этнические группы цыган как между собой, так и с многочисленными племенами Индии и других стран с целью выявления сходства или различий в области их материальной и духовной культуры, семейного быта и образа жизни — нравов, обычаев, традиций. Для подтверждения индийского происхождения цыган иногда ссылаются на сходство у цыган и некоторых племен Индии элементов культуры (например, двойного кузнечного меха⁴⁴) или обрядов (церемония подачи рук женихом и невестой друг другу во время свадебного обряда⁴⁵) и т. п. Однако само по себе сходство отдельных элементов культуры не может служить критерием при выяснении вопроса о происхождении цыган, ибо эти элементы могут быть у них общими не только с народами Индии.

³⁸ E. Horváthová, *Cigáni pred príchodom do Európy*, «Slovenský národopis», г. IX, Bratislava, 1961, č. I, str. 24; см. также: Т. Ф. Киселева, Цыганы Европейской части Союза ССР и их переход от кочевания к оседлости, канд. дис., М., 1952, стр. 16.

³⁹ F. H. Groome, *Gypsy folk-tales*, London, 1899, p. XXXI; 2nd ed.: London, 1963, p. XXXI.

⁴⁰ H. Arnold, *Die Zigeuner*, Olten und Freiburg i. Br., 1965, S. 15.

⁴¹ См., например, в кн.: Т. В. Вентцель, *Цыганский язык (севернорусский диалект)*, М., 1964, стр. 7.

⁴² «Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX siècle. Trad. du Géorgien par M. Brosset», pt. I, S.-Petersbourg, 1849, p. 338. В русском же переводе жития речь идет всего лишь о «некоем самарянине» «по имени Инкан» и его товарищах. См.: Григорий, *Житие преподобного и богоносного отца нашего Георгия Святоторца*, в кн.: М. Сабинин, *Полное жизнеописание святых грузинской церкви*, ч. 2, Спб., 1872, стр. 176.

⁴³ См. В. Рыбинский, *Самаритяне*, Киев, 1913, стр. 334, 335.

⁴⁴ J. Bloch, *Les Tsiganes*, Paris, 1953, p. 30.

⁴⁵ E. Horváthová, *Cigáni na Slovensku*, Bratislava, 1964, str. 333.

Антропология в настоящее время также не может дать конкретного ответа на вопрос о происхождении цыган. Н. Лаховари в 1946 г. писал, что «... особенно велико сходство цыган с доарийским, если даже не протодравидским, населением Южной Индии»⁴⁶. Позднейшие исследователи, тем не менее, подчеркивают, что хотя антропологические данные и сближают цыган с населением Индии, это сходство не может служить основой для решения проблемы происхождения цыган, если сравнивать «цыган Европы с индусами в целом»⁴⁷. Недостатком работ, на основе которых делают свои выводы антропологи, является весьма небольшое число измерений. И. Коперницкий (1825—1891), один из первых отметивший сходство индийских и цыганских черепов⁴⁸, пользовался результатами измерений, проведенных лишь на 83 индийских и 15 цыганских черепах. Единственная работа, основанная на относительно большом числе измерений (около 1000 чел.), — работа Э. Питтара — осталась незаконченной⁴⁹. Другим недостатком антропологических исследований является то, что в них часто не уточняется, о каких цыганах идет речь, и мы пока не знаем, как соотносятся друг с другом различные этнические группы цыган с антропологической точки зрения. Поэтому все, что в настоящее время антропология может предложить для освещения вопроса о происхождении цыган, — это констатация того факта, что цыгане занимают «промежуточное (среди населения Индии. — В. С.) положение как в географическом плане, так и с точки зрения кастовой системы»⁵⁰. Таким образом, во второй половине XX в., после проведения ряда исследований, основанных на новейших методах с привлечением данных о группах крови⁵¹, дактилоскопии⁵² и т. д., антропологи лишь вновь подтверждают высказанное еще в конце XIX в. мнение о том, что «цыган... является лучшим представителем среднего, смешанного индуса, образующего народную массу»⁵³.

В нашей стране антропологические исследования цыганского населения в последнее время почти не проводились. Только на Украине была обследована небольшая группа цыган. Краткие сведения о проводившихся там измерениях, сообщаемые В. Д. Дяченко⁵⁴, позволяют сделать лишь вывод о том, что предков цыган можно искать на огромных пространствах Ближнего и Среднего Востока — от Средиземного моря до Индии⁵⁵.

Надо сказать, что подобное же положение существует и в наиболее изученной области этногенеза цыган — языкознании. Лингвисты не могут найти среди современных и древних индийских диалектов прототипа современного языка цыган. Но так как в цыганском языке имеются лексические и грамматические элементы, характерные для различных языков Индии, то некоторые исследователи рассматривают цыганский язык как «совершенно независимый новоиндийский язык, параллельный современным индоарийским языкам»⁵⁶.

⁴⁶ N. Lahovary, *Les peuples européens*, Neuchâtel, 1946, pp. 145, 146.

⁴⁷ B. Ely, *L'Anthropologie des Tsiganes*, «Etudes Tsiganes», an. 6, Paris, 1960, № 1, p. 3.

⁴⁸ I. Kopernicki, *Über den Bau der Zigeunerschädel*, «Archiv für Anthropologie», Bd. 5, Braunschweig, 1872, S. 267—324.

⁴⁹ E. Pittard, *Les Tsiganes ou Bohémiens. Recherches anthropologiques dans la Péninsule des Balkans*, Genève, 1932, 288 p.

⁵⁰ E. Ely, *Указ. паб.*, стр. 8.

⁵¹ P. Cazal, R. Graafland et M. Mathieu, *Les groups sanguins chez les Gitanes de France*, «Montpellier médical», Montpellier, 1952, p. 1058—1065.

⁵² B. Ely, *Dermatoglyphes digitaux de 59 Tsiganes français*, «Bulletin de la Société d'anthropologie de Paris», Paris, 1959, № 2, pp. 196—200.

⁵³ Ф. Ратцель, *Народоведение*, Спб., 1903, т. 2, стр. 608.

⁵⁴ В. Д. Дяченко, *Антропологичний склад українського народу*, Київ, 1965.

⁵⁵ Устное высказывание Г. Ф. Дебеца.

⁵⁶ T. Pobożniak, *Grammar of the Lovari dialect*, Kraków, 1964, p. 16.

Подобные результаты данных антропологии и языкознания позволили ряду более осторожных исследователей отвергнуть старое мнение о том, что цыгане являются потомками какого-то одного определенного племени⁵⁷, и высказать предположение, что цыгане не только сейчас не представляют собой единого целого, но и в прошлом были «свободным конгломератом бродячих племен» Индии⁵⁸. Эта гипотеза, выдвинутая еще в XIX в.⁵⁹, находит поддержку и среди современных исследователей⁶⁰. Несомненно, в состав цыган как этнической общности должны были влиться представители народов различного происхождения. Однако это общее утверждение нуждается в конкретизации, основанной на привлечении научного материала.

Имеются и более смелые высказывания современных ученых, выдвигающих предположения о миграциях цыганских групп задолго до нашей эры и об их возможной связи с древними культурами Передней Азии⁶¹. Уже авторы первых сообщений о цыганах в Европе (XV в.) связывали их с выходцами из Халдеи⁶². Среди современных фольклорных материалов, собранных цыганским священником Флери среди цыган Франции и цыганологом Р. Анри в Бельгии, имеются легенды о пребывании предков цыган в стране Калди (в которой хотя видеть Халдею) и об их частых миграциях между Индией, Калди и Египтом⁶³. Эти легенды наталкивают на мысль о том, что цыгане, возможно еще до нашей эры кочевали далеко за пределами Индии. Ян Кохановский, автор монографии «Цыганские исследования» (1963 г.)⁶⁴, в одной из своих последних работ на основе анализа различных гипотез о происхождении цыган приходит к выводу, что далекие предки цыган были «народом, кочевавшим между Днестром и границами Китая»⁶⁵. Гипотеза Яна Кохановского заставляет более внимательно относиться к фактам, свидетельствующим о значительном сходстве ряда элементов древних религиозных верований цыган Европы и народов Сибири⁶⁶.

В тесной связи с проблемой происхождения цыган находятся и весьма сложные проблемы, связанные с определением самого понятия «цыгане». Высказываются предположения, что «цыгане» — не столько этническое, сколько социальное явление и понятие⁶⁷. Образ жизни цыган настолько характерен и специфичен, что советский индолог А. П. Баранников еще в 1931 г. подчеркивал, что если бы цыгане отказались от

⁵⁷ G. Freytag, *Bilder aus der deutschen Vergangenheit*, Th. 2, Leipzig, 1859, S. 228.

⁵⁸ J.-P. Clébert, *Указ. раб.*, стр. 39.

⁵⁹ C. Heister, *Ethnographische und geschichtliche Notizen über die Zigeuner*, Königsberg, 1842, S. 31; А. В. Елисеев, О материалах для изучения цыган, собранных М. И. Кунавиным, «Известия Имп. Русского географического общества», т. 17, Спб., 1881, вып. 5, стр. 275—276.

⁶⁰ H. Arnold, *Указ. раб.*, стр. 22; E. Horváthová, *Cigáni na Slovensku*, стр. 27; Т. Ф. Киселева, *Указ. раб.*, стр. 14; С. А. Токарев, *Этнография народов СССР*, М., 1958, стр. 212.

⁶¹ J.-C. de Luna, *Gitanos de la Bética*, Madrid, 1951; F. de Ville, *Tziganes*, Bruxelles, 1956; Z. Mayani, *Les Hyksos et le monde de la Bible*, Paris, 1956.

⁶² F. Fabri [1441—1502], *Fratri Felicis Fabri Evagatorium in Terrae Sanctae, Arabiae et Egypti peregrinationem edidit C. D. Hassler*, vol. 2, Stuttgart, 1843, p. 400.

⁶³ F. de Ville, *Указ. раб.*, стр. 61—84.

⁶⁴ J. Kochanowski, *Gypsy studies*, vol. 1—2, New Delhi, 1963.

⁶⁵ J. Kochanowski, *Tsiganes noirs, Tsiganes blancs — Les Tsiganes dans la perspective des migrations indoeuropéennes*, «Diogenes», Paris, 1968, juillet-septembre, цит. по журн. «Etudes Tsiganes», an. 14, Paris, 1968, № 4, p. 65.

⁶⁶ См. В. И. Санаров, *Элементы древних верований в религии цыган*, «Сов. этнография», 1968, № 1, стр. 32—45.

⁶⁷ R. Ritter, *Mitteuropäische Zigeuner: ein Volkstamm oder eine Mischlingspopulation?* В кн.: «Congrès international de la population», t. VIII, *Problèmes qualitatifs de la population*, Paris, 1938, p. 51—60; H. Arnold, *The Gypsy gene*, «Journal of the Gypsy lore society», 3 ser., vol. 40, № 1—2, Edinburgh, 1961, pp. 53—56.

«цыганских» способов приобретения средств к жизни, то они «так сказать, должны были бы перестать быть цыганами»⁶⁸. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что в различной литературе название «цыгане» применяется к определенному рода социальным группам населения, ведущим бродячий образ жизни и характеризующимся сходными чертами материальной культуры и специфическими методами добывания средств к жизни (гадание, попрошайничество, мелкие ремесла и т. п.). Речь идет о многочисленных бродячих «племенах», широко распространенных в Европе и Азии: в Японии — тобуши, себры, тамба и др.⁶⁹, в Индии — наты, лүтй, бāдийā⁷⁰, лохары⁷¹ и многие другие, включая различные «цыганообразные племена», отмеченные в докладе Комиссии местного управления Индии о кочевых племенах в 1904 г.⁷², в Средней Азии — люли, мазанг, джуги (так называемые «среднеазиатские цыгане»)⁷³ на Ближнем и Среднем Востоке — каули⁷⁴, боша, карачи⁷⁵, навары (нури)⁷⁶ и т. д., в Западной Европе — датские «цыгане»⁷⁷, йениши⁷⁸ и др. Общность происхождения всех этих «цыган» весьма спорна. В отношении индийских «цыган» индийский лингвист С. К. Чаттерджи писал, что они совершенно отличаются от цыган Европы и «ни один из этих арийских диалектов, видимо, не связан специально с той группой, к которой принадлежит основной словарный фонд диалектов европейских цыган»⁷⁹. Возникают поэтому сомнения в справедливости применения термина «цыгане» ко всем этим группам. Также вызывает сомнение правомерность отнесения к цыганам и «среднеазиатских цыган» (лингвистически принадлежащих к иранской группе языков), которых И. М. Оранский предпочитает осторожно называть «цыганообразными группами» или «так называемыми „цыганами“ Средней Азии»⁸⁰.

В этой связи является очевидной важность регионального изучения цыган, т. е. исследования этнических или социальных групп, называемых «цыганами» или ведущих «цыганский» образ жизни. Даже о тех группах цыган, общность происхождения которых не вызывает сомнения, все-таки, нельзя говорить как о едином целом, несмотря на близость их языка и сходство в образе жизни. Исследователи справедливо считают,

⁶⁸ А. П. Баранников, Указ. раб., стр. 28.

⁶⁹ A. H. Sayce, *Japanese Gypsies*, «Journal of the Gypsy lore society», n. s., vol. 7, № 2, Edinburgh, 1913, p. 157.

⁷⁰ F. Max, *The so-called «Gypsies» of India*, «Journal of the Gypsy lore society», 3 ser., vol. 28, № 1—2, Edinburgh, 1949, p. 74.

⁷¹ D. Bhattacharya, *The gypsies*, London, 1966, p. 11 и др.

⁷² H. L. Williams, *The criminal and wandering tribes of India*, «Journal of the Gypsy lore society», n. s., vol. 6, № 1—2, Edinburgh, 1912, pp. 34—58, 110—135.

⁷³ Г. П. Снесарев, *Среднеазиатские цыгане*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 34, М., 1960, стр. 24—29; Г. П. Снесарев, А. Л. Троицкая, *Среднеазиатские цыгане*, в кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 2, М., 1963, стр. 597—609.

⁷⁴ F. Barth, *Nomads of South Persia*, Oslo, 1961, pp. 91, 92.

⁷⁵ К. П. Патканов, *Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: Боша и карачи*, Спб., 1887.

⁷⁶ Père Anastase, *Les «Nawar» ou Tziganes d'Orient*, «Al Machriq», Beyrouth, 1902, vol. 5, pp. 865—876, 932—940, 966—975, 1031—1037, 1077—1086; R. A. Macalister, *A grammar and vocabulary of the language of the Nawar or Zutt, the nomad smiths of Palestine*, «Journal of the Gypsy lore society», n. s., vol. 3, № 2—3, Edinburgh, 1909—1910, pp. 120—126, 298—317, vol. 5, № 3 (1912), pp. 289—305; vol. 6, № 3 (1913), p. 161—240.

⁷⁷ A. Enevig, *Tatere og Rejsende*, København, 1965.

⁷⁸ W. Haesler, *Enfants de la grand-route*, Paris et Neuchâtel, 1955; H. Arnold, *Vaganten, Komödianten, Fieranten und Briganten*, Stuttgart, 1958.

⁷⁹ Опубликовано в статье: F. Max, Указ. раб., стр. 72.

⁸⁰ И. М. Оранский, *Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии. II. Материалы для изучения аргос этнографической группы джуги (Гиссарская долина)*, в кн.: «Иранская филология. Труды научной конференции по иранской филологии (24—27 января 1962 г.)», Л., 1962, стр. 62.

что «в настоящее время говорить о цыганах как о едином народе можно лишь условно»⁸¹.

Кроме общих вопросов, связанных с проблемой этногенеза цыган, большой интерес для этнографии представляют и многие другие проблемы этнической истории этого народа. Традиционные формы социальной организации цыган — родовая община с выборной властью вождя и советом старейшин, которая нам известна с XV в., — в современных условиях претерпели определенные изменения. Интерес к изучению этих изменений обусловлен и тем, что современные цыгане, особенно в странах Юго-Восточной Европы, по мнению некоторых исследователей, находятся на стадии перехода от материнского рода к отцовскому⁸². В некоторых странах при наличии табора, объединяющего несколько различных по происхождению родов, у цыган сохраняются пережитки родо-племенного деления, что представляет интерес для изучения эволюции общины. Анализ семейно-социальной структуры цыганского населения, проживающего в СССР, в частности на территории Сибири, показывает, что в условиях кочевого образа жизни основной общественной единицей является табор как форма кочевой патронимии, образующейся в результате разрастания большой семьи так называемого демократического типа⁸³. С переходом на оседлость эти патронимии в большинстве случаев продолжают сохраняться⁸⁴.

Этническая структура цыганского населения весьма сложна. Цыгане подразделяются на многочисленные группы, в настоящее время в большинстве случаев не связанные между собой ни в этническом, ни в лингвистическом, ни в социальном отношениях. Однако изучение языка цыган, живущих в различных странах Европы, показало, что это не отдельные независимые языки, а диалекты одного, некогда единого языка. Этот факт был впервые отмечен еще Ф. Камерарием в 1602 г.⁸⁵. Венский славист Ф. Миклошич, классифицировавший европейские диалекты цыганского языка, выделил 13 диалектных групп: греческие, румынские, венгерские, чешские, немецкие, польские, русские, финские, скандинавские, итальянские, баскские, английские и испанские диалекты цыганского языка. В основу классификации был положен географический фактор. Позднее, когда исследователи обнаружили, что цыгане во многих странах относятся к различным диалектным группам, в классификацию Миклошича стали вносить отдельные уточнения⁸⁶. Существенный вклад в изучение цыганских групп в различных странах внес Б. Дж. Гильет-Смит, выделивший в качестве особой диалектной группы влашских цыган Юго-Восточной Европы и противопоставивший их прочим невлашским цыганам⁸⁷. Это значительно облегчило задачу классификации цыган, ибо влашские цыгане в настоящее время живут почти во всех странах Европы и на других континентах. В советской литературе классификация цыганских диалектов разрабатывалась лишь для Европейской части СССР. В последнее время наибольшее призна-

⁸¹ Л. Ф. Моногарова, Указ. раб., стр. 907.

⁸² Л. Ф. Моногарова, Указ. раб., стр. 908.

⁸³ О демократическом типе большой семьи см.: М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 52, 53, 69, 70, 88—90 и др.

⁸⁴ См. V. J. Sanarov, Chez les Bedoni de la ville de Tioumen, «Etudes Tsiganes», an. 13, Paris, 1967, № 1—2, pp. 5—12.

⁸⁵ Ph. Camerarius, Operae horarum subcivitarum, Francofurti, 1602, pp. 95—97.

⁸⁶ См., например, работы: М. Maximoff, Principaux groupes tsiganes en France, «Etudes Tsiganes», an. 1, № 1, Paris, 1955, pp. 3—6; K. Erdős, A classification of Gypsies in Hungary, «Acta ethnographica», vol. 6, Budapest, 1957, № 3—4; последняя работа опубликована также в издании: «Acta Orientalia», vol. X, Budapest, 1960, fasc. 1, pp. 79—82.

⁸⁷ См. «Journal of the Gypsy lore society», n. s., vol. 9, Edinburgh, 1915, p. 65; 3 ser., vol. 17 (1939), p. 135.

ние получила классификация, предложенная Советским лингвистом Л. Н. Черновым в 1964 г.⁸⁸

Сейчас уже назрела необходимость сравнительного изучения различных этнических групп цыган, чтобы выяснить, насколько классификация цыган, построенная на этнографическом материале, соответствует лингвистической классификации.

Изучение цыган представляет интерес не только в свете исследования этнической истории этого народа, но и с точки зрения общей проблемы взаимоотношений и взаимовлияний бродячих чужеродных групп и местного оседлого населения. Особенно актуальным является изучение перехода бродячих цыганских групп к оседлости. Определение путей этого перехода на основе конкретного анализа процессов, происходящих в современной жизни цыган, является практической задачей этнографической науки.

⁸⁸ См. в кн.: Т. В. Вентцель, Цыганский язык, стр. 9—12; а также: Т. В. Вентцель, Цыганский язык, в кн.: «Языки народов СССР», т. I.—Индоевропейские языки, М., 1966, стр. 649, 650; Т. В. Вентцель, Л. Н. Чернов, Диалекты цыганского языка и их взаимоотношение с индоарийскими языками Индии, в кн.: «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18—20 января 1965 года», М., 1968, стр. 418, 419.

Г. В. Жирнова

О СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ
В МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ
ПОЛОСЫ РСФСР)

При изучении городского свадебного обряда как дореволюционного, так и современного, мы сталкиваемся с серьезными трудностями методического и теоретического характера. Трудности эти связаны прежде всего с малой изученностью вопроса¹, а также со сложностью изучаемых явлений. Городское население, составляющее среду бытования этого обряда, и по происхождению, и по социальному составу весьма неоднородно. Оно объединяет потомственных горожан и бывших сельских жителей, представителей различных классов, социальных и профессиональных групп. Поэтому городской свадебный обряд несет в себе черты, связанные с особенностями быта различных слоев городского населения. Именно эти черты и обуславливают ярко выраженную и устойчивую специфичность свадебного обряда в городе.

Если мы обратимся к городскому свадебному обряду конца XIX—начала XX в., то заметим, что, с одной стороны, в городе в ходе исторического развития формировались свои, с другой же — интенсивно перерабатывались традиционные крестьянские обычаи и обряды, которые приспосабливались к психологии тех классов и социально-сословных групп, среди которых бытовали². Поэтому при единой канве городского свадебного обряда в нем довольно четко выделяются различные варианты среди определенных слоев городского населения. Свойственная дореволюционному городу социальная топография в свою очередь локально закрепляла различия в обряде и создавала своего рода социально-территориальные границы, во многом препятствовавшие смешению и взаимопроникновению отдельных вариантов. По мере того как свадьба «удалялась» от центра к городским окраинам и слободам, исчезали четкие границы вариантов, и в свадьбе все ярче прослеживались традиционные крестьянские черты.

Изучение современной городской свадьбы представляет значительный интерес. Оно дает богатый материал не только в историко-этнографическом плане, но и помогает глубже проникнуть в сущность социальной психологии городского населения. Несмотря на то, что современный городской свадебный обряд связан с совершенно иными социально-экономическими условиями, чем обряд дореволюционного времени, в нем обнаруживаются отдельные традиционные черты. В процессе исторического развития они обычно лишались первоначального смысла, и ныне сохраняются в обряде в силу определенной исторической инерции, а также целого ряда других причин. Здесь перед исследователем

¹ См. Г. В. Жирнова, Русский городской свадебный обряд конца XIX — начала XX в., «Сов. этнография», 1969, № 1, стр. 1.

² Там же.

встают проблемы, связанные с изучением традиции, степени ее живучести, роли преемственности и отношения к свадебным обычаям отдельных классов и социальных групп советского общества. При изучении современной городской свадьбы интересно также проследить взаимосвязь форм свадебного обряда и социальной мобильности населения, т. е. проследить, как свадебный обряд «реагирует» на перемещение людей из одного социального слоя (класса, группы) в другой или видоизменяется в случаях перемены профессии в пределах одного и того же социального слоя. Для того чтобы разобраться в динамике этого явления, полезно было бы проследить его на примере нескольких поколений.

Можно поставить еще целый ряд вопросов, представляющих значительный теоретический интерес для изучения городского свадебного обряда и для понимания современной духовной культуры городского населения в целом. Однако прежде чем анализировать свадебный обряд с различных точек зрения, необходимо установить, в каких формах он существует в настоящее время. Поэтому главной задачей данной работы является характеристика современной городской свадьбы в среде тех основных социально-бытовых групп самостоятельного городского населения, которые выделяются советскими этнографами при изучении состава современного населения малых и средних городов средней полосы РСФСР: рабочие основных сфер производства, строительства и транспорта, работники сферы обслуживания, интеллигенция (работники науки, техники и культуры), кружевницы и вышивальщицы³.

Такой подход к изучению свадебного обряда позволит выяснить, в каких группах самостоятельного населения и в какой степени сохраняются традиционные городские или крестьянские элементы этого обряда. Основные признаки, по которым определяются социально-бытовые группы, во многом помогают понять и причины сохранения традиционных черт в свадьбе⁴. Это не исключает, однако, правомерности попыток выявить и локальные особенности свадебного обряда, распространенного в изучаемых городах.

В настоящей статье делается также попытка определить те тенденции, которые наметились за последние годы в свадебной обрядности у перечисленных выше социально-бытовых групп городского населения, а также высказать некоторые пожелания в адрес советских органов, занимающихся работой по созданию новой советской свадебной обрядности.

Статья написана по этнографическим материалам, собранным в 1964—1969 гг. в городах Калуге, Ельце (Липецкая обл.), в Ефремове (Тульская обл.) и Козельске (Калужская обл.). Сбор полевого материала по современному городскому свадебному обряду велся различными методами и приемами. Одним из наиболее эффективных был поиск информаторов внутри производственного коллектива. Однако вполне результативным оказался и метод территориального обследования. Особенно интересный материал дала работа в районах новостроек. Большую помощь при изучении современного свадебного обряда нам оказали работники отделов загса.

В работе были использованы также некоторые методы конкретно-социологического исследования; в изучаемых городах проводилось анкетное обследование лиц, вступающих в брак. В течение двух месяцев (ноябрь—декабрь 1967 г.) при непосредственной и активной помощи работников отделов загса в городах Калуге и Ельце (Липецкая обл.) было распространено 900 анкет, выявляющих современное состояние свадебной обрядности. Заполненными вернулись 890 анкет, следова-

³ См. об этих группах работу: Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, К вопросу о классификации городского населения при этнографическом изучении города, «Сов. этнография», 1970, № 2.

⁴ Там же.

тельно анкетным обследованием было охвачено 445 пар. Даже выборочная обработка полученных таким путем сведений, результаты которой мы приводим в данной работе, показала ценность и значимость материала подобного рода. Поэтому в 1968 г. было проведено повторное анкетирование брачующихся в городах Калуге и Ельце, а в 1969 г. — в городах Ефремове и Козельске⁵. Материалы анкеты дают представление о национальности и брачном возрасте, о местах и продолжительности знакомства жениха и невесты, об их социальном происхождении и положении, об уровне образования и продолжительности проживания в данном городе и т. д.

Ряд вопросов анкеты направлен на выявление современного состояния свадебной обрядности в городах и наличия в ней элементов традиционного обряда, а также отношения к нему вступающих в брак. Ответы на другие вопросы обнаруживают представления молодежи о начале совместной жизни. Цифровой материал и таблицы, которые мы получим в результате полной обработки анкет, в сочетании с имеющимся этнографическим материалом помогут подтвердить выводы, сделанные на основе наблюдений, а возможно, и укажут новые аспекты исследования. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют остановиться подробно на характеристике имеющихся материалов.

Перейдем непосредственно к изложению тех выводов, которые удалось сделать на основании собранных материалов.

Как можно видеть из собранных данных, большинство девушек в настоящее время выходит замуж между 20 и 23 годами, юноши чаще всего женятся в возрасте 22—26 лет. В среднем разница в возрасте вступающих в брак составляет 2—3 года. К сожалению, мы не можем установить средний брачный возраст молодежи, так как пока еще не располагаем достаточными статистическими данными.

На основании анкетных данных можно получить некоторые предварительные сведения и по другому вопросу — о продолжительности знакомства; так, всего 5% анкетированных были знакомы до шести месяцев, 10% — от 6 мес. до 1 года, 51% — от 1 года до 2 лет, 22% — от 2 лет до 3 лет, 12% — были знакомы более трех лет.

Интересный материал дает анкета о месте знакомства молодежи. На вопрос, где познакомились, 44% анкетированных указали места культурно-массового развлечения, 24% — различные высшие и средние специальные учебные заведения и работу, 22% — у друзей и родственников, 8% — в средней школе, 2% — в кружках самодеятельности и различных спортивных секциях.

При таких широких и разнообразных формах общения молодежи не может быть речи о свахах, тем более о свахах-профессионалках, игравших большую роль при заключении брака в конце XIX в. Институт свах-профессионалок был порожден определенным социально-экономическим укладом дореволюционного города, но после революции он, как свидетельствуют наши материалы, исчез не сразу. В 20-е годы свахи-профессионалки еще встречались в наших городах. Приспосабливаясь к новым условиям, «модернизируя» приемы сватовства, они всячески старались использовать свое ремесло как прежнюю статью дохода. В Ельце известная сваха Чигариха не только знала всех невест города и могла дать подробные сведения об их семьях, но к тому же имела фотографии девушек-невест. За небольшую плату парень мог посмотреть хранившиеся у нее портреты и выбрать приглянувшуюся ему девушку. В зависимости от договоренности, сваха сама шла сватать или давала парню адрес. Этим пользовались так называемые «вечные женихи», ходившие под предлогом сватовства просто пообедать у невесты:

⁵ Всего было распространено 1390 анкет. Результаты их в настоящее время обрабатываются.

как рассказывает, например А. М. Меркулов (75 л., г. Елец), «...жениха всегда встречали хоть каким-никаким да угощением! Время-то ведь было голодное, беспокойное, да и парней мало.— Всех гражданская съела!»⁶

Этнографические материалы, собранные в различных городах центральной полосы РСФСР, свидетельствуют о том, что за годы Советской власти произошли коренные изменения в семейных отношениях горожан, во взглядах на брак и в самой форме проведения свадебного обряда. Браки совершаются исключительно по взаимной склонности молодежи, и на первый взгляд может показаться, что такие моменты свадебного обряда, как сватовство, смотрины, сговор полностью исчезли. Но если рассмотреть современный свадебный обряд дифференцированно, в разных профессиональных группах городского населения, то можно убедиться, что эти элементы все-таки продолжают еще в некоторой степени сохраняться. Больше всего сохраняется их терминология, но подчас и некоторые традиционные действия, в целом носящие уже почти исключительно формальный характер. Из обследованных нами групп наиболее часто такие моменты свадьбы, как «сватовство» и «сговор» встречаются у строителей и транспортников. Во многом это объясняется высоким процентом приезжего сельского населения в этой группе⁷.

«Сватовство» встречается и в свадьбах рабочих крупных промышленных предприятий, хотя потомственные рабочие занимают в ее составе основное место. Анализ материала показывает, что внутри этой группы «сватовство» все же чаще встречается в семьях, поддерживающих устойчивые семейно-родственные связи с сельскими родственниками⁸.

Работники службы быта занимают промежуточное место между двумя названными группами по сохранению традиционных моментов и действий в свадебном обряде. В этой группе населения наличие традиционных свадебных обычаев также во многом определяется теми контактами, которые поддерживаются с сельскими родственниками. Это довольно четко прослеживается на материале, полученном у представителей торговых организаций указанных городов.

Интересные сведения о современных свадебных обычаях сообщили работницы фабрики художественной вышивки (Калуга) и кружевного производства (Елец). По насыщенности их свадеб традиционными элементами этот круг городских жителей целесообразно выделить в отдельную группу⁹.

У школьных и медицинских работников, по социальному происхождению являющихся в большинстве своем служащими, полностью утеряно представление о традиционных формах свадебного обряда; не встречается у них и традиционная терминология. Из свадебных действий сохраняется только собственно свадьба, которая проходит, как правило, в виде вечеринки.

Момент знакомства родителей жениха и невесты всегда играл значительную роль в свадьбе. В дореволюционном городе значение этого момента обуславливалось сильной семейной замкнутостью и малой осведомленностью о материальном достатке семьи. В современной свадьбе момент «знакомства» также сохраняется у перечисленных групп

⁶ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. 1, д. 110 в, л. 526.

⁷ См. Л. А. Анохина, М. А. Шмелева, Указ. раб., стр. 126.

⁸ Архив Ин-та этнографии АН СССР, д. 100 а, л. 375 а, 426; д. 110 б, л. 546; д. 110 в, л. 316.

⁹ Л. А. Анохина и М. Н. Шмелева в указанной ранее статье также обращают внимание на специфику показателей, характеризующих работников этих производств, выросших на базе традиционных ремесленных промыслов (см. Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Указ. раб., стр. 125).

городского населения, но носит скорее формальный, чем решающий характер. Он выполняет функцию скрепления уже существующей договоренности между молодыми людьми. Поскольку современный брак не является экономической сделкой¹⁰, потерял свой смысл и совершенно исчез момент «торга», во время которого обычно договаривались о «рописи приданого» и о самом приданом. В городской свадьбе, особенно на современном этапе, о приданом не говорят и существенной роли оно не играет. Однако каждая мать невесты, да и сама девушка стараются приобрести все необходимое из личных вещей; кроме того, родители жениха и невесты совместно стараются купить молодым различные предметы обстановки. К вопросу о приданом по большей части при-мыкает сложная проблема, связанная с определением места будущего проживания молодых. Часто родители совместно оказывают молодым в этом значительную материальную помощь. Иногда оплачивают снимаемые для молодых комнаты, помогают им внести взнос за кооперативную квартиру. Материалы комиссии о кооперативном строительстве (Ефремов, Калуга) показывают, что значительное количество заявлений подается только что сложившимися семьями.

Мы выбрали десять семей, принадлежащих к различным социально-профессиональным группам, и провели среди них опрос. Выяснилось, что в восьми случаях из десяти молодой семье оказали полную или частичную помощь родители или другие близкие родственники. В трех случаях из восьми кооперативный взнос был уплачен с помощью сельских родственников, при этом в одном случае из трех молодая семья взамен материальной помощи отказалась от права наследования движимого и недвижимого имущества сельских родственников.

Основной мотив вступления в кооператив, который выдвигает молодежь, — отселение от родительской семьи. В Калуге, например, из 220 семей — членов кооператива 58 указали именно на эту причину.

В связи с этим интересно отметить, что молодая семья, если у нее не разрешена проблема с жильем, чаще предпочитает жить совместно не со средним поколением (отец, мать), а со старшим (дедушка, бабушка), с которым у них складываются несколько иные отношения, чем с родителями. Это обуславливается целым рядом причин. В Калуге в 1968 г. 200 девушкам и юношам был задан вопрос следующего содержания: «Если бы вы могли выбирать, то с кем предпочли совместно проживать: 1 — с дедушкой, бабушкой; 2 — с матерью, отцом; 3 — отдельно от всех родственников». 55% из опрошенных предпочли бы жить отдельно, 25% с большим удовольствием жили бы с бабушкой и дедушкой, чем с родителями; 15% — с родителями, и только 5% не могли дать утвердительного ответа ни на один из предложенных вариантов вопроса.

В предсвадебном этапе сохраняются и некоторые организационно-хозяйственные моменты, связанные с распределением между семьями финансовых расходов на торжество, с определением количества гостей, с выбором места проведения свадьбы и т. д. По нашим непосредственным наблюдениям, именно в это время возникает сложная, иногда противоречивая взаимосвязь между взглядами на свадебный обряд молодежи и родителей, что довольно ярко прослеживается на материалах о комсомольско-молодежных свадьбах, собранных нами в Калуге и Ефремове.

Уже в идее комсомольских свадеб заложено очень активное общественное начало. Поэтому вся хозяйственная и финансовая сторона ложится на общественность предприятия, которая организует комсомольскую свадьбу. Выделенный актив определяет состав и участников свадьбы, предлагает распорядок торжества, меню, покупает подарки ново-

¹⁰ См. Г. В. Жирнова, Указ. раб., стр. 50.

брачным, присутствует во время церемонии регистрации брака в загсе и т. д. Такая доминирующая деятельность общественности может вступать в разногласия с представлениями и желаниями, которые связывают с этим событием родственники новобрачных. И как выход из создавшейся ситуации — через день или несколько дней после комсомольско-молодежной свадьбы родственники устраивают свою семейную свадьбу, в которой сохраняется много элементов традиционной свадебной обрядности и участвует широкий круг родственников.

В том случае, когда взгляды отцов и детей на это событие не совпадают, также может возникнуть конфликт. Родители, рассматривая брак своих детей как важное событие в семье, стараются оповестить и собрать близких и дальних родственников. Во то же время дети скептически относятся к таким «старомодным» взглядам старшего поколения. Они предпочли бы отметить свадебное торжество в кругу своих сверстников, считая его сугубо личным праздником. Разногласия такого рода четче проявляются в семьях, где духовные контакты между поколениями бывают несколько ослаблены, что чаще наблюдается между родителями и детьми, принадлежащими к разным социально-профессиональным группам.

День свадьбы, как правило, приурочивается ко дню оформления брака в загсе. Торжественная регистрация брака, как одна из важных сторон советской обрядности, занимает все большее место в духовной жизни горожан. В связи с этим необходимо поставить отделы загса в несколько особое положение по сравнению с другими социально-культурными учреждениями. Прежде всего загс должен размещаться в благоустроенном, хорошо спланированном помещении, убранство и художественное оформление которого, так же как и одежда работников, создавало бы соответствующее событию настроение. Важно, чтобы штат загса располагал количеством работников, достаточным для проведения торжественной церемонии бракосочетания. Очень важно, чтобы работник загса хорошо говорил. Все это необходимо для того, чтобы советский ритуал бракосочетания положительно воздействовал на эстетические вкусы и эмоции человека. Ведь именно в силу эмоционального воздействия кроется живучесть обряда.

Как видно из наших материалов, молодежь психологически подготовлена к восприятию новых советских обрядов, ее симпатии на стороне торжественной регистрации брака. Так, на вопрос анкеты, в какой обстановке хотите регистрировать брак, 85% анкетированных ответило — в торжественной.

В дореволюционном свадебном цикле к моменту официального оформления брака приурочивался целый ряд обрядов и церемоний. Одни из них происходили в доме жениха, другие в доме невесты. Некоторые были связаны с моментом отъезда свадебного поезда в церковь и его возвращением оттуда. Со временем многие из старинных обычаев сильно трансформировались, переместились из одного этапа свадебного цикла в другой, а некоторые обычаи совсем исчезли. Однако в современной городской свадьбе порой наблюдается явное «оживление» отдельных обычаев. Появление в современной городской свадьбе целого ряда традиционных крестьянских элементов можно объяснить главным образом интенсивным приливом в изучаемые города сельского населения, особенно за послевоенный период¹¹, а возможно, и возросшим значением акта регистрации брака, которому все больше и больше придается торжественный характер. Следует сказать, что в том случае, когда у брачующихся или у одного из них родители живут в ближайшей

¹¹ См. Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города, «Сов. этнография», 1968, № 3, стр. 19, 20.

сельской округе, свадьба, как правило, справляется не только в городе, но и в деревне¹².

Из обследованных групп такие обряды, как выкуп места, преграждение дороги чаще встречаются в свадьбах строителей и транспортников, работников службы быта, работниц вышивального и кружевного производств¹³. Девичник, столь характерный для традиционной крестьянской свадьбы, в дореволюционном городе встречался лишь в свадьбах населения городских окраин. Теперь он почти отсутствует, однако нынешнее поколение вышивальниц и кружевниц не утратило о нем представления. Собранные материалы показывают, что еще в 20—30-е годы девичник широко бытовал в этой среде.

В современной городской свадьбе большое значение придается свадебному наряду. Невеста тщательно готовит свое свадебное платье. Обычно оно бывает белого цвета и шьется из тонких тканей (капрон, нейлон, гипюр) с учетом современной моды. Иногда из практических соображений шьют белые шерстяные костюмы, но в обследованных городах костюм, как свадебный наряд, встречается гораздо реже, чем платье. Фата снова вернулась к невесте, но по сравнению с прошлым она более короткая, чуть доходит до плеч и украшается живыми цветами, разноцветными бусинками, стеклярусом. Несмотря на то, что фату можно купить в магазине, ее, как правило, шьет сама невеста, иногда с помощью подруг; при этом объясняют, что «магазинные — стандартные и некрасивые». В 1966 г. в общежитии железнодорожного техникума (Елец) дважды устраивался даже конкурс на лучшую фату, сшитую руками невесты. Часто свадебный туалет невесты дополняется длинными белыми перчатками, светлыми чулками и белыми нарядными туфлями.

Современный свадебный наряд невесты распространяется с каждым годом все шире. Так, в 1964 г. в Елецкий загс всего 30% невест пришли в светлых платьях и фате, в 1966 — уже 60%, а в 1967 г. их было 80%. Туалет жениха более прост и строг — обычно это темный костюм, белая рубашка и темные туфли. Что касается традиционной одежды и атрибутов¹⁴ других участников городской свадьбы, то уже в XIX в. они сохранялись лишь фрагментарно¹⁵, а в современной городской свадьбе полностью отсутствуют. Не сохранилось и большинства традиционных названий свадебных чинов.

Опять стали модны обручальные кольца, которые покупают жених или его родители. Этими кольцами жених и невеста обмениваются в момент регистрации брака (рис. 1). Интересно, что в сознании молодежи сохраняется традиционное представление об обручальном кольце как символе вечного супружеского союза.

Как мы могли наблюдать, некоторые привлекательные стороны дореволюционного городского свадебного обряда возродились и нашли место также и в современной городской свадьбе. Так, если свадьба совершается весной, летом или осенью, путь молодым от загса до свадебного поезда устилают цветами. Понятие «свадебный поезд» тоже сохраняется. Обычно свадебный поезд состоит из нескольких светлых легковых такси. В первую машину, украшенную цветами, садятся жених и невеста, в других размещаются «поезжане». Термин «поезжане» более стойко сохраняется в городах Ельце и Ефремове и чаще встречается в

¹² Выясняя причину этого явления, мы часто получали от информаторов ответы такого рода: «Здесь друзья, а там родня, куда же от нее!», «В деревне-то оно веселее, проще, места да и гульбы больше» или «Родителей обижать не хотели» (см. Архив Ин-та этнографии АН СССР, д. 110 б, стр. 185).

¹³ Архив Ин-та этнографии АН СССР, д. 110, л. 346, 358; д. 110а, л. 377; д. 110 ж, л. 101.

¹⁴ См. об этом: С. П. Богославская, К номенклатуре и топографии свадебных чинов, М., 1926, стр. 6, 7, 18.

¹⁵ См. Г. В. Жирнова, Указ. раб.

свадьбах строителей, транспортников, а также кружевниц и вышивальниц.

Состав «поезжан» во многом отличается от традиционного — это, как правило, молодежь, родители жениха и невесты или один из них¹⁶, родственники, товарищи по учебе и работе, иногда представители общественности. В Калуге свадебный поезд, возвращаясь из загса, часто сначала проезжает по центральным улицам, затем объезжает их по кругу и только после этого направляется к месту, где будет праздноваться свадьба. В этом обычае мы также усматриваем известную традиционность, характерную и для свадебного обряда сельской округи.

Наиболее типичным и распространенным видом праздника, связанного со вступлением в брак, остается собственно «свадьба» с элементами традиционной народной обрядности. Остановимся на этой форме торжества и рассмотрим соотношение в ней новых и старых элементов традиционной обрядности.

После регистрации брака молодых обязательно встречают родители жениха и невесты, окруженные родственниками. Наши материалы позволяют выделить несколько вариантов в ритуале встречи новобрачных, характерных для основных групп городского населения. Так, в среде школьных и медицинских работников встреча не сопровождается какими-либо традиционными действиями, а ограничивается лишь поздравлениями молодых родителями и родителей всеми присутствующими. В остальных группах молодых встречают чаще всего хлебом и солью. У кружевниц и вышивальниц даже сохраняется традиционная терминология этого момента — «благословение молодых», но традиционные действия, связанные

Рис. 1. Жених и невеста обмениваются кольцами

Рис. 2. Публичное подношение подарков молодым

Рис. 3. Брат невесты читает поздравительные открытки и телеграммы

¹⁶ В дореволюционной городской свадьбе конца XIX в. родители не присутствовали на официальном оформлении брака (венчании). Очевидно, запрещение, введенное указом Петра I от 5 января 1724 г. по поводу «принужденных браков», постепенно стало восприниматься народом как традиция. См.: «Общедоступные беседы о богослужении в православной церкви», М., 1898, стр. 1069.

с этим, как правило, отсутствуют. Иногда вместо традиционного хлеба-соли родители держат в руках торт и маленькую солонку (Калуга, Ефремов). Как только молодые вошли, родители отрезают кусочек торта, посыпают солью и заставляют новобрачных его съесть. Это всегда сопровождается смехом и шутками собравшихся. После того как молодые съели кусочек посоленного торта, родители поздравляют их с законным браком¹⁷. Кроме желания повеселить гостей, в этом обычае улавливается, как нам кажется, символика, направленная на то, что отныне молодые должны делить радость и горе.

Затем молодых начинают поздравлять гости. В дореволюционном свадебном обряде во время поздравлений молодые оделяли каждого гостя кусочком медового пряника и рюмкой вина, а гости, в свою очередь, клали на специальный поднос подарки («дары»). Современные «поздравления» не сопровождаются указанными традиционными действиями, однако у некоторых групп городского населения встречается публичное подношение подарков (см. рис. 2), но чаще их просто складывают в отведенное для этого место. В последнее время гости часто приносят красиво оформленные тексты-поздравления.

В современной свадьбе из традиционного городского порядка свадебных угощений — чай, десерт, ужин — сохраняется лишь ужин¹⁸, который бывает обильным и проходит весело. Столы ставят в виде буквы П. В центре сажают молодых, рядом с ними садятся родители, затем родственники, с учетом степени родства, и друзья. Брат невесты (если таковой имеется) обычно садится между невестой и родителями. Напомним, что в дореволюционной крестьянской, а также городской свадьбе брату невесты, как особому свадебному чину, принадлежали функции продажи невесты, ее косы, места около нее и т. д. В современной городской свадьбе роль брата сохраняется, но уже в совершенно модифицированной форме. Теперь брат открывает торжество, произносит первый тост, читает поздравления молодым (см. рис. 3). Он же первый переходит к шуткам по адресу молодых: кричит «горько», «соринка попала в стакан», заставляя молодых целоваться.

Что касается свадебной пищи, то в ней из всего традиционного ассортимента более стойко сохраняется «птица». Предпочтение здесь отдается курице, которую варят или жарят целиком, ставят обычно в центр стола и украшают колечками лука и моркови. Кроме того, обязательно бывает холодец, заливная рыба, всевозможные салаты. Ветчина с турецким горошком, обязательная в городской дореволюционной свадьбе, сейчас как свадебное блюдо не фигурирует¹⁹. Соседи принимают самое активное участие в заготовке продуктов для свадьбы, в приготовлении свадебной пищи, а также участвуют в свадебном веселье. Особенно ярко это прослеживается на материалах, касающихся лиц, живущих в частных домах или коммунальных квартирах коридорного типа (Елец, Ефремов). К сожалению, мы не имеем возможности подробнее остановиться на этом вопросе, хотя он поднимает важную проблему о городском соседстве и различных формах контакта горожан вне профессионального общения. В этом смысле материал по городской свадьбе освещает некоторые интересные стороны городского соседства. В современной литературе встречается мнение о якобы неразвитых формах городского соседства. Некоторые авторы утверждают,

¹⁷ Похожий обычай соблюдается иногда на украинских свадьбах, но только во время «заручин». Девушки, поздравляя жениха и невесту, кормят их галушками, начиненными перцем, хреном и солью. См. подробнее: В. И. Бру д н ы й, Обряды вчера и сегодня, М., 1968, стр. 146.

¹⁸ Вероятно, это связано с тенденцией сокращения свадебного обряда в целом, однако для некоторых групп городского населения (строители, транспортники, вышивальщицы, кружевницы) это надо, по-видимому, рассматривать и как проявление крестьянских свадебных традиций.

¹⁹ См. Г. В. Ж и р н о в а, Указ. раб.

что оно охватывает главным образом несамостоятельное население²⁰. Нам кажется, что такое мнение страдает излишней категоричностью, сам же вопрос заслуживает более внимательного рассмотрения.

Обрядовый хлеб, столь характерный для традиционной крестьянской свадьбы, уже в дореволюционном городе (в конце XIX в.) встречался редко, да и то лишь на окраинах. В современной свадьбе, как видно из наших материалов, традиционный хлеб вообще отсутствует. Его место заняли торты и другие кондитерские изделия, которые пекут сами родители, иногда невеста, но чаще заказывают на кондитерских фабриках. На свадьбе бывает несколько тортов. Так, в Ельце главный торт — «калашча», его называют иногда «тортом молодых». Этот торт дарят молодым сообщая их родители. Кроме того, существует «разгоночный торт»²¹, который символизирует окончание свадебного торжества. В слободах Аргамеч и Ломская (Елец) «как подадут блины — значит свадьбе конец». В деревнях Турунино, Перцево, Хитровка (окрестности Калуги) до сих пор пекут пшеничный каравай, который также подают в конце свадьбы. Это созвучно с традиционным крестьянским обычаем (многочкратно описанным в литературе) подавать в конце «пш» пшеничную кашу, блины, а в некоторых районах — свиную голову²².

Молодежь приносит на свадьбу пластинки и пленки с записями современных песен, однако почти всегда приглашают баяниста или аккордесниста, так как считают, что «без них не будет веселой свадьбы». Кроме этого, на свадьбе обычно поется много песен, самых разнообразных в жанровом, художественном и музыкальном отношении. Наряду с современными лирическими и любовными песнями поются и русские, народные: «На горе-то калина», «По улице местовой», «Вдоль по Питерской», «Коробейники», «Хаз-Булат удалой», «Когда бы имел золотые горы», «Потеряла я колечко», «В саду ягодка малина» и т. д. Молодежь танцует вальс и современные танцы. Люди среднего и старшего возраста, кроме некоторых современных танцев, пляшут «русского», «барыню», «сербиянку» (Елец, Ефремов), «цыганочку» (Калуга); исполняют и пляски с частушками — «мотанье» (Елец, Ефремов), «страдание» (Калуга). Однако эти последние наиболее характерны для тех групп городского населения, в быту которых ярче прослеживаются сельские традиции. Что касается собственно свадебных — «корильных» и «величальных» — песен, то, как видно из материалов архива РГО, относящихся к городам средней полосы России, они широко бытовали в середине прошлого века. К концу XIX в. в городах эта традиция прослеживалась уже слабее. В сельских районах изучаемых нами областей, как свидетельствуют материалы, за последние годы наблюдается некоторое оживление этого жанра. Женщины среднего и старшего возраста, проживающие в близлежащих селах и знающие корильные и величальные песни, исполняют их не только на деревенских свадьбах, но и в городе у родственников или знакомых. На второй день свадьбы иногда устраивают «битие горшков» и «подметание пола», но чаще всего эти обычаи соблюдаются на свадьбах кружевниц, вышивальщиц и у той части торговых работников, которые не утратили связи с сельскими родственниками.

В Калуге, в среде неквалифицированных рабочих группы службы быта, мы зафиксировали на второй день свадьбы интересный обычай

²⁰ См.: А. С. Ахизер, Л. Б. Коган, Урбанизация общества и научно-техническая революция, «Вопросы философии», 1969, № 2.

²¹ Интересна живучесть и распространенность этого термина. В б. Олонецкой губ., как сообщила нам Г. С. Маслова, в конце свадьбы подавали кисель «разгониха».

²² Л. Я. Штернберг, Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю, Л., 1926, стр. 13.

«рубить баню». Нарядившиеся мужчина и женщина берут веник, молоток, топор, изображают, что строят баню, и сейчас будут мыть молодых. Молодая, откупаясь от них, дарит им платки или бросает «денежную мелочь»²³. В данном случае, очевидно, имеет место игровое переосмысление издавна существовавшего на Руси обычая мыть жениха и невесту, а в более позднее время — молодых, в бане. Имеющиеся в литературе описания свадеб дают яркое представление о том, насколько этот обычай был популярен в России в разные исторические периоды. Судя по нашим материалам, почти полностью исчез обычай «ходить ряжеными» на второй-третий день после свадьбы, широко бытовавший в прошлом у жителей городских окраин. Некоторые обычаи, например «визитная неделя» (когда молодые посещали родственников, а родственники — молодых), встречавшиеся до революции лишь у определенных групп городского населения²⁴, сейчас нашли более широкую среду бытования. Интересна и вариация термина «визитная неделя» (Калуга, Елец), называвшаяся в некоторых городах «княжой» (Ефремов, Козельск). Но в целом, как видно из материала, послесвадебный этап свадебного цикла по сравнению с дореволюционным сильно сократился.

Останавливаясь лишь на главных моментах свадебного цикла, мы пытались выяснить, в какой степени и в каком виде они сохранились до сих пор и как варьируют. Вероятно, более детальный анализ таких обстоятельств, как социальная среда брачующихся, длительность их проживания в городе, уровень образования, профессия, даст возможность более конкретно выявить особенности обряда в социально-бытовом плане. Но это требует дальнейшей работы.

В заключение следует сказать, что сейчас происходит интенсивный процесс складывания современного свадебного обряда. В этом процессе четко выделяются несколько главных направлений. Одно из них связано с возрождением уже существовавших ранее городских традиций, возможно, в силу их относительной устойчивости. Другая тенденция обусловлена сохранением связей обряда с сельскими старыми и новыми свадебными традициями. Последнее можно объяснить непрерывным пополнением городского населения бывшими сельскими жителями: достаточно вспомнить, что подавляющее большинство приезжих (2/3) в наши города являются выходцами из сельской местности²⁵. Наконец, одновременно с указанными тенденциями происходит, как мы могли наблюдать, формирование и закрепление новых современных свадебных обычаев. В то же время складывание новых свадебных традиций, оживление и возросшая за последнее время гласность исполнения отдельных старинных традиционных свадебных обычаев находятся в непосредственной связи с проводимой общественностью целенаправленной политикой по созданию новой советской обрядности, с поиском новых форм свадебного ритуала.

²³ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. 1, д. 110 а, л. 817.

²⁴ См. Г. В. Жирнова, Указ. раб.

²⁵ См. Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города, стр. 19.

В. Д. К о р о л ю к

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ
РУССКОГО НАРОДНОГО
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА**

(КРЕСТЬЯНСКИЕ ОБРАЗА-«ПРИМИТИВЫ»)

В обширной области русского народного художественного творчества трудно указать проблему, менее изученную и, пожалуй, даже до сих пор менее привлекающую к себе внимание, чем творчество многих поколений безымянных крестьянских художников-самоучек, так называемых «богомазов», сотнями и даже тысячами писавших народные иконы-образы.

Особенностью русских (великорусских) деревенских примитивов является то, что они, в отличие от украинских (в том числе и закарпатских), даже написанных темперой, всегда восходят своими корнями к церковной масляной живописи Возрождения, генетически связаны с древнерусским живописным искусством, а через него с византийским, которое, в свою очередь, идет от искусства эллинистического портрета. Факт, очевидно, отнюдь не безразличный для оценки крестьянской примитивной живописи, которая, таким образом, является одним из конечных узлов синтеза античной эллинистической культуры с культурой народной, выросшей на нашей национальной почве. Думается, что в ряд примитивов не следует включать многие произведения деревенской иконописи, созданные на высоком и чисто профессиональном уровне. Об этом, впрочем, придется сказать несколько слов ниже.

Народная икона-образ, которую часто называют крестьянским примитивом, довольно резко отходившая от канонов традиционной иконописи, в прошлом, да и теперь отвергается официальной православной церковью. В этих иконах, по мнению служителей церкви, нет «святости». В прошлом активное наступление на крестьянское иконописное творчество вела официальная икона-литография, отодвигавшая его во все более отдаленные от городских центров углы деревенской России. Интересно отметить, что наступление официальной церковной литографии на народный «примитив» продолжается и сейчас в той крестьянской среде (главным образом у лиц старшего поколения, женщин), где сохраняется религиозное чувство или распространено так называемое бытовое православие.

Как ни странно, крестьянский примитив практически не оказал никакого воздействия на развитие отечественной живописи XIX—XX вв., несмотря на стремление многих наших художников обогатить свой художественный язык обращением к приемам и образности народного творчества. В прошлом, возможно, это в какой-то мере объяснялось официальной оценкой господствующей церкви. А сегодня? Ведь в наши дни, когда внимание художественной общественности к традициям древнерусской живописи стало явлением не просто широким, а можно сказать, и всеобщим, когда к изучению национального художественного фоль-

а обратились многие десятки графиков и живописцев, трудно назвать хотя бы несколько имен художников, действительно заинтересовавшихся народными основами крестьянской иконописи. Не только художники, но и искусствоведы, и историки искусства равнодушно проходят мимо такого массового явления художественной жизни русского народа, как народные образы, не отдавая себе отчета в том, что тем самым из их поля зрения исчезают и многие бесспорные достижения народной художественной выразительности, драгоценные черты русского народного художественного мышления. Проходя мимо примитивов, они лишают себя возможности изучить и понять народный взгляд на живописное изображение человека. Наши музеи мало и бессистемно собирают крестьянские примитивы¹. Они еще иногда встречаются в фондах, но никогда не фигурируют в экспозициях.

Такое положение кажется особенно ненормальным на фоне возросшего научного интереса к народной живописи такого рода в европейских социалистических странах. За рубежом издаются альбомы с репродукциями наиболее выдающихся образцов, начато систематическое изучение этой живописи. Народная религиозная живопись все более уверенно занимает принадлежащее ей (и не последнее) место в истории народного искусства². Думается, что пришло наконец время для соответствующей переоценки ценностей и в нашей искусствоведческой литературе: необходимо определить место крестьянского примитива в одном ряду с народной деревянной скульптурой или богатой орнаментальной бытовой росписью в истории русского народного искусства.

Но народные примитивы отнюдь не только памятники нашей национальной художественной культуры. В неменьшей мере они заслуживают того, чтобы быть объектами систематических этнографических и даже социально-экономических исследований.

Выше уже говорилось о том, что примитивы являются массовым материалом, характеризующим народное изобразительное творчество. В прошлом, да и теперь еще они широко распространены в Поволжье, Владимирской, Ярославской, Ивановской, Калининской, Вологодской, Архангельской областях, в Карельской АССР и отчасти в Московской области. Разумеется, никаких попыток определить хотя бы приблизительно количество сохранившихся народных образов никогда не предпринималось. Однако судя по тому, что во многих северных деревнях еще недавно примитивы занимали в избах целые стены (в прошлом они были чрезвычайно дешевы в отличие от очень дорогих и потому мало доступных канонических икон)³, число их следует, по-видимому, определять многими тысячами. Время, конечно, произвело в море памятников свой достаточно жесткий отбор, который естественно продолжается и сегодня. Это подчас приводит к исчезновению ценных памятников, чему в немалой степени способствует пренебрежение к ним со стороны

¹ Известное исключение представляют собирательская деятельность Гос. Третьяковской галереи и Музея древнерусской живописи им. Андрея Рублева, в последнее время обративших внимание на иконопись XVIII—XIX вв., в том числе и крестьянскую.

² Очень показательно в этом смысле последнее румынское издание: С. Irimie, M. Focsa, *Icones sur Veire de Rumania*, Bucarest, 1968. См. также польскую публикацию: A. Jackowski, J. Jarnuszkiewiczowa, *Sztuka ludu polskiego*, Warszawa, 1967, табл. 235—296.

³ Согласно устным сообщениям участников экспедиций Вологодского краеведческого музея (Н. В. Бурмагин, 1969 г.), цена хорошего примитива в XX в. обычно не превышала целкового. П. И. Мельников (тогда чиновник Министерства внутренних дел, а впоследствии известный писатель, выступавший под псевдонимом А. Печерского) в своем «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии 1854 г.» указывает даже, что порой образа так называемого холуйского письма, шли по 1 р. или по 70—80 коп. за сотню икон в четверть аршина вышиной. См. «Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии», т. IX «В память П. И. Мельникова» (далее СНУАК), Нижний Новгород, 1910, стр. 323.

музеев и обычно следующих по стопам музеев индивидуальных собирателей.

Хотелось бы не только отметить важность изучения вопросов организации деревенской иконописи, способов и путей распространения в русской деревне крестьянских образов. Определенный интерес могут представлять и исследования, посвященные областям их массового погребения. Для этнографов отнюдь не безразличны вопросы распространения в тех или иных местностях народных образов определенного стиля и содержания, свидетельствующих о вкусах населения, популярности, почитании тех или иных святых⁴. Наконец, нельзя не отметить, что народная иконопись может быть предметом исследований как источник для решения некоторых этногенетических проблем, характеристики антропологического типа населения различных районов. В «примитивах» находят также отражение определенные черты народного быта. Распространение деревенских образов-примитивов в какой-то мере связано с церковным расколом. Связь эта в настоящее время особенно явно прослеживается на материале XIX в.

Сплошь и рядом деревенские образа подчеркивают приверженность их исполнителей к двуперстию, что характерно для староверов-раскольников. Это отнюдь не значит, что двуперстие является неизменным атрибутом крестьянского примитива, как и не значит, что двуперстие всегда, например, в благословляющем жесте должно означать приверженность иконописца к расколу. Однако уже сто лет назад П. И. Мельников заметил, что цены деревенской иконы повышались в том случае, если вместо надписи ИИѸС (Иисус) помещалась надпись ІС (Ісус), а перстосложение было двуперстным. Такие иконы охотно раскупались раскольниками-поповцами и даже православными⁵. Среди беспоповцев, приверженных к древней иконе, примитивы распространения не получили. Сам П. И. Мельников был склонен объяснять распространение такого рода икон сознательным стремлением части раскольников поддерживать раскол и даже привлечь к себе новых сторонников. Поэтому он предлагал меры для пресечения свободной торговли деревенскими образами⁶.

Косвенным подтверждением взгляда П. И. Мельникова может служить следующее (пока только предварительное) наблюдение. Дело в том, что особого разнообразия, если не расцвета, крестьянская иконопись достигла как раз в середине и начале второй половины прошлого столетия. Показательно, что именно на это время (50-е—начало 80-х годов) приходится новый этап гонений на раскольническое движение в России⁷. На Севере России сильный стимул подъему деревенского иконописного искусства мог дать разгон в середине XIX в. старообрядческого Выгорецкого общежития, в течение полутора столетий бывшего не только важным культурным центром, но и убежищем для крепостных крестьян—участников антифеодальных восстаний. Разошедшиеся по северным деревням выгорецкие художники и умельцы вообще оказали сильное влияние на развитие северорусского народного искусства⁸.

Гонения на раскольников, в которых царская власть видела не только противников господствующей церкви, а прежде всего элемент

⁴ К сожалению, эти вопросы пока еще не исследовались систематически даже в работах, специально посвященных проблематике так называемого бытового православия. См.: Н. П. Алексеев, Характер религиозности в среде колхозного крестьянства и основные факторы ее преодоления, М., 1966 (автореф. канд. дис.); Г. А. Носова, Бытовое православие (на материалах Владимирской области), М., 1969 (автореф. канд. дис.).

⁵ СЗУАК, т. IX, стр. 323.

⁶ Там же, стр. 323—327.

⁷ Подробнее об этом см. «Старообрядческий календарь на 7422 год».

⁸ В. М. Вишняевская, Свободные кистевые росписи, «Русское народное искусство севера», Л., 1968, стр. 12—16.

антиправительственный, считающий власти «действом дьявола»⁹, совпали по времени с возникновением в России первой революционной ситуации, с деятельностью революционеров-демократов 60-х годов; польским освободительным движением и первым этапом движения народников. Не этим ли объясняются тогда и позже расчеты многих революционеров из числа революционных демократов 60-х годов, народников¹⁰ и даже социал-демократов на сотрудничество с крестьянами-староверами в борьбе с царским режимом?

Расчеты эти, как известно, не оправдались. Раскол не стал союзником и резервом аграрной революции в России. Между идеологией народников и религиозной идеологией раскольнического движения, несмотря на всю его оппозиционность правительству, существовали непримиримые противоречия. И тем не менее совпадение отмеченного выше подъема искусства народных примитивов (это положение, впрочем, требует еще подтверждения путем систематического изучения материала) с подъемом революционного движения в стране должно, с нашей точки зрения, стать предметом исторических исследований.

Связь русского народного иконописания со староверами-поповцами представляется несомненной, но из этого вовсе еще не следует, что крестьянский примитив был связан только со староверческой средой. Широкое распространение получили примитивы и в крестьянских слоях, не порывавших с господствующей церковью, причем относится это не только к примитивной религиозной живописи маслом, но и к гораздо более распространенной и генетически восходящей к древнерусской живописи темперной народной иконописи. Именно о ней и идет речь в нашей статье.

К сожалению, в настоящее время нет возможности точно сказать, когда появилась на Руси народная икона. Можно высказать только предположение, что она в течение многих веков развивалась параллельно с официальными иконописными школами.

О широком распространении в России народных примитивов можно судить уже по «Стоглаву» — сборнику постановлений церковного собора 1551 г. Здесь выражено требование, чтобы иконы писались только смотря на «образ древних живописцев», и одновременно решительно осуждается и запрещается народное иконоворчество: «а которые иконники неучи, по се время писали не учася, самовольством и самоволкою, и не по образцу, и те иконы променяли дешево простым людям поселяном, невежам, и тех положить в запрещение...»¹¹.

На дешевизну, как одну из причин распространения в деревне примитивной иконы, указывает и трактат об искусстве XVII в. Его автор Иосиф Владимиров полностью стоит на позициях «Стоглава» в оценке деятельности народных иконописцев: «На честное то и премудрое иконное художество понос и уничижение произыде,— пишет он,— вины ради сичевы: везде бо по деревням и по селам прасолы и осначи иконы крошкяни таскают, и таково ругательно писаны. Иные и не походили на человеческое образы, но на диких людей обличьем подобне намараны»¹².

В трактате содержатся интересные сведения об организации труда в народном иконописании, об участии в нем женщин и т. д. Но еще важнее свидетельства трактата о тогдашних центрах крестьянского иконо-

⁹ СНУАК, т. IX, стр. 228.

¹⁰ «Общее вече» (Прибавление к «Колоколу»), № 1, 15.VII.1862 («Колокол», факсимильное издание, т. X, М., 1964); Е. Л. Рудницкая, Н. П. Огарев в русском революционном движении, М., 1969; ср. оценку, данную С. М. Степняком-Кравчинским раскольническому движению в 80-е годы XIX в. См.: С. М. Степняк-Кравчинский и др., В лондонской эмиграции, М., 1968, стр. 16, 17 и др.

¹¹ «Стоглав», Спб., 1863, гл. 43, стр. 151—154.

¹² Иосиф Владимиров, Трактат об искусстве, сб. «Древнерусское искусство XVII в.», М., 1964, стр. 33.

писного мастерства, его указания на холуян, палешан и шуян как на поставщиков народных образов на торжки.

Обычно трактат Иосифа Владимировича датируется 60-ми годами XVII в. Однако сотрудник музея им. Андрея Рублева А. А. Салтыков считает возможным отнести его к 50-м годам того же столетия и непосредственно связать с духом и буквой «Стоглава»¹³.

Сообщения Иосифа Владимировича интересно сопоставить с данными П. И. Мельникова (А. Печерского), относящимися к 1854 г. Чиновник Министерства внутренних дел царской России среди центров народной иконописи тоже упоминает села Палех, Холуй, а также Мстери и подчеркивает дешевизну народных образов как одну из причин их популярности¹⁴.

Итак, несмотря на то, что в известной мере крестьянская икона связана с расколом, она появилась задолго до него и получила широкое распространение в деревне. В настоящее время примитивы XVII в. встречаются довольно редко, да и то относятся преимущественно к концу этого столетия. Лучше сохранились примитивы XVIII в. Но особенно многочисленны и разнообразны по стилю примитивы XIX столетия. Нужно сказать, что, как правило, датировка образов XVIII и XIX вв. больших трудностей не представляет.

Систематические разыскания памятников в будущем, возможно, несколько изменят эту картину. Однако большую роль может сыграть и анализ самих по себе примитивов XIX в. В некоторых из них лики, руки, детали одеяний написаны с таким чувством и знанием иконописных традиций Древней Руси, что живо напоминают иконопись XVI или XVII вв. (рис. 1 и 2) и даже более раннего времени (рис. 3)¹⁵. Можно предположить, что авторы этих композиций были непосредственно знакомы с древними памятниками, но ни в коем случае нельзя отрицать и возможности сохранения древних традиций, старых прорисей, так называемых иконописных подлинников, которые использовались мастерами XIX в. Примитивы XIX в. могут, таким образом, существенно расширить наши представления о народных образах более отдаленных эпох.

Более того, в силу длительного сосуществования народной и церковной иконы вообще нельзя исключать возможности взаимных влияний этих двух видов искусства. Если появление в народной иконе некоторых редких композиций, например великого архиерея, сюжета, имеющего южнославянское происхождение¹⁶, нельзя объяснить иначе, чем прямым воздействием канонических икон на крестьянские примитивы, то в свою очередь не правильнее ли было бы определенную примитивность или, как выражаются исследователи, «непрофессиональность»¹⁷, допустим обонежской живописи XVI в., объяснить воздействием северного примитива, тем более, что в развитии ее заметную роль играли местные мастера из крестьян и сельского духовенства¹⁸. Это же соображение можно было бы отнести вообще ко всему иконописному искусству XVII—XVIII вв., вошедшему в литературу под названием северных писем¹⁹.

Не менее существенную роль, чем связи с древнерусскими иконописными традициями, могли играть для деревенской иконы связи с город-

¹³ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить А. А. Салтыкова за возможность ознакомиться с некоторыми результатами его еще неопубликованного исследования, посвященного этому трактату.

¹⁴ СНУАК, т. IX, стр. 323.

¹⁵ Автору настоящей статьи хотелось бы поблагодарить за помощь в сборе материала и реставрации памятников, за многие интересные и важные указания сотрудников музея им. Андрея Рублева В. В. Кириченко, К. Г. Тихомирову, художников Н. В. Бурмагина и Ю. П. Петрова (Вологда), В. В. Гладникова и Л. С. Курзенкова (Москва).

¹⁶ В. Н. Лазарев, Русская средневековая живопись, М., 1970, стр. 249, 252, 253, 257, 268—271.

¹⁷ Э. С. Смирнова, Живопись Обонежья XIV—XVI вв., М., 1967, стр. 91.

¹⁸ Там же, стр. 97—99.

¹⁹ См.: М. А. Реформатская, Северные письма, М., 1968.

Рис. 1. Никола, XIX в.

лась, обогащалась, испытывала на себе идущие со стороны художественные импульсы и сама оказывала воздействие на другие виды живописи.

В литературе подчеркивается воздействие изобразительного фольклора на искусство традиционной иконописи²⁰. В еще большей степени

ским или оконощериным иконописным ремеслом XVIII и особенно XIX в. Не под влиянием ли распространенного на ремесленных иконах XIX в. сухого линейного орнамента появляется наивный, разбросанный отдельными мазками по иконному полю орнамент народных образов. Впрочем, с полной уверенностью этого сказать нельзя, так как на Севере орнамент по иконному полю встречается в памятниках более раннего времени.

Наконец, нельзя не отметить определенного воздействия на народную иконопись XIX в. некоторых приемов тогдашней пейзажной живописи и раскрашенного лубка. Существенную роль в последнем случае, несомненно, играло сочетание в одном произведении цвета с развитым графическим элементом.

Думается, что на протяжении многих столетий примитивная народная иконопись не только существовала, но и непрерывно развивалась. Связи и воздействие древнерусской живописи на народное искусство росписи по дереву²¹. Зато до сих пор совершенно неизученным остается вопрос о влиянии на народное искусство деревенских образов-икон. А такое влияние совершенно естественно предполагать.

Можно говорить о том, что «примитивы» выражали принципы народной эстетики вообще. Кроме того, по самой логике развития массового искусства деревенская иконопись в свою очередь способствовала развитию в определенном направлении народного эстетического вкуса. Эти явления взаимно обусловлены. Этим обстоятельством, а

Рис. 2. Иоанн Богослов, XIX в.

²⁰ М. А. Реформатская, Указ. раб., стр. 16, 17.

²¹ В. М. Вишневская, Указ. раб., стр. 118.

не одной только дешевизной определялась популярность в народе деревенской иконы.

Но следует ли из сказанного делать вывод, что деревенские образа можно приравнять к народным картинкам? Думается, что нет. Думается даже, что именно неразрывная связь между народной эстетикой и религиозным содержанием, существовавшая в примитивах, и определила их долгую жизнь и необычайную стойкость в борьбе с официальным церковным ремеслом. Наивные деревенские иконы именно потому были близки крестьянину, что соответствовали народной религиозности, проникнутой житейскими заботами, верой в справедливость. Рождение и смерть, чудесное избавление, торжество добра над злом — вот о чем прежде всего рассказывали крестьянину его иконы. С них глядели на него его небесные помощники — покровитель плотников, рыбаков и торговцев, всех путешественников и промышляющих Николай, заступник земледельца Георгий, которого слушаются враги крестьянского стада — волки, Илья, владыка дождя и грома, Параскева Пятница, которой приписывалось покровительство невестам и пряхам. На ряде икон изображался святой — патрон главы дома или кого-либо из членов семейства (рис. 4). Заказывались и семейные иконы с изображениями патронов-покровителей всего крестьянского семейства.

С помощью деревенских икон переосмысливались многие языческие представления, возникали новые ассоциации со старыми, связанными с крестьянским трудом и сельскохозяйственным календарем обрядами²². Напоминания о боге и его святых, деревенская икона имела в глазах крестьянина прежде всего сугубо практическое, житейское назначение. Житейский смысл определял выбор иконных сюжетов.

Рис. 3. Николай, XIX в.

Рис. 4. Феодор Тирон, начало XIX в.

²² Подробнее об этом см.: М. А. Реформатская, Указ. раб., стр. 16—18.

Писали деревенские образа обычно сами же крестьяне. В отдельных семьях иконописное мастерство переходило из поколения в поколение, от отца к сыну. Писались иконы для себя, а также на заказ. Об этом свидетельствуют процарапанные на обороте доски надписи вроде следующей: «Кошкино Марія Курбатова Спасителя по золоту», указывающие имя, адрес заказчика и заказанный им сюжет. Золота, конечно, деревенские иконописцы не употребляли. Для них золотая фольга и творенное золото были слишком дороги. Не пользовались этими материалами даже деревенские иконописцы и из прославленных иконописным искусством сел, целиком специализировавшихся на образотворчестве. Они обычно применяли серебряную фольгу, сусальное серебро, которое под олифой, да еще при свете лампадок и в самом деле сияло как золото. Произведения деревенских иконописцев во множестве продавались на ярмарках и торжках, их разносили по стране бродячие торговцы — офени.

Среди «неучей», которые, по словам источников, «марали» деревенские образа, в действительности были настоящие природные художники, которые владели основами иконописного искусства. Образы писались на деревянных досках, на которые сначала наклеивалась заменявшая крупнозернистую ткань (паволоку) бумага. На подготовленную таким образом доску наносилась смесь извести и клея — левкас. Иногда, правда, левкас наносился и прямо на доску. Образовавшийся грунт шлифовался. Нередко такие доски имели традиционный ковчегец. Писали примитивы и на старых, почерневших или стершихся иконах.

На отшлифованную поверхность левкаса композиция наносилась углем и затем часто гравировалась графьей, т. е. процарапывалась вставленной в рукоятку иглой. Только после этого, как правило, начинали писать икону.

Выше уже говорилось, что деревенские иконописцы пользовались старыми прорисями. Совершенно несомненно поэтому, что они, как и иконописцы-профессионалы, стремились писать «по образу, подобию и существу», т. е. рассматривали образ как документальный портрет святого, как «окно в мир горний». Отсюда же и особое внимание деревенских иконописцев к тем элементам образа, которые называются личниками и которые прежде всего должны были засвидетельствовать верность образа преданию. Это лики, глаза и даже руки и ноги (рис. 1 и 2). Эти части иконы писали наиболее искусные мастера, в то время как доличинки — одежды, архитектурный стафаж, деревья или скалы — доставались менее опытным.

О том, что согласно церковному учению, иконы являются книгами для неграмотных²³, деревенские иконописцы тоже несомненно знали. Поэтому очень большое внимание обращалось в примитиве на надписи. Их выводили красивым старинным почерком, ибо без надписи икона немыслима. Кстати сказать, отрицательное отношение к примитивам господствующей церкви в значительной степени объяснялось тем, что она не могла допустить, чтобы икона как книга перестала быть ее монополией и перешла в сферу народного толкования.

Все только что сказанное относится, разумеется, только к лучшим образцам деревенского примитива. Деревенская икона резко отличалась от канонической, несмотря на то, что субъективно деревенский иконописец стремился, как правило, следовать образцам канонической живо-

²³ Св. Иоанн Дамаскин, Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения, Спб., 1893, стр. 29, 51 и др. Показательно, что официальные церковные власти крайне отрицательно относились и к народным картинам-лубкам на религиозные темы. Уже патриарх Иоаким около 1674 г. подчеркнул, что они «развращению» изображают образы Христа, девы Марии и святых. Он приказал уничтожить такие народные картинки. В 1721 и 1744 гг. синод подтвердил это распоряжение. См.: Д. Р о в и н с к и й, Русские народные картинки, т. I, Спб., 1900.

писи. Ему была чужда мысль продемонстрировать в образе индивидуальность своего художественного почерка. Отступление от канонов было невольным, хотя и обязательным, и часто объяснялось не только своеобразием художественного мышления, но и бедностью палитры, не только потерей знания символики цветов, что можно наблюдать и в официальной иконописи XVIII—XIX вв., но и порой неумением понять композицию. Отсюда случаи несоответствия в примитивах изображения с надписью. Не нарочитостью, а незнанием только можно объяснить такие отступления от традиции, как изображение Георгия левшой и т. д.

Зато именно нарастанием элементов народной изобразительности можно объяснить многие стилиевые особенности, свойственные примитивам. К числу этих особенностей следует отнести весьма заметную тенденцию к упрощению, лаконизации как главных фигур композиции, так и ее доличных элементов. Это особенно бросается в глаза при анализе образов Георгия. Постепенное обобщение и лаконизация рисунка града привели к тому, что изображение его постепенно свелось к украшенной линейной композиции. Змий превращается в спиралевидную фигуру, заканчивающуюся трезубцем. Это скорее символ, чем изображение (рис. 5 и 6). Постепенное превращение фигуры в символ и орнамент, по-видимому, вообще свойственно народному искусству²⁴.

К сожалению, несколько десятков изученных икон преимущественно XIX в. не дают оснований обрисовать особенности стилиевой эволюции примитивов не только достаточно полно, но и хронологически точно. К тому же в 20-е годы нашего столетия эволюция примитива оборвалась. При таких ограниченных данных приходится пользоваться только

Рис. 5. Георгий, XIX в.

Рис. 6. Георгий, XIX в.

²⁴ См.: Э. В. Кильчевская, От изобразительности к орнаменту, М., 1968, стр. 16.

понятием стадильности, которая не обязательно всегда соответствовала определенным хронологическим этапам.

Мы видим, что если у истоков примитива лежит древняя каноническая икона, в которой идеально синтезированы живопись и графика (рисунок и гравюра-графья), то судя по памятникам XIX—начала XX в. в конце его эволюции происходит распад этого синтеза. В то время как одна часть примитивов эволюционирует в сторону чистой графики или графики, только раскрашенной, во второй творческим элементом оказывается главным образом цветное пятно. Появление второго направления тесно связано с определенными изменениями в технике иконописания: отходом мастера от графьи (графья даже порой совершенно исчезает) к линии, четко очерчивающей контуры изображения, и обращением к свободной моделировке фигур цветом. В результате длительной практики складываются новые, если не каноны, то, во всяком случае, устойчивые приемы организации сюжета. Усиление в такого рода примитивах неиконописных изобразительных приемов помогало проявлению подчас очень яркой художественной индивидуальности деревенских мастеров, но и делало их произведения близкими крестьянскому сердцу, своими, понятными.

Без всякого сомнения, к наиболее сложным вопросам изучения деревенских примитивов следует отнести вопрос о локальных направлениях в их развитии. Достаточного материала для сколько-нибудь уверенного решения этой проблемы сейчас нет. В то же время трудно сказать, можно ли на основании определения древесных пород, использовавшихся деревенскими иконописцами, локализовать те или иные стилевые особенности эволюции русской народной иконы.

Зато уже сейчас ясно, что не все виды деревенской иконы следует зачислять в разряд примитивов. Палехскую, например, живопись можно смело считать самостоятельной иконописной школой. Самостоятельную провинциальную иконописную школу с четко выраженными средствами в профессиональном смысле представляют и образа, имитирующие (с помощью тисненого и прочеканенного левкаса, покрытого «серебром» и олифой, а иногда еще и расписанного красками) иконы с богатыми окладами. Разумеется, школы эти генетически тесно связаны с деревенским иконописанием и народной эстетикой.

Если говорить о собственно примитивах, то уже на данной стадии исследования четко выделяется ряд направлений крестьянской школы: 1) писанные под оклад, так называемые краснушки; 2) писанные под фольгу и напоминающие иконы, имитирующие оклады (рис. 1 и 2); 3) примитивы, испытавшие воздействие современной им пейзажной живописи; 4) крайне примитивные, но яркие по цвету и подчас очень выразительные образа, иногда называемые музейными работниками «тараканьей живописью», 5) очень примитивные и чисто графические композиции по охристому фону.

Нечего и говорить о крайней условности и предварительности предлагаемой классификации. В ней совершенно не учтены довольно выразительные линии, развивавшиеся внутри названных пяти групп, а также интересная группа памятников, связанных, по-видимому, с воздействием западной религиозной живописи. Настоящая научная классификация потребует сбора и систематизации громадного материала, ежедневно и ежечасно гибнущего в результате пренебрежения. А настоящим толчком к научному исследованию художественных богатств русского деревенского примитива может, по-видимому, стать серьезно подготовленная этнографами и историками искусства большая выставка.

Е. Ф. Иванов

**«ОПИСАНИЕ ЯКУТОВ»
Я. И. ЛИНДЕНАУ**

Этнографам, изучающим народы Сибири, хорошо известны труды участников академического отряда Второй Камчатской экспедиции — Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, И. Э. Фишера, Г. В. Стеллера и С. П. Крашенинникова¹. Один из участников этой же экспедиции, Я. И. Линденау оставил после себя много работ, в частности ценную монографию, содержащую всестороннее описание якутов. Труд этот известен отдельным исследователям², однако, к сожалению, он до сих пор не опубликован.

Яков Иванович Линденау (около 1700—1795 гг.), швед по национальности, прожил долгую и трудную жизнь. С 1737 г. он служил переводчиком в Петербурге в воеводской канцелярии Сената, а 8 июня 1739 г. был принят в Академию наук в качестве переводчика и переписчика с латинского и немецкого языков. В октябре того же года Линденау был послан в экспедицию с Фишером по договору сроком на пять лет³. Он доехал с Фишером до Сургута, а затем с 5 июля по 27 сентября 1740 г. находился при Миллере, с которым совершил поездку из Тобольска в Березов и обратно. Затем он выехал из Тобольска опять к Фишеру, с которым и прибыл в Якутск в 1741 г. В рапорте в канцелярию Академии наук Фишер писал, что Линденау из Якутска был отправлен «в том же 741 году наперед в Охотск для требования от канцелярии Охотского порта морского судна, на котором бы я мог через море на Камчатку переехать»⁴. В сентябре 1741 г. Линденау прибыл в Охотск, где пробыл до июля 1743 г. Там он наблюдал за постройкой судна для участников экспедиции и одновременно занимался географическими и этнографическими исследованиями. Летом 1743 г. Линденау вернулся в Якутск, где его ожидало предписание Стеллера следовать в Удский

¹ Г. Ф. Миллер, *История Сибири*, т. I, М.—Л., 1937; т. II, М.—Л., 1941. Еще до Великой Отечественной войны А. И. Андреев и Л. П. Потапов подготовили к печати III и IV тома «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, но в силу различных обстоятельств эти тома не изданы до сих пор; I. G. Gmelin, *Reise durch Sibirien*, T. 1—4, Göttingen, 1751—1752; И. Э. Фишер, *Сибирская история*, Спб., 1774; W. Steller, *Beschreibung von dem Lande Kamtschatka*, Frankfurt-Leipzig, 1774; С. П. Крашенинников, *Описание земли Камчатки*, М.—Л., 1949. Здесь мы приводим наиболее крупные опубликованные работы указанных авторов.

² П. Пекарский, *История Академии наук в Петербурге*, т. I, Спб., 1870; В. Лагус, Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия и переписка, Спб., 1890; А. И. Андреев, *Труды Миллера о Сибири*, в кн.: Г. Ф. Миллер, *История Сибири*, т. I; А. Золотарев, *Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в.*, «Историк-марксист», 1938, № 2; И. С. Вдовин, *Чертежи Чукотки 1742 и 1746 гг.*, «Изв. Всесоюзного географического об-ва», 1943, т. 75, вып. 4; С. Марков, *Русские на Аляске*, М., 1946; М. О. Косвен, *Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг.*, «Сибирский этнографический сборник», III, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXIV, М., 1961; С. А. Токарев, *История русской этнографии* (дооктябрьский период), М., 1966.

³ Архив АН СССР, ф. 3, сп. 1, № 812, л. 20.

⁴ Там же, № 813, л. 811 об.

острог «для описания тамошних мест». По-видимому, Линденау уехал в Удский острог в том же 1743 г. и вернулся оттуда в Якутск только в апреле 1745 г. Неизвестно, когда он выехал из Якутска, но 21 августа 1746 г. Линденау появился в Петербурге, привезя с собой «учиненные им разным городам, путям, рекам и народам описания», которые затем были сданы в Архив Академии наук⁵.

В 1747 г. сенат присвоил Линденау за его труды в Сибири чин прапорщика, и он, согласно собственному желанию, был откомандирован в Москву в Сибирский приказ, а оттуда послан в Иркутск. С 1748 по 1750 г. Линденау служил управителем в Балаганском остроге, а затем с 1750 г по 1758 г. в Иркутской губернской канцелярии по делам счетоводства и ревизии. В 1762—1763 гг. он ведал «соляными делами». В 1764 г. Линденау приезжал в Москву и подавал прошение в сенат об отводе ему земли на речке Осе, близ Балаганского острога, для его «с женою и детьми пропитания». Челобитная была отправлена сенатом Иркутскому губернатору Фрауендорфу «на его рассмотрение и определение», но неизвестно, каков был ее результат⁶.

Следующее известие о Линденау относится только к 1786 г. В этом году Академия наук получила от Линденау составленное им «Некоторое описание об Амуре-реке». Затем в 1790 г. академик Э. Лаксман сообщил из Иркутска в Академию, что Линденау «сейчас 91 год», что он «оглох и находится в страшной нищете». При этом Лаксман, напоминая о прежних его заслугах, просил о назначении Линденау пенсии⁷.

И, наконец, по данным В. Лугуса, Линденау в последние годы жизни занимался «ломкою селитры в ущельях около Балаганска», «с трудом снискивая хлеб свой». В 1795 г. недалеко от Иркутска, в деревне у речки Осы в маленькой хижине Линденау постигла печальная смерть. «Он, 95-летний старик, вместе со своим жилищем, со всеми бумагами и записками, сделался добычей пожара»⁸.

После Линденау осталось довольно много научных работ по географии Якутии, особенно по ее восточной части. Во время своего пребывания там он составил географические описания р. Лены и впадающих в нее рек; пути от Якутска до Охотска (1741 г.); рек от Ашалги до Кухтун по берегу Охотского моря (1742 г.); пути от Охотска до Ямского острога (1742 г.), от Охотска до Якутска (1743 г.); от Якутска до Удского острога (1744 г.) и от Якутска до Иркутска (1745 г.)⁹. Линденау, видимо, интенсивно занимался сбором различных географических и этнографических материалов. Об этом свидетельствуют ответы Охотской канцелярии от 1742 г. на 16 его вопросов по географии, этнографии и истории края. Таковы же и ответы, полученные им из Тауйского и Удского острогов. В 1742 г. ясачный сборщик А. Пежельский составил по поручению Линденау чертежи рек Охотского побережья (Ямы, Олы, Армана, Тауя и Ковы)¹⁰. Известно также, что в 1742 г. Линденау составил карту побережья Охотского моря, и в том же году сделал «Географическое описание р. Анадыря и в нее впадающих речек и ручьев»¹¹.

⁵ А. Золотарев, Указ. раб., стр. 67, 68.

⁶ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 202.

⁷ А. Золотарев, Указ. раб., стр. 68.

⁸ В. Лугус, Указ. раб., стр. 185.

⁹ А. И. Андреев, Изучение Якутии в XVIII веке, «Уч. записки Ин-та языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР», Якутск, 1956, вып. 3, стр. 17; Центральный Гос. архив древних актов (далее ЦГАДА), портф. Миллера, № 511, II, тетр. I—5, 7.

¹⁰ А. И. Андреев, Изучение Якутии в XVIII веке, стр. 17, 18; Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 103, 142; оп. 1, № 800 а.

¹¹ И. С. Вдовин, Указ. раб.; о «Географическом описании Анадыря» см.: А. И. Андреев, Заметки по исторической географии Сибири XVI—XVIII вв., «Изв. Всесоюзного географического об-ва», 1940, вып. 3.

Линденау принадлежат и этнографические описания различных народов: якутов (1741—1745), пеших тунгусов и ламутов¹², удских тунгусов (1744—1745)¹³, коряков, юкагиров. Все эти рукописи, кроме «Описания якутов», хранятся в Центральном Государственном архиве древних актов¹⁴.

«Описание якутов»¹⁵ является первым серьезным монографическим исследованием по этнографии якутов и потому заслуживает более подробного рассмотрения.

Источником для труда послужили отдельные архивные документы (ясачные книги, ведомости), данные фольклора, древних якутских легенд, расспросы местных жителей, собственные наблюдения автора и, наконец, языковой материал. Из круга источников, которым пользовался Линденау, наиболее важными для него самого были фольклорные материалы и собственные полевые наблюдения. Доступ в архивы ему был по каким-то причинам ограничен. В одном месте он пишет: «для точного выполнения этих обстоятельств мне были отрезаны все пути, поэтому кроме того, что я самолично видел и при чем присутствовал, ничего не буду выдавать за правду, а предоставляю это людям, могущим получить точные и документальные данные из канцелярии»¹⁶. В описании, судя по всему, нет следов использования литературы о якутах. Однако у Линденау было одно важное преимущество перед его предшественниками: он был очевидцем многих описываемых явлений. В его работе, состоящей из 25 глав, освещены происхождение, материальная культура, общественный строй, религиозные верования якутов.

В первой главе («О якутах и их происхождении») автор, основываясь на преданиях, частично дополненных письменными известиями 1630-х годов, излагает историю переселения с юга предков якутов. В ней говорится также «об их войнах с другими народами, о внутренних смутах, об их расселении»¹⁷.

По данным Линденау, предки якутов в глубокой древности в силу каких-то причин отделились от татар. Затем они поселились в Прибайкалье. Вождями у них были Элляй и Омогой, от которых со временем произошли восемь якутских родов, расселявшихся близ оз. Далай, названного ими Байкал. Якутским родам пришлось постоянно сталкиваться с киргизами, а по некоторым сведениям — и с монголами. Вождем к тому времени был у них Антатюик, а после него — его сын тойон Баджей. В результате этих непрерывных войн предки якутов сильно ослабели и не могли больше сопротивляться своим врагам. Поэтому тойон Баджей со всем племенем ушел от так называемой горы «Кебуэлуур» вниз по Лене и прибыл к месту, где ныне стоит Якутск. Сам он расположился там, остальных же соплеменников расселил по разным местностям¹⁸.

Далее Линденау приводит аргументы, отчасти подтверждающие изложенное выше предание. Во-первых, «26 сентября 1745 г., проезжая на Далай, т. е. на Байкальское озеро, — пишет он, — я встретил несколько древних якутских укреплений». Во-вторых, по мнению Линденау, якуты «имели также поселения на высоком выравненном правом берегу Лены, ниже села Качугского. Место это у русских называется Якутский

¹² На основании описания Линденау пеших тунгусов или ламутов в советское время была написана статья: см. А. Золотарев, Указ. раб.

¹³ Данная работа тоже была использована в указанной статье А. Золотарева.

¹⁴ ЦГАДА, портф. Миллера, № 511, тетр. 3 (43 л.), тетр. 5 (51 л.), тетр. 9 (47 л.), тетр. 6 (35 л.), тетр. 4 (2 л.). Все на немецком языке.

¹⁵ Здесь мы пользуемся переводом с немецкого К. Жихаревой. Рукопись хранится в Архиве Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151.

¹⁶ Там же, л. 93.

¹⁷ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, л. 93.

¹⁸ Там же, л. 93—97.

Взвоз¹⁹, а у якутов и бурятов — «Кебуэлуур». По-якутски «Кебуэлуур» значит «он спорит» или «кричит на меня», а на бурятском языке это слово не имеет никакого значения»²⁰.

Надо сказать, что отдельные положения Линденау совпадают с точкой зрения советских историков. В результате анализа записей Линденау, подтвержденных позднейшими данными, А. П. Окладников пришел к выводу, что основная часть предков якутов, считавшая себя потомками Элляя, начала переселение с Верхней Лены в первой половине XVI в. или в конце XV в.²¹ Однако переселение предков якутов на Среднюю Лену не могло быть единовременным актом. По мнению А. П. Окладникова, длительный процесс переселения якутов с юга на север состоял из двух этапов — первый около X—XI вв. н. э. и второй — за 100—150 лет до прихода русских на Лену²².

Линденау сообщает, что у якутов издавна существовал *тойон ууһа*, т. е. «тойонский род» или «господский род». Главой *тойон ууһа* могли быть «лишь потомки Элляй-Батора». Впоследствии главой *тойон ууһа* стал после Мунньяна (сына Баджея) его младший сын Тыгын. Это вызвало ссору между Тыгыном и его старшими братьями. Борьба была долгой и ожесточенной. В результате Тыгын достиг большой силы, стал «главой и повелителем всех». Он избрал для своей резиденции «три места: первое — между речками Алаганой и Кулдати на аласе, т. е. на равнине Еркани Хонута, второе — у озера Табагинского... и третье — на месте теперешнего города Якутска, у озера Сайсарского»²³.

Сам по себе термин *тойон ууһа* говорит о резкой социальной дифференциации в общественной жизни якутов. По-видимому, *тойон ууһа* стоял во главе племен и эксплуататорской верхушки. Эти предания отражают действительные события в жизни якутского народа перед приходом русских, эпоху межродовых войн, в фольклоре называемых веком «кыргыс-уйэтэ».

В первой же главе довольно подробно рассказывается о встрече с русскими и о присоединении якутов к Русскому государству.

В период внутренних усобиц между якутами, сообщает Линденау, русские, постепенно осваивая Сибирь, познакомились с тунгусами, от которых и узнали, что на Лене проживает народ, называемый «джакол». Известие тунгусов побудило русских двинуться дальше на розыски этого народа. По прибытии на Лену они были захвачены в плен Тыгыном и выполняли у него различные работы, но пользовались при этом относительной свободой. Со временем эти пленники построили небольшой острог и засели в нем, а затем отправили трех человек за помощью в Илимск. Из Илимска был послан некий Осип Чулков с сотней человек, который по прибытии в острог на Лене стал гребовать от якутов уплаты дани. Когда он отправился с отрядом в 30 человек собирать ясак, якуты напали на них, убили Чулкова и 20 человек, а после этого двинулись на острог с целью овладеть им, но вынуждены были отступить. Сообщения об этих событиях дошли до Москвы и оттуда были направлены воеводы П. П. Головин и М. Б. Глебов. В дальнейшем якуты «перестали затевать что-либо против русских». А русские продолжали подчинять их и другие племена²⁴. Это сообщение Линденау о событиях 1620—1640-х годов построено на данных устных расспросов, а не на документальных материалах.

¹⁹ «Якутский Взвоз», как выяснилось, в 1947 г. получил название деревни Макаровой. Находится в 5 км ниже Качуга, на правом берегу Лены (А. П. Окладников, Якутия до присоединения к русскому государству, «История Якутской АССР», т. I, М.—Л., 1955, стр. 355).

²⁰ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, л. 94.

²¹ А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 365.

²² Там же.

²³ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, л. 97—100.

²⁴ Там же, л. 99—103.

В этой же главе Линденау приводит данные о численности якутов. Раньше их насчитывалось, пишет он, «около 20 000, кроме женщин и детей, но они сами сократили свою численность внутренними смутами и раздорами», а позднее очень много людей вымерло от оспы. Современную «их численность не удалось установить, так как они живут очень разбросанно»²⁵. Однако он приводит ценную таблицу численности якутов в отдельных улусах, острогах и зимовьях и цифры о платимом ими ясаке.

В четвертой главе Линденау приводит весьма интересные данные о социальной дифференциации в якутском обществе 40-х годов XVIII в. «Якуты разделяют себя,— пишет он,— по общественному положению на определенные разряды или классы: Bai — богатый, Mung Aht bai — не знающий счета своему богатству — рогатому скоту и лошадям. Orto bai — владеющий 5-ю или 6-ю табунами. Bosak itarbak — имеющий 1—2 табуна. Osin Tönpötarbak — имеющий 2-х или 3-х коров; другое название такого человека — Balliksit. Tond Balliksit — называются люди, имеющие только собак и питающиеся рыбой»²⁶. Эти данные подтверждаются позднейшими исследованиями. Так, советский историк М. Н. Мартынов на основе письменных источников установил, что к «середине XVIII в. якуты делились на четыре группы, резко отличавшиеся по имущественному и правовому положению». В их число входили: 1) якутская знать — тойоны; 2) свободные самостоятельные общинники; 3) свободные, но потерявшие экономическую самостоятельность; 4) зависимые: «холопы», «захребетники»²⁷. С. А. Токарев писал, что описание Линденау вообще «оказывается весьма точным: в нем очень мало мест, которые не были бы впоследствии подтверждены исследованиями этнографов»²⁸.

В главах 5—8 Линденау, по большей части на основании личных наблюдений, обстоятельно описывает различные стороны материальной культуры якутов. В пятой главе подробно рассказано о зимних и летних жилищах и об их внешнем и внутреннем устройстве. Внутреннее расположение зимнего жилища, например, было таково: «На западной и северной сторонах — переборки, хотон (хлев) для дойных коров. Возле входа хлева тоже переборка, торбос онно (телятник), где помещаются телята; все это под одной крышей»²⁹. Речь, несомненно, идет о стойловом содержании крупного рогатого скота в зимний период. Летние жилища располагались «обычно возле рек, на аласах (поляна) и у небольших озер»³⁰. По-видимому, Линденау был близок к пониманию того, что различные типы жилищ и хозяйственных построек у якутов были связаны с локальным характером их скотоводческого хозяйства и с их общей культурой, хотя в такой форме эта мысль у него и не высказана.

В шестой главе описывается мужская и женская одежда (зимняя и летняя), а также женские украшения. Линденау перечисляет здесь исчезнувшие к XIX в. виды одежды, например часть древнего женского костюма — нагрудник *туһурук* (его носили только девушки до замужества) Линденау указывал на сходство якутского нагрудника с передником тунгусских женщин, однако здесь он был не вполне прав. Как показывают наблюдения А. П. Окладникова, якутский *туһурук* ближе не к тунгусскому переднику, а к аналогичной части женского костюма некоторых тюркских племен, в том числе сибирских тюрок и башкир³¹.

²⁵ Там же, л. 103, 104.

²⁶ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, л. 1060.

²⁷ «История Якутской АССР», т. II, М., 1957, стр. 92.

²⁸ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 87.

²⁹ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, л. 107.

³⁰ Там же, л. 108.

³¹ А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 252.

Рассказывает Линденау и о пище и напитках (глава 7). У него подробно и обстоятельно записаны технология и способы приготовления молочных, мясных, рыбных и растительных блюд.

В восьмой главе речь идет о домашней утвари. Эти сведения особенно ценны, так как здесь речь идет о предметах, по большей части исчезнувших из обихода якутов к концу XIX — началу XX в. в результате тесных контактов с русскими, изменивших весь уклад жизни этого народа.

В девятой главе сообщаются сведения о содержании скота. Якуты держат, пишет Линденау, только крупный рогатый скот и лошадей. Конские косяки пасутся на воле как летом, так и зимой. Гулевые табуны пасутся отдельно, но ездовых лошадей зимой ставят «на кормежку сеном». Рогатый скот «с весны и все лето пасется на аласах; дойных коров обычно держат поблизости от жилья и осенью ставят на сено, остальное стадо до декабря остается на отаве». Линденау показывает также, что якутам была известна народная ветеринария³². Эти наблюдения подтверждаются позднейшими исследованиями.

Следующие две главы (10 и 11) служат как бы продолжением 9-й главы. В них Линденау сообщает сведения об именах, даваемых жеребятam и телятам, о седлах и санях. Например, он пишет: «В общем, вся их конская сбруя такая же, как у бурят». «Телег и повозок у них нет,— продолжает он далее,— только сани, которыми они пользуются для перевозки своего скарба зимой и летом, называются они *сыарба* и похожи на русские. В упряжь лошадей никогда не берут, а только быков»³³.

Глава 12 посвящена оружию якутов. В ней мы находим описания луков, стрел, палм, копий и др.

В следующих главах Линденау обращается к общественному быту якутов. В них речь идет о свадебных обычаях и обрядах (глава 13), о взаимоотношениях полов и обычаях, связанных с рождением детей (глава 14), об именах, даваемых детям (глава 15), о разводах и воспитании детей (глава 16), о правовых обычаях и наказаниях (глава 17).

Затем следуют главы, освещающие духовную культуру якутов. Так, глава 18 рассказывает об исчислении времени. Автор приводит названия месяцев, сообщает, что Новый год начинается с месяца тордунньу, когда якуты переселяются из своих летних помещений в зимние. Сезоны года (осень, зима, весна и лето) состоят из трех месяцев. Месяц состоит из 30 дней. Когда происходят солнечные и лунные затмения, якуты говорят, что оба великие светила умирают³⁴. Как видим, записи Линденау о времениисчислении очень подробны. Так же обстоятельно написаны главы 19-я — о плясках и состязаниях, 20-я — о празднике *ысыах*³⁵, 21-я — о шаманах и их камланиях, 22-я — о жертвоприношениях, 23-я — о погребениях и вере в загробный мир, 24-я — о вере в богов, ангелов и чертей и, наконец, 25-я — о мифах сотворения мира и космогонических представлениях.

Главы 13—25, отражающие общественный быт и духовную культуру, написаны так же обстоятельно, как предыдущие, и представляют немаловажный интерес.

Необходимо подчеркнуть, что Линденау проявил себя как прекрасный лингвист и незаурядный знаток якутского языка. Каждая глава его труда снабжена словарем, где поясняется каждый новый термин, специфическое выражение. По приблизительным подсчетам их около 600. Более того, в труде мы обнаруживаем запись песни — заклинания при открытии праздника *ысыах* — это первое фольклорное произведение, зафиксированное на якутском языке (глава 20-я).

³² Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, л. 121, 122.

³³ Там же, л. 123.

³⁴ Там же, л. 131, 132.

³⁵ Глава 20 опубликована краеведом И. Березкиным в журнале «Полярная звезда», Якутск, 1956, № 4 (на якутском яз.).

Из изложенного ясно, что монография Линденау является ценным источником по этнографии якутов, в котором отражены почти все стороны их жизни в 40-х годах XVIII в. В ней также подробно освещены вопросы происхождения якутского народа, истории переселения их предков с юга, представлена картина их прошлого до прихода русских, время внутренней смуты времен Тыгына, покорения их русскими и т. д.

Высокую оценку монографии «Описания якутов» дал С. А. Токарев. Он писал: «Из других этнографических работ того времени один только труд Крашенинникова... стоит выше по своему научному уровню. Если сравнить с зарубежными этнографическими описаниями, то и из работ более позднего времени трудно указать такую, которая бы равнялась по качеству с описанием якутов у Линденау»³⁶.

³⁶ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 87.

Р. С. Кочиев

**РЕДУКЦИЯ ЗУБНОЙ СИСТЕМЫ
В ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ КАВКАЗА
В СВЯЗИ С ВОПРОСАМИ
ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ**

Весной и осенью 1969 г. автор статьи собирал одонтологический материал в тридцати трех основных этнических группах Северного Кавказа, Грузии, Армении и Азербайджана. Работа проводилась в средних школах, школах-интернатах среди мальчиков и девочек 12—16 лет, представителей в основном коренного населения; определялось визуально около десяти признаков, а также брались на заготовках из зуботехнического воска оттиски правой стороны верхней и нижней челюстей. В предлагаемой статье приводятся данные лишь по четырем признакам, показывающим степень редукции зубной системы у народов Кавказа: редукция верхнего латерального резца (признак брался визуально) и редукция второго верхнего, а также первого и второго нижних моляров, степень редукции которых была изучена на оттисках.

Следует отметить, что южная ветвь большой европеоидной расы в одонтологическом отношении изучена крайне фрагментарно, в научном обороте полностью отсутствует какой-либо материал по этнической одонтологии даже таких стран, как Франция, Италия, Испания, Алжир, Египет, Турция, Иран, Афганистан и т. д., и поэтому сопоставления, которые мы будем делать, по необходимости относятся к далеко отстоящим друг от друга ареалам и расовым группам. Весь имеющийся в мире сравнительный одонтологический материал собран в подготовленной к печати книге А. А. Зубова «Этническая одонтология». Пользуясь случаем, автор приносит глубокую благодарность А. А. Зубову, который любезно разрешил нам воспользоваться еще не опубликованными материалами.

I

Первая фаза редукции верхнего латерального резца (табл. 1) определяется баллом 1: резец суженный, ширина его равна всего лишь половине медиального резца, но режущий край пока сохраняется. Балл 2: конический латеральный резец, сохраняющий полную высоту коронки, но имеющий вместо режущего края заостренную вершину. Балл 3: колышковидный латеральный резец с острой вершиной, по высоте коронки значительно уступающей соседним с ним зубам.

В научной литературе обычно пользуются данными по частоте сильно редуцированных форм этих зубов, а именно суммарным процентом баллов 2 и 3, так как балл 1 не всеми авторами определяется однозначно, и данные по нему сопоставимы лишь относительно. Тем не менее мы сочли возможным включить в таблицу и частоту однобалльных форм.

По сводке А. А. Зубова видно, что двух- и трехбалльная фаза редукции латерального резца совершенно отсутствует у аборигенов Австралии, меланезийцев, центральноафриканских банту, большинства североиндийских групп, в палеоантропологических сериях от палеолита до галло-римской эпохи Франции и Бельгии и у современных москвичей. У белых американцев этот признак был отмечен лишь в 0,5% случаев, у негров Америки — в 1,5% случаев. Зато у финнов, литовцев, эстонцев, узбеков, киргизов, казахов и японцев сильно редуцированные формы латерального резца встречаются с частотой от 2 до 4%. Самая высокая степень редукции обнаружена в смешанной группе африканских негроидов — 5%. Все эти данные показывают, что отчетливую связь редукции латерального резца с большими расами проследить пока невозможно.

На территории Кавказа редукция латеральных резцов встречается гораздо чаще: из 31 группы двух- и трехбалльная редукция отсутствует полностью лишь у осетин-дигорцев и евреев города Они. Последние представлены в наших материалах малочисленной группой в 23 человека, что также могло отразиться на результатах работы. Тем не менее однобалльная форма редукции встречается здесь более чем в 17%, а у дигорцев частота ее доходит до 33%.

Самый высокий процент двух- и трехбалльной редукции мы встретили у аварцев Гуниба — 9%, затем у азербайджанцев Шемахи — 7,6%, и во всех трех изученных нами армянских группах, где степень редукции колеблется от 4,72 до 7,45%. Самая низкая степень концентрации этого признака отмечена нами в популяциях Западной Грузии, живущих в непосредственной близости от Черного моря: это абхазы, аджарцы, мегрелы и имеретины. Здесь частота сильной степени редукции колеблется около 1—2%. Очень равномерно распределен этот признак в этнических группах Северного Кавказа и равнинного Дагестана, где мы отмечали его 3—4 раза в каждой изучаемой группе, и очень неравномерно — в трех горнодагестанских группах, расположенных в непосредственной близости друг от друга: у аварцев Гуниба — 9%, у соседних с ними лакцев с. Кумуха — всего 1%, у даргинцев с. Хаджалмахи — 3%. По всей видимости, такое неравномерное распределение признака является следствием генетико-автоматических процессов в изолированных популяциях, где с давних времен практикуются близкородственные браки. Скорее всего повышенный процент редукции латерального резца у азербайджанцев Шемахи тоже является следствием изоляции, так как в двух других азербайджанских группах сильная степень редукции латерального резца была встречена нами всего пять раз.

II

Степень редукции верхних моляров (табл. 2) определялась нами по наиболее часто применяемой современными советскими и зарубежными одонтологами системе Дальберга — по степени редукции четвертого бугорка — гипоконуса.

Тип 4. Гипоконус сильно развит и образует отчетливый дисталинговальный угол коронки.

Тип. 4.— Гипоконус не образует угла и сильно уменьшен в размере, вытянут, как бы срезан с дисталинговой стороны.

Тип 3+. Гипоконус сильно редуцирован, часто имеет вид небольшого округлого зернышка между протоконусом и метаконусом.

Тип 3. Гипоконус полностью отсутствует.

Практика показала, что разные исследователи по-разному определяют степень редукции гипоконуса, и данные, полученные от разных исследователей, зачастую несопоставимы. Поэтому А. А. Зубов составил

таблицу показателей редукции гипоконуса по суммарной частоте типов 3+ и 3, так как при объединении этих двух морфологически близких типов получаются наиболее объективные результаты. В табл. 2 приводятся все четыре типа редукции гипоконуса на втором верхнем моляре, а также 3+ и 3 суммарно. Первый верхний моляр является стабильным зубом и редукции практически не подвержен.

Процесс редукции гипоконуса является одним из наиболее поздних процессов развития зубной системы человечества и мало связан с расовым делением. Он с большой интенсивностью происходит в разных ареалах Эйкумены, зачастую объединяя очень отдаленные друг от друга популяции и разъединяя соседние группы одной этнической общности. Тем не менее некоторые закономерности здесь все-таки проявляются: так, например, самые низкие частоты редуцированных форм второго верхнего моляра тяготеют к районам Австралии, Океании, Южной и Юго-Восточной Азии, а самые высокие частоты приходятся на арктические районы Азии и Америки, причем размах межгрупповых различий по частоте форм 3+ и 3 составляет около 90% (по материалам А. А. Зубова).

Размах колебаний частот этого признака среди народов Кавказа укладывается в пределах 43—77%, причем отчетливо обнаруживается тяготение наиболее высоких частот 3 и 3+ к горным изолированным группам. Так горнодагестанские изоляты — аварцы и даргинцы — обнаруживают самую высокую на Кавказе степень редукции второго верхнего моляра. Вслед за ними идут хевсуры и лшавы Тианети, затем евреи Оми. Это правило подтверждается и повышенным по сравнению с двумя другими армянскими группами процентом редуцированных форм у горной группы армян Степанакерта, живущих в окружении азербайджанского населения. Но есть и исключение; процент форм 3 и 3+ у азербайджанцев Шемахи несколько ниже, чем в двух других азербайджанских группах.

Наименьшей степенью редукции второго моляра отличаются народы Северного Кавказа, равнинного Дагестана, Армении и Азербайджана. Здесь частота изучаемого признака колеблется от 50 до 60%. В пределах 61—68% варьирует он в причерноморских популяциях и несколько выше в группах горных грузин.

Таким образом, по редукции гипоконуса второго верхнего моляра этнические группы Кавказа объединяются так же, как и по редукции латерального резца.

Следует отметить, что наши данные по редукции гипоконуса на втором верхнем моляре у осетин (изучено 296 человек) не совпадают с данными Зубова, изучившего 42 черепа из осетинских склепов. Частота форм 3 и 3+ на втором моляре на черепах равна всего лишь 28,5%, в то время как по нашим данным частота этого признака у осетин равна 56,48%. По всей видимости, здесь играет роль или слишком малая выборка или же, скорее всего, признак этот меняется настолько быстро, что за два века редукция гипоконуса у осетин стала встречаться гораздо чаще.

III

От стабильного первого верхнего моляра первый нижний отличается сложной системой вариации и потому является источником очень ценных расово-диагностических признаков в этнической одонтологии. Такой же высокой таксономической ценностью обладают второй и третий нижние моляры.

Шестибугорковые формы первого нижнего моляра (табл. 3) среди народов мира с наибольшей частотой встречаются у негроидов Африки — до 33%, у бурят — до 30%, у японцев — до 18%, несколько реже

Редукция верхнего латерального резца в этнических группах Кавказа

Группа	N	0	1	2	3	+3
		%				
Азербайджанцы Баку	100	95,00	3,00	2,00	0,00	2,00
Азербайджанцы Шемахи	105	90,40	1,90	1,90	5,70	7,60
Азербайджанцы Агдама	101	82,23	14,80	0,99	1,98	2,97
Армяне Гориса	107	79,00	14,00	1,84	4,67	6,51
Армяне Степанакерта	110	72,55	20,00	2,00	5,45	7,45
Армяне Аллаверды	106	82,08	13,20	0,00	4,72	4,72
Аджарцы Батуми	100	96,00	3,00	1,00	0,00	1,00
Имеретинцы Самтредиа	100	92,00	6,00	1,00	1,00	2,00
Мегрелы Зугдиди	105	93,35	5,70	0,00	0,95	0,95
Абхазы Бзыби	98	77,56	20,40	2,04	0,00	2,04
Карталинцы Гори	102	84,31	12,75	1,96	0,98	2,94
Кახетинцы Телави	110	75,00	22,30	1,82	0,91	2,73
Хевсуры Борисахо	102	90,23	5,85	0,98	2,94	3,92
Рачинцы Они	86	81,00	14,80	3,50	1,06	4,56
Евреи Они	23	82,60	17,40	0,00	0,00	0,00
Осетины Южн. Осетии	109	90,93	7,34	0,00	1,83	1,83
Осетины-дигорцы Чикола	107	67,30	32,70	0,00	0,00	0,00
Осетины-иронцы Ольгинска	100	87,00	10,00	2,00	1,00	3,00
Адыгейцы Майкопа	104	89,94	6,23	2,88	0,95	3,83
Кабардинцы Чегема	103	70,00	26,20	1,94	1,94	3,88
Черкесы Кошхабля	52	73,07	23,10	0,00	3,83	3,83
Балкарцы Советского	104	77,00	19,20	0,96	2,86	3,82
Карачаевцы Карачаевска	107	78,52	17,75	2,80	0,93	3,73
Ингуши Назрани	103	80,58	16,50	1,94	0,98	2,92
Чеченцы Ведено	99	80,50	15,20	2,20	2,20	4,40
Ногайцы Караногая	101	95,00	0,99	1,98	1,98	3,96
Кумыки Хасавьюрта	101	85,15	11,88	2,97	0,00	2,97
Лакцы Кумуха	99	72,00	26,30	1,01	0,00	1,01
Аварцы Гуниба	100	82,00	9,00	6,00	3,00	9,00
Даргинцы Хаджапмахи	98	79,54	14,40	3,06	0,00	3,06
Лезгинцы Касумкента	105	91,44	4,76	1,90	1,90	3,80

эти формы наблюдаются у айнов Сахалина, казахов, киргизов, древних австралийцев, ораонов и мундра в Индии, хакасов, таджиков и уйгуров. Чистые европеоидные группы этим признаком или не обладают совсем или он встречается крайне редко.

На Кавказе шестибугорковый нижний моляр был найден у ногайцев Караногая в шести случаях из ста. Почти с той же частотой этот признак проявился и у ингушей — 5%, черкесов — 4,32%, адыгейцев, карачаевцев и чеченцев — по 3%. Скорее всего, это явление можно объяснить последствием монгольского нашествия на Северный Кавказ в XIII в.

Шестибугорковый нижний моляр был найден один раз у евреев Они, но так как их изучено всего 23 человека, результат не может считаться достоверным.

Пятибугорковый тип является исходной формой нижних моляров не только для всех рас человечества, но и для всех антропоморфных. Вследствие этого для расовой таксономии гораздо важнее направление изменчивости древних пятибугорковых форм моляра: большой процент шестибугорковых форм в группе говорит о процессе дифференциации моляров, а увеличение числа четырехбугорковых форм свидетельствует о процессе редукции в данной популяции. Мировое распределение четырехбугорковых нижних моляров показывает, что высокие и средние частоты этого признака наблюдаются исключительно в группах, принадлежащих большой европеоидной расе, а также в тех метисных группах, где преобладает европеоидный компонент. Чаше всего четырехбугорковый нижний моляр встречается в настоящее время на всех

Редукция гипоконуса на втором верхнем моляре в этнических группах Кавказа

Группа	N	4	4—	3+	3	3+ и 3
		%				
Азербайджанцы Баку	97	26,29	15,45	31,00	26,97	57,97
Азербайджанцы Шемахи	101	35,58	12,77	29,70	21,75	51,45
Азербайджанцы Агдама	98	23,23	18,39	34,65	23,23	57,88
Армяне Гориса	103	23,14	15,52	38,80	22,17	60,97
Армяне Степанакерта	105	23,80	11,42	31,20	33,25	64,45
Армяне Аллаверды	101	28,70	16,88	40,57	13,82	54,39
Аджарцы Батуми	84	29,78	8,34	36,92	25,00	61,92
Имеретинцы Самтредиа	85	31,78	7,06	34,15	27,07	61,22
Мегрелы Зугдиди	98	19,38	14,29	42,80	23,20	66,00
Абхазы Бзыби	100	24,00	8,00	53,00	15,00	68,00
Карталинцы Гори	96	31,45	8,34	40,27	19,80	60,07
Кахетинцы Телави	98	29,30	8,11	38,80	23,48	62,28
Хевсуры Борисахо	95	20,00	14,23	47,20	18,90	66,10
Хевсуры Тианети	38	23,33	5,27	44,75	26,18	70,93
Пшавы Тианети	50	16,00	14,00	54,00	16,00	70,00
Рачинцы Они	77	31,45	15,58	32,70	20,39	53,09
Евреи Они	23	30,48	0,00	21,67	47,85	69,52
Осетины Южн. Осетии	95	29,45	6,32	43,20	21,05	64,25
Осетины-дигорцы Чикола	103	23,13	21,19	37,83	17,45	55,28
Осетины-иронцы Ольгинска	98	29,60	20,41	39,80	10,20	50,00
Адыгейцы Майкопа	89	29,21	5,62	30,40	34,80	65,20
Кабардинцы Чегема	100	30,00	16,00	38,00	16,00	54,00
Черкесы Кошхабля	52	21,19	23,08	34,60	21,19	53,79
Балкарцы Советского	100	23,00	15,00	42,00	20,00	62,00
Карачаевцы Карачаевска	101	19,80	28,76	38,60	12,87	51,47
Ингуши Назрани	101	31,63	16,82	45,51	5,94	51,45
Чеченцы Ведено	97	39,18	17,54	28,80	14,45	43,25
Ногайцы Караногая	98	17,35	27,75	48,24	7,14	53,38
Кумыки Хасавюрта	92	20,63	15,21	49,00	15,21	64,21
Лакцы Кумуха	83	26,36	8,44	32,27	32,27	64,54
Аварцы Гуньба	97	14,40	8,26	45,40	32,00	77,40
Даргинцы Хаджалмахи	91	8,80	14,30	39,60	37,40	77,00
Лезгины Касумкента	95	23,19	14,75	40,00	22,77	62,77

континентах, но везде его появление представляет собой результат распространения европеоидной расы. По материалам мезолитических серий Украины и Латвии можно судить, что этот признак встречался уже в конце мезолита или в начале неолита. Впоследствии процент зубов этого типа в европеоидных популяциях продолжал расти. В других расовых стволах процент четырехбугорковых первых нижних моляров равен нулю или очень низок.

Наш материал по кавказским группам подтверждает вывод А. А. Зубова о широком распространении четырехбугоркового первого нижнего моляра в популяциях европеоидного расового ствола. Самый высокий процент этой формы встречается в изолированных группах: даргинцы — 33,35%, армяне Степанакерта — 30,55%, аварцы — 21,43%. Но и самый низкий процент был отмечен нами в изолятах: хевсуры Борисахо — 3,96%, евреи — 0,00%. По всему Кавказу этот признак распределен довольно равномерно и колеблется в пределах 13—20%. Даже у ногайцев процент четырехбугорковых первых нижних моляров лишь немногим меньше, чем в соседних равнинных группах Северного Кавказа и Дагестана — 12,00%.

Шестибугорковая форма второго нижнего моляра — признак, характерный для экваториального и монголоидного расовых стволов, был выявлен среди всего изученного европеоидного населения Кавказа всего лишь 7 раз (!), а у ногайцев мы отметили пять случаев наличия рассматриваемого признака из общего числа в 101 человек.

**Процентное отношение бугорков на первом и втором нижних молярах
в этнических группах Кавказа**

Группа	N	M ₁₆	M ₁₅	M ₁₄	N	M ₂₆	M ₂₅	M ₂₄
Азербайджанцы Баку	100	1,00	81,00	18,00	96	0,00	20,83	79,17
Азербайджанцы Шемахи	103	0,97	79,61	19,41	101	0,00	18,81	81,18
Азербайджанцы Агдама	101	0,99	81,18	17,83	98	0,00	12,26	87,75
Армяне Гориса	107	0,00	88,22	11,78	102	0,98	12,23	86,79
Армяне Степанакерта	105	0,00	69,45	30,55	107	0,93	8,40	90,67
Армяне Аллаверды	106	0,94	80,88	17,98	104	0,00	5,60	94,40
Аджарцы Батуми	97	0,00	82,42	17,58	88	0,00	5,68	94,32
Имеретинцы Самтредиа	101	0,00	78,15	21,85	91	0,00	5,50	94,50
Мегрелы Зугдиди	104	1,92	84,60	13,48	104	0,00	3,82	96,18
Абхазы Бзыби	100	0,00	86,00	14,00	92	0,00	7,62	92,38
Карталинцы Гори	102	0,98	93,04	5,98	102	0,00	7,84	92,16
Кახетинцы Телави	102	0,00	85,40	14,60	101	0,00	7,92	92,07
Хевсуры Борисахо	101	0,99	94,90	3,96	93	1,07	10,75	88,18
Хевсуры Тианети	39	0,00	92,30	7,69	38	0,00	7,90	92,10
Пшавы Тианети	51	0,00	88,30	11,70	51	1,96	1,96	96,08
Рачинцы Они	85	0,00	87,80	12,20	85	0,00	8,24	91,76
Евреи Они	23	4,35	95,65	0,00	23	0,00	13,05	86,95
Осетины Южн. Осетии	97	1,03	84,54	14,43	96	0,00	4,16	95,84
Осетины-дигорцы Чикола	105	0,95	83,80	15,23	99	0,00	7,07	92,93
Осетины-иронцы Ольгинска	101	0,99	85,15	13,86	100	0,00	9,00	91,00
Адыгейцы Майкопа	103	2,91	87,38	9,70	88	0,00	6,80	93,20
Кабардинцы Чегема	101	0,97	91,37	7,66	101	0,00	3,96	96,04
Черкесы Кошхабля	70	4,32	85,68	10,00	52	0,00	7,64	92,36
Болкарцы Советского	102	0,00	88,24	11,76	103	0,00	5,82	94,18
Карачаевцы Карачаевска	105	2,85	85,60	11,45	103	1,94	7,76	90,30
Ингуши Назрани	100	5,00	78,00	17,00	97	0,00	5,16	94,84
Чеченцы Ведено	108	2,78	76,86	20,36	100	0,00	10,00	90,00
Ногайцы Караногая	100	6,00	82,00	12,00	101	4,95	20,80	74,25
Кумыки Хасавюрта	100	1,00	83,00	16,00	95	1,05	12,60	86,35
Лакцы Кумуха	98	0,00	85,70	14,30	90	0,00	7,80	92,20
Аварцы Гуниба	112	3,56	75,01	21,43	99	0,00	7,07	92,93
Даргинцы Хаджалмахи	96	1,04	65,61	33,35	93	0,00	3,21	96,79
Лезгинцы Касумкента	104	0,00	83,60	16,40	103	0,00	14,55	85,45

Пятибугорковые вторые нижние моляры, по сводке А. А. Зубова, очень редки в популяциях европеоидного расового ствола, и, как правило, частота этого признака варьирует у европеоидов в пределах 10—15%. Среди других расовых групп процент пятибугорковой формы всегда выше 15%, а у эскимосов, бушменов, африканских негров, американских индейцев и папуасов — выше 60%.

Кавказский одонтологический материал в общем подтверждает вывод А. А. Зубова: у ногайцев частота описываемого признака довольно высока — 20,8%. Все остальные кавказцы, за исключением двух азербайджанских групп, обладают пониженной частотой этой формы. В целом процент пятибугорковой формы второго нижнего моляра несколько повышен в прикаспийских и армянских группах и понижен в причерноморских; во всех остальных группах, включая изоляты, он варьирует в пределах 4—10% и определенных закономерностей не обнаруживает.

Четырехбугорковый второй нижний моляр с наибольшей частотой — 85—95% встречается в пределах большой европеоидной расы, причем отметим, что в последние века (по-видимому, в связи с процессом редукции гипоконулида) количество этой формы заметно увеличилось. Наиболее редка эта форма (20—40%) у эскимосов, американских индейцев, ульчей, папуасов и бушменов. В древних европеоидных сериях, а также в подавляющем большинстве смешанных групп частота этой

формы варьирует примерно от 40 до 80%, повышаясь в метисных популяциях по мере увеличения доли европеоидного компонента.

На Кавказе эта форма реже всего встречается, как и следовало ожидать, у ногайцев — 74,25%; в прикаспийских популяциях у азербайджанцев Баку и Шемахи с довольно низкой для европеоидных групп частотой — 79,25 и 81,31%. Низок процент четырехбугорковой формы второго нижнего моляра у хевсуров Борисахо и евреев Они, с неравномерной частотой распределен он в армянских группах и довольно равномерно высок (90—96%) во всех остальных популяциях исследуемого региона.

Выводы

1. Признаки редукции зубного комплекса в разных этнических группах показывают несомненную принадлежность кавказцев к европеоидной расе, за исключением ногайцев, обнаруживших в своем одонтологическом типе бесспорное присутствие монголоидного компонента.

2. Этнические группы Кавказа характеризуются очень высоким уровнем редукции зубной системы, близким к мировому максимуму.

3. Вскрыто совершенно четко влияние изоляции на частоту показателей редукции: в одних случаях изоляция повышает, в других понижает процент редуцированных форм, создавая картину гетерогенности популяции.

4. Неизолированные равнинные группы являются относительно гомогенными, и их показатели более близки к средним показателям европеоидной расы.

Э. Г. Александренков

**ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ИНДЕЙЦЕВ
БОЛЬШИХ АНТИЛЬСКИХ
И БАГАМСКИХ ОСТРОВОВ
НА РУБЕЖЕ XV—XVI вв.**

Восстановление картины размещения этнических групп населения Больших Антильских островов ко времени появления там европейцев представляет большой интерес. Тем более, что в современной научной литературе нет единого мнения о числе народов, населявших Большие Антильские и Багамские острова. По-разному определяется, где жил тот или иной народ, упоминаемый в письменных источниках. Еще большую путаницу внесли археологи, которые стали называть встречавшимися в источниках этнонимами культурные ареалы, выделяемые на археологическом материале. Противоречивые мнения относительно числа групп островитян в конце XV в. в значительной мере объясняются противоречивостью и фрагментарностью источников. Это в свою очередь было в значительной мере обусловлено тем, что ни один из историков, современников завоевания Больших Антильских островов, не жил длительное время среди островитян.

Чтобы понять, как у испанцев складывались представления о группах коренного населения островов, следует хотя бы кратко охарактеризовать письменные источники по интересующей нас теме.

Первые упоминания этнонимов или названий различных индейских языков, несомненно, должны были содержаться еще в дневниках участников первого плавания Колумба. Дневник, который вел Колумб, не сохранился в оригинале, но о путешествии хорошо рассказано в биографии Колумба, написанной его сыном Ф. Колоном¹, и в «Истории Индий» Б. де Лас Касаса². Кое-какие сведения есть в знаменитом письме, которое Колумб написал, возвращаясь в Испанию после открытия Нового Света³. Уже во время этого путешествия он пытался удовлетворить свой интерес «беседами» с пленными индейцами. Между завершением первого плавания в Новый Свет и началом второго прошло около полугода. Оставшиеся в живых пленные индейцы научились говорить по-испански, особенно один из них, и к недавно открытым островам Колумб вернулся с хорошим переводчиком. Представления Колумба об индейцах, населявших острова, после этого плавания можно было бы считать достаточно широкими и достоверными, но они известны только по пересказу в «Сообщении» монаха Рамона Панэ. Панэ был единственным европейцем, о котором точно известно, что он знал один из языков индейцев этих мест. Он оставил записи, посвященные в основном религии индейцев. Но в них содержатся и очень интересные сведения о языках индейцев Гаити. Эти сведения послужили, по-видимому, основой для всех последующих утверждений о существовании нескольких различных

¹ F. Colon, Historia del almirante de las Indias, Buenos Aires, 1944.

² B. de Las Casas, Historia de las Indias, México — Buenos Aires, 1951.

³ «Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы», М., 1962, стр. 64—70.

языков у индейцев Гаити. Рамон Панэ приехал на Гаити в 1494 г. с братом Христофора Колумба, Бартоломе. Некоторое время он жил среди индейцев провинции Макори и овладел их языком. Позже Панэ прожил два года у одного из самых влиятельных касиков острова, Гуарионехи. «Сообщение» Панэ было хорошо известно его современникам. Но впервые полностью оно было опубликовано в 1571 г. в Венеции в уже упомянувшемся сочинении Ф. Колона.

Описания первых двух плаваний Колумба, событий на Гаити, войн против индейцев и завоевания острова содержатся и в работах Мартира Бернальдеса, Лас Касаса, Овьедо. Педро Мартир де Англера (или Пьетро Мартире де Ангера), итальянец по происхождению, во времена открытия Нового Света жил в Испании. Сам он в Америке не был, но его положение при дворе, где он занимал высокие посты, связанные с управлением колониями, и его любознательность позволили ему постоянно быть в курсе всех событий в Америке и собрать многочисленные сведения об индейцах. Не был в Америке и другой историк того времени — Андрес Бернальдес. Но его пост историографа правления Изабеллы и Фердинанда давал ему возможность собирать важную информацию. И. Мартир, и Бернальдес пользовались каждым удобным случаем, чтобы опросить свидетелей открытия и завоевания новых земель.

Несомненно, более достоверными должны были быть сведения Лас Касаса и Овьедо. Лас Касас попал на острова еще в 1502 г. Он принимал участие в походах испанских отрядов на Гаити и Кубе. Но в то время его еще не интересовали история и культура индейцев. Когда же Лас Касас стал писать свои книги (одни биографы относят эту дату к 1526 г., другие говорят даже о более позднем времени), то о некоторых явлениях жизни индейцев «спросить было уже не у кого»⁴. Перу Лас Касаса приписывается и так называемый «Мемориал», небольшой но очень ценный документ, в котором говорится о различных группах индейцев Кубы. Относительно кубинских индейцев есть сведения и в письмах губернатора Кубы Веласкеса к королю.

Другой крупный историк открытия и завоевания Америки, Овьедо, попал в Америку позже Лас Касаса, в 1514 г., а постоянно поселился на Гаити только в 1532 г. Его сообщения об индейцах Больших Антильских островов иногда крайне противоречивы. Так, в одной главе «Всеобщей и естественной истории Индий» он пишет о полном несходстве языков индейцев Багамских островов, Кубы и Гаити⁵, а в другой говорит, что язык у индейцев Кубы и Гаити сходен⁶. Это можно объяснить тем, что источниками таких взаимоисключающих сведений были разные информаторы. Во всяком случае, сведения Овьедо о языках островных индейцев не следует брать за основу при выделении групп коренного населения островов в момент их завоевания европейцами.

Обычно обитателей Больших Антильских и Багамских островов в ранних источниках называли просто «индейцами». Какие-либо этнонимы встречаются крайне редко.

Коренных жителей Багамских островов иногда называли «юкайо» или «лукайо». Вероятно, «лукайо» было самоназванием обитателей Багамских островов. В пользу такого предположения говорит тот факт, что одно из аравакских племен северной части южноамериканского континента (в научной литературе называемое иногда «собственно араваки» в отличие от других индейских народов, говорящих на языках аравакской языковой семьи) называет себя «луккуну», что значит «люди»

⁴ B. de Las Casas, Указ. паб., т. I, стр. 303.

⁵ G. Fernandez de Oviedo, Historia general y Natural de las Indias, t. I, Madrid, 1851, p. 235.

⁶ Там же, стр. 498.

(единственное число—«лукку») ⁷. Какие-либо этнонимы для островов Ямайка и Пуэрто-Рико неизвестны. На Гаити упоминались две группы индейцев: «сигуайо» (или «сигуана») и «макори» (с вариантами «макорих», «масорих» в разных источниках), на Кубе — «сибоней» и «гуа-нахатабей» (в нескольких вариантах написания).

Постараемся вначале, следуя маршрутам Колумба, восстановить, хотя бы очень приблизительно, картину размещения индейцев, якобы говоривших на различных языках. При плавании у Багамских островов Колумб в соответствии с версией Б. де Лас Касаса отметил единство языка проживающих там индейцев ⁸. Когда испанские корабли курсировали вдоль северного побережья восточной Кубы, Колумб заметил, что местные жители говорят на том же языке и имеют те же обычаи, что и обитатели ранее открытых островов ⁹. Подтверждается это упоминанием о том, что индеец с Гуанахани (индейское название первого острова, встреченного европейцами) «долго разговаривал» с индейцами Кубы ¹⁰.

При описании следования Колумба вдоль северного побережья Гаити также неоднократно утверждается, что язык местных жителей был сходен с языком индейцев тех островов, мимо которых уже плыли испанцы, или упоминается, что ранее захваченные пленные индейцы разговаривали с обитателями северного Гаити ¹¹. Какое-то непонимание между индейцами-проводниками Колумба и местными жителями было отмечено Лас Касасом. Лас Касас объяснил это тем, что «местный язык отличался от их (привезенных Колумбом индейцев.— Э. А.) собственного языка наименованием различных вещей» ¹². Возможно, что действительно существовали какие-то незначительные различия в языках этих индейцев. Но вероятнее, что сами испанцы не смогли понять того, что им говорили их «переводчики». В первом же плавании испанцы встретились и с индейцами восточной части северного побережья Гаити, которых Колумб принял вначале за карибов из-за их воинственного вида. И Лас Касас, и Ф. Колон отмечают, что испанцы беседовали с местными жителями, используя как переводчиков индейцев с Гуанахани ¹³.

Сам Колумб в письме о результатах первого плавания так излагал свои впечатления: «На всех этих островах я не замечал большого разнообразия ни в облике людей, ни в их обычаях и языке. Напротив того — все они понимают друг друга...» ¹⁴. В «Мемориале», посланном Колумбом испанским королям с Гаити (когда он там оказался уже во второй раз), содержится сходное утверждение: «Дело в том, что так как жители разных островов мало общаются друг с другом, то и в языке их имеются различия в зависимости от того, насколько далек один остров от другого» ¹⁵. К моменту, когда Колумб писал «Мемориал», он посетил уже и некоторые из Малых Антильских островов и Пуэрто-Рико. Различия, о которых идет речь, не мешали Колумбу поставить в один ряд не только языки индейцев Багамских островов, Кубы, Гаити и Пуэрто-Рико, но и Малых Антильских островов, так как именно карибов, обитателей Малых Антиль, он послал в Испанию, чтобы они там смогли стать переводчиками ¹⁶.

Несколько позже, во время того же второго плавания корабли Колумба прошли вдоль южного берега Кубы и вокруг Ямайки. И только однажды, на западе Кубы, переводчик-юкайец, до тех пор свободно

⁷ D. Brinton, Arawak language of Guiana in its linguistic and ethnological relations, «Translations of American Philosophical Society», vol. 14, p. III, 1871.

⁸ B. de Las Casas, Указ. раб., т. I, стр. 212.

⁹ Там же, стр. 227, 232, 243.

¹⁰ Там же, стр. 226.

¹¹ Там же, стр. 258, 262.

¹² «Путешествия Христофора Колумба», стр. 159.

¹³ F. Colon, Указ. раб., стр. 98, 99; B. de Las Casas, Указ. раб., т. I, стр. 303.

¹⁴ «Путешествия Христофора Колумба», стр. 68.

¹⁵ Там же, стр. 354.

¹⁶ Там же, стр. 353, 354.

разговаривавший со встречавшимися местными жителями, не смог понять их¹⁷.

Когда испанцы более обстоятельно познакомились с внутренними областями островов и вошли в более тесный контакт с местными жителями, выявилась более дробная лингвистическая и этническая структура на некоторых островах.

Первым, кому приписывается выделение нескольких индейских языков на Гаити, является сам Колумб. Правда, об этом приходится судить не по собственным словам мореплавателя, а по утверждениям других лиц. Рамон Панэ, живший в крепости Магдалена в провинции, населенной индейцами «макори», пишет, что получил указание от Колумба пойти к касику Гуарионехе. При этом Колумб якобы сказал Панэ, что язык «макори» непонятен остальным индейцам острова, в то время как язык, на котором говорил Гуарионеха, якобы понимался «по всей той земле». Так как Панэ знал только язык индейцев «макори», то он отправился к Гуарионехе, взяв с собой индейца-макори, знавшего оба языка¹⁸. К сожалению, дальше Панэ не пишет, были ли указанные Колумбом различия действительными или мнимыми.

О существовании нескольких языков у индейцев Гаити говорится у Мартира. Полученные им сведения относятся к периоду после 1515 г. Он сообщает, что в провинции Кахибо («Cahibo») жители говорят на языке, полностью отличающемся от языка других островитян. Зовутся обитатели этой провинции «масорис» («masorices») ¹⁹. На особом языке, не похожем ни на какой другой, говорят и жители областей Кубана и Баюаигуа той же провинции²⁰. Язык этот Мартир не называет. На западе Гаити, в провинции Гуакайрима, по утверждению Мартира, жили «немые» индейцы²¹. Можно предположить, что там жили группы, язык которых не был понятен остальным индейцам.

Лас Касас в своих работах неоднократно упоминает о трех различных языках, на которых говорят индейцы Гаити. Хотя в его «Истории Индий» этнонимы «макори» и «сигуайи» употребляются при описании первого путешествия Колумба, очевидно, что сведения о них относятся к более позднему времени. Так, после сообщения о встрече Колумба с воинственными лучниками на северо-востоке Гаити, Лас Касас добавляет, что эти земли были населены индейцами «масорих» и «сигуайи», говорившими на языках, отличных от «общего» языка этого острова. Здесь же Лас Касас отмечает, что он не помнит, различались ли языки сигуайев и макори²². Однако в изложении «Дневника» Колумба у того же Лас Касаса нет упоминания о том, как назывались жители тех мест. Нет этих этнонимов и у Ф. Колона в том месте, где описывается этот эпизод. В другом отрывке из «Истории Индий» Лас Касаса явствует, что было две провинции, называвшихся Макори: одна — Нижнее Макори, там, где находилась крепость Магдалена (в данном случае это соответствует сведениям Панэ), другая — Верхнее Макори, находившаяся в горах к северу от долины Вега Реаль. В этом отрывке Лас Касас объясняет, что слово «макори» означало «странный, чужой»²³. В «Апологетической истории» Лас Касас тоже говорит, что «макори» значит «странный»²⁴.

¹⁷ P. Martyr, De Orbe Novo, t. 1, New York — London, 1912, p. 100.

¹⁸ F. Colon, Указ. раб., стр. 181, 182.

¹⁹ Хотя в цитируемом отрывке говорится «в этой провинции», речь идет, вероятно, только о двух районах, Маруа и Какаубана, с которых начинается рассказ о провинции.

²⁰ P. Martyr, Указ. раб., т. I, стр. 367, 368.

²¹ Там же, стр. 380.

²² B. de Las Casas, Указ. раб., т. I, стр. 303.

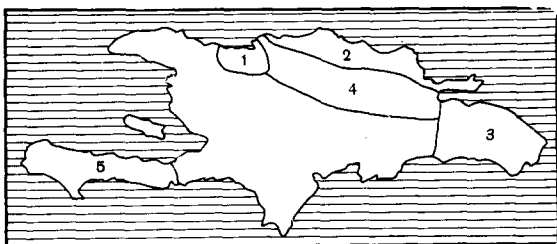
²³ Там же, стр. 429.

²⁴ B. de Las Casas, Apologética Historia, «Colección de documentos ineditos para la historia de España», t. 66, Madrid, 1876, p. 256. В современном аравакском «ма» означает отсутствие какого-то качества, его отрицание, а слово «кори» (с вариантами «кури», «кери») в некоторых южноамериканских языках значит «человек, мужчина».

На других страницах «Апологетики» утверждается, что языки Верхнего и Нижнего Макори различались между собой и отличались от «общего» языка Гаити²⁵.

Названные Лас Касасом «провинции»²⁶ хорошо локализируются на карте. Нижнее Макори располагалось сразу же за провинцией Марьен (где была построена первая испанская крепость Навидад), если следо-

Рис. 1. О. Гаити: 1 — провинция Марьен; 2 — провинции Нижнее Макори, «безымянная», Верхнее Макори и провинция, занятая, как предполагается, сигуайями; 3 — провинция Хигей; 4 — долина Вега Реаль; 5 — провинция Гуакайрима, где жили «немые» индейцы

вать с запада на восток. К Нижнему Макори по Лас Касасу относился и тоже хорошо известный район Монте Кристи. В эту же провинцию входила и часть долины Вега Реаль, имевшей выход к морю. На восток от Монте Кристи лежала провинция, названия которой Лас Касас не знал, но так как там находились порты Изабелла и Пуэрто де Плата, то пределы ее сравнительно просто определяются. За «безымянной» провинцией, вдоль горной цепи, образующей с севера долину Вега Реаль, находилась провинция Кубао или Верхнее Макори; в длину она имела 15—20 лиг, а в ширину 8—10. Далее к востоку, по той же горной цепи, находилась провинция сигуайев длиной в тридцать лиг, доходя на востоке до провинции Хигей. Залив Стрел, по мнению Лас Касаса, тоже относился к провинции сигуайев²⁷.

При сопоставлении сообщений Мартира и Лас Касаса обнаруживаются некоторые несоответствия. Так, Лас Касас считает, что Кубао и Верхнее Макори — это название одной и той же провинции и населяют ее индейцы, говорящие на языке, отличном от языка других коренных обитателей острова. У Мартира же говорится, что Кубао часть провинции Хухабо («Nuhabo»). Согласно Лас Касасу, сигуайи жили восточнее Верхнего Макори, а по Мартиру они жили всего в 10 милях на запад от порта Изабелла, находившегося, как уже указывалось выше, в «безымянной» провинции. Две провинции, в которых по Мартиру говорили на каком-то «своем» языке, Кубана и Баюаигуа, у Лас Касаса вовсе не упоминаются, как обособленные по языку. В итоге получается следующая картина. По Лас Касасу Верхнее Макори, область сигуайев, и Нижнее Макори охватывали преимущественно северные склоны гор, образующих долину Вега Реаль. Языки Верхнего и Нижнего Макори различались между собой и отличались от «общего» языка Гаити. По Мартиру же языки, непохожие на другие языки острова, были распространены в провинции Кахибо, занимавшей большую часть долины Вега Реаль.

О значении слова «макори» как «чужой» уже писалось выше. Кроме топонимов Верхнее и Нижнее Макори, известных по Лас Касасу, и этнонима «макорис», употребляемого Мартиром, у того же Мартира есть упоминание об области Макори еще в одной удаленной к востоку провинции — Каиссиму²⁸. Даже несколько современных топонимов на Га-

²⁵ B. de Las Casas, Apologética Historia, p. 256, 486.

²⁶ «Провинция» в раннеколонизальных испанских источниках означала не административную территориальную единицу, а лишь определенную географическую область.

²⁷ B. de Las Casas, Apologética..., p. 252—257, 291; его же, Historia..., т. I, стр. 429.

²⁸ P. Martir, Указ. раб., т. I, стр. 336.

ити сохранили компонент «макори». Это свидетельствует, по-видимому, о том, что на острове действительно было несколько групп «странных, чужих» индейцев. К сожалению, самоназвания этих групп не сохранились, возможно, за исключением одного случая — сигуайев. По Мартиру сигуайи жили в 10 лигах к западу от порта Изабелла, т. е. где-то в районе Монте Кристи²⁹. Именно там Лас Касас размещал провинцию Магдалена или Нижнее Макори, по-испански Макори де Абахо. Последняя часть названия этой провинции — испанская, по-индейски эта область, видимо, называлась просто Макори. Об этом пишет и Рамон Панэ, живший там³⁰. Лас Касас, как уже указывалось выше, размещал сигуайев на восток от провинции Верхнее Макори³¹, т. е. значительно дальше на восток. Вместе с тем из описания военных действий испанцев против названных индейцев и у Мартира и у Лас Касаса становится очевидным, что речь идет об одних и тех же индейцах-сигуайях³². Остается предположить, что либо один из историков неправильно указал, где жили сигуайи, либо все северные склоны гор были заняты ими. Но и в том и в другом случае несомненна связь между этнонимом «сигуайи» и этнонимом или топонимом «макори» (макорис); если прав Мартир, то совпадение земель обитания сигуайев и макори (или провинции Нижнее Макори, по Лас Касасу) полное; если прав Лас Касас, то эта связь менее четко, но все же выявляется в том, что Лас Касас размещает провинции Макори и сигуайев рядом³³. Возможно, «сигуайи» было самоназванием индейцев, а словом «макори» их называли соседи. О каких-то враждебных отношениях между упомянутыми «макори» и некоторыми из их соседей еще до прихода европейцев говорит Мартир, рассказывая о том, как был выдан испанцам касик сигуайев Маиобанеха³⁴.

Совершенно ясно, что «чужими» могли называть не только индейцев, говоривших на языке иной лингвистической семьи, но и родственные по языку группы. Судить же о степени языковой близости разных групп по имеющимся материалам невозможно. То, что для европейца представлялось совершенно другим языком, на самом деле могло быть родственным языком или диалектом. На таких родственных языках или диалектах одного и того же языка, думается, и говорила большая часть индейцев Гаити. Прямые указания на это содержатся в описаниях первых испанских экспедиций. Когда впервые испанцы достигли тех мест, где, по мнению Лас Касаса, обитали сигуайи и макори, индейцы с Багамских островов, свободно говорившие с жителями побережья Кубы и запада Гаити, так же свободно изъяснялись с местными жителями, хотя испанцам удалось подметить различия в произношении или употреблении некоторых слов³⁵.

Если большинство населения о. Гаити ко времени появления европейцев, как можно предполагать, говорило на родственных языках или диалектах одного языка, которые есть основания связывать с аравакскими языками Южной Америки, то язык живших в провинции Гуакаярима «немых» индейцев, видимо, был совершенно не понятен соседям. Относился ли язык «немых» индейцев к более далеким ветвям аравакской языковой семьи или же к совершенно иной языковой семье, сказать не-

²⁹ P. Martir, Указ. раб., т. I, стр. 127.

³⁰ F. Colon, Указ. раб., стр. 181. В испанском переводе название провинции искажено — «Мароли».

³¹ B. de Las Casas, Historia..., т. I, стр. 429.

³² Там же, стр. 458; P. Martir, Указ. раб., т. I, стр. 142 и далее.

³³ B. de Las Casas, Historia..., т. I, стр. 429.

³⁴ P. Martir, Указ. раб., т. I, стр. 144. О том, что сигуайи и макори — одни и те же индейцы, писал датский исследователь С. Ловен, но он не объяснял, на основании каких соображений он пришел к такому заключению. См.: S. Lovén, *Origines of the Tainan culture*, Göteborg, 1935.

³⁵ «Путешествия Христофора Колумба», стр. 185.

возможно, так как в источниках пока не найдено никаких следов словарного фонда этого языка.

Относительно Ямайки и Пуэрто-Рико в источниках не содержится сведений о существовании различий в языках коренных жителей в пределах каждого из островов. В то же время известно, что индейцы и Ямайки³⁶ и Пуэрто-Рико понимали индейцев-переводчиков Колумба, происходивших с Багамских островов, и разговаривали с ними.

Разобраться в этнической карте Кубы также очень сложно. Уже после первого плавания Колумба стало известно, что в центральной и восточной областях этого острова живут индейцы, понимающие язык жителей Багамских островов, а на западе живут индейцы, говорящие на другом языке.

Позже, после колонизации внутренних областей, в источниках появляются названия обособленных по каким-либо признакам групп коренного населения. Одно из них, гуапахатабибе по Веласкесу³⁷ и гуапахатабеи по Лас Касасу³⁸, относится к жителям того района, где обитали индейцы, речь которых не смог понять переводчик Колумба. Эта группа индейцев выделялась среди остальных обитателей Кубы не только названием и языком, но и образом жизни. В отличие от земледельцев центральных и восточных областей, гуапахатабеи жили охотой и рыболовством, не строили никаких хижин, и жилищем им служили будто бы только пещеры³⁹. По описаниям гуапахатабеи Кубы очень напоминают «немых» индейцев запада Гаити у Мартира и Овьедо.

Сведения о гуапахатабеях содержатся в различных документах, относящихся к периоду колонизации Кубы. Ни в «Истории Индий» Лас Касаса, ни у Мартира о них нет упоминаний. Однако в «Мемориале», приписываемом Лас Касасу, гуапахатабеи названы наряду с сибонейми⁴⁰. Кроме гуапахатабеев и сибонеев в «Мемориале» упоминаются «индейцы садов» («Садами Короля» и «Садами Королевы» назывались два архипелага небольших островов вблизи северного и южного берегов Кубы). Вероятно, этих же индейцев в некоторых других документах называли «кайо»⁴¹. «Индейцы садов», как сообщается в «Мемориале», питались только рыбой. Даже если это и несколько преувеличено, можно все-таки предполагать, что с земледелием они не были знакомы. Более подробно об этих индейцах говорится у Ф. Колона, когда тот рассказывает о плавании Колумба вдоль берегов Кубы. Обитатели этих островов, называемые в книге Колона просто «индиос», питались чуть поджаренной рыбой, крабами и птицей⁴² и передвигались с одного острова на другой в своих лодках. По языку индейцы, занимавшие прилегающие к Кубе острова, не отличались, видимо, от индейцев, занимавших центральную и восточную Кубу. По крайней мере, испанцы этого не заметили. Не исключена возможность, что земледельческое население самой Кубы могло рыбачить на прибрежных островах.

Кроме гуапахатабеев, «индейцев садов» и сибонеев в «Мемориале» упоминается одна очень неопределенная группа обитателей Кубы — «индейцы острова». Где жили гуапахатабеи и «индейцы садов» — извест-

³⁶ Там же, стр. 288.

³⁷ «Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento... de antiguas posesiones españolas», vol. II, p. 424, Madrid, 1869.

³⁸ «Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento... de Ultramar», 2 seria, vol. 6, Madrid, 1891, p. 7.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Некоторые исследователи (американцы Харрингтон и Роуз) считали сибонеев и гуапахатабеев одним и тем же народом. Кубинский ученый Ф. Пичардо Мойя в книге «Caverna, Casta y Meseta» (La Habana, 1945, стр. 108, 109) убедительно показал, что цитируемый Харрингтоном отрывок из «Мемориала» истолкован неправильно.

⁴¹ «Кайо» на одном из языков местных индейцев значило «островок». Индейцев, живших на этих небольших островах, испанцы и называли «кайо».

⁴² F. Colon, Указ. раб., стр. 83.

Рис. 2. 1 — гуанакатабен; 2 — сибонеи; 3 — выходцы с Гаити; 4 — «немые» индейцы Гаити; 5 — сигуайи Гаити

но. По-видимому, остальные земли, т. е. центральные и восточные провинции Кубы, занимали сибонеи и «индейцы острова».

В «Истории Индий» Лас Касаса еще упоминаются индейцы, переселившиеся с Гаити. Относительно времени их переселения на Кубу в современной литературе существует мнение, что Лас Касас сообщает о событии, произошедшем за 50 лет до прихода европейцев⁴³. Это мнение представляется недостаточно обоснованным. У Лас Касаса действительно говорится о 50 годах. Но в этом же отрывке сообщается, что переселение индейцев Гаити на Кубу совершилось «по большей части» после того, как испанцы стали притеснять индейцев на Гаити⁴⁴. Об этом же говорит и сопоставление указанного выше отрывка с тем местом в «Истории Индий», где Лас Касас рассказывает, как касик Атуэй перешел с Гаити на Кубу⁴⁵. У самого Лас Касаса нет прямого указания на то, что переселение индейцев Гаити на Кубу началось за 50 лет до появления на Антилах испанцев. Он пишет лишь, что «не прошло и 50 лет, как жители этого острова (Гаити.— Э. А.) перебрались на тот остров»⁴⁶. Думается, что речь идет о 50 годах до момента написания Лас Касасом этих строк. Таким образом, по крайней мере это переселение индейцев с Гаити совершилось после открытия европейцами Антильских островов. Но, думается, у Лас Касаса говорится не об одном переселении индейцев Гаити на Кубу. Он сообщает, что когда Атуэй основал свое поселение, он сделал это с согласия местных жителей, «так как большинство людей, что заселяло тот остров Куба, были пришлыми и уроженцами этого острова Эспаньола (Гаити), в то время как самые древние люди

⁴³ I. Rouse, *Archaeology of the Maniabon Hills, Cuba*, «Yale University publications in Anthropology», № 26, New Haven, 1942, p. 152; E. Tabio, E. Rey, *Prehistoria de Cuba*, La Habana, 1966, p. 208.

⁴⁴ B. de Las Casas, *Historia...*, vol. 2, p. 514.

⁴⁵ Там же, стр. 507.

⁴⁶ Там же, стр. 514.

и уроженцы того острова (Кубы.— Э. А.) были как люди Юкайских островов...»⁴⁷. Лас Касас называет это древнее население Кубы «сибуней». Следующее затем повествование о покорении сибунеев (или сибонеев) индейцами Гаити относится, по-видимому, не к Атуэю, а к тем индейцам, что пришли с Гаити раньше и которых Атуэй нашел на Кубе в районе Маиси и с чьего согласия, по мнению Лас Касаса, там обосновался. Теперь яснее становится уже цитированный отрывок, где говорится, что индейцы Гаити перешли на Кубу «по большей части» после прихода испанцев. Лас Касасу, видимо, было известно, что другие индейцы Гаити переходили на Кубу и раньше.

По археологическим данным известно, что первые земледельцы Кубы, занимавшие восточные и центральные провинции острова, пришли с Гаити за несколько столетий до появления испанцев в Новом Свете⁴⁸. Вполне вероятно, что и в последующий период какие-то группы индейцев Гаити перебирались на Кубу. Именно этих индейцев, родственных по языку и культуре индейцам западных районов Гаити, и должен был там найти Атуэй. Это родство было, может быть, причиной того, что переход Атуэя не вызвал военных столкновений между индейцами. Об этом красноречиво свидетельствует письмо губернатора Веласкеса, где он говорит о нежелательности насильственного возвращения индейцев Гаити, находящихся на Кубе, так как пришельцы вступили в брак с местными жителями, и возвращение их назад вызвало бы большое возмущение среди индейцев⁴⁹.

Не совсем ясно происхождение сибонеев. Лас Касас неоднократно сравнивает их по ряду признаков с населением Багамских островов. На Багамских островах нет следов существования докерамических и доземледельческих культур, и керамика Багамских островов наиболее тесно связана с керамикой Гаити⁵⁰. Таким образом, сибоней, возможно, были потомками первых, переселившихся с Гаити земледельцев, происхождение которых было уже забыто. Ни в «Мемориале», ни в «Истории Индии» не говорится о том, где, в каких провинциях жили сибоней. Это дает основание полагать, что, скорее всего, сибонейми недавние пришельцы с Гаити называли всех индейцев Кубы, родственных им по языку, да и, по всей вероятности, и по происхождению с Гаити, о чем уже не сохранилось никаких воспоминаний. Сюда могли входить и «индейцы садов», и потомки первых земледельческих групп на Кубе.

Итак, в конце XV в. на западе острова жили индейцы-гуанакатабен. Язык гуанакатабеев неизвестен, но известно, что он был непонятен аравакским переводчикам Колумба. На востоке Кубы обитали сравнительно недавние пришельцы с Гаити, для которых в источниках не обнаружен особый этноним, и те, кого вытеснила с Гаити испанская колонизация. Между этими группами жили сибоней, в число которых, возможно, входили и «индейцы садов». Сибоней и «индейцы садов» говорили на языке, понятном обитателям Багамских островов, а следовательно, на одном из аравакских языков. О степени родства языка сибонеев и языка обитателей Багам с языками Гаити и с другими языками араваков Больших Антильских островов судить невозможно.

Таким образом, этническая карта данного географического ареала на рубеже XV—XVI вв. предстает в следующем виде. На Багамских островах жили юкайо или лукайо, близкие по культуре сибонейм Кубы и говорившие на языке, понятном всем другим аравакам Больших

⁴⁷ B. de Las Casas, Historia..., т. 2, стр. 507. Неясным и неверным представляется толкование текста Лас Касаса в книге: Б. де Лас Касас, История Индии, Л., 1968, стр. 146. В переводе, данном в этой книге, совершенно теряется фраза о большинстве населения Кубы, пришедшем с Гаити.

⁴⁸ E. Tabío, E. Rey, Указ. раб., стр. 154—157.

⁴⁹ «Colección...», vol. XI, p. 428.

⁵⁰ J. Gronberry, The cultural position of the Bahamas in Caribbean archeology, «American Antiquity», vol. 22, № 1, 1956, p. 128—134.

Антильских островов. Самоназвание индейцев Пуэрто Рико не сохранилось, но известно, что язык их был понятен остальным островным аравакам. Некоторыми чертами культуры они отличались от своих западных соседей. Самоназвания индейцев Ямайки тоже не сохранилось, но и их язык был понятен, а следовательно, родственен языкам других островных араваков. На западе Гаити жили индейцы, резко отличавшиеся по языку и по образу жизни от окружавшего их населения. Среди остального населения Гаити было несколько групп, которые считали одна другую «чужой», хотя и говорили на родственных языках (степень родства была, по-видимому, настолько близкой, что все они понимали друг друга). С полной уверенностью можно выделить только одну из этих групп — индейцев, занимавших северные склоны гор, окаймляющих с севера долину Вега Реаль, называвшихся сигуайи. На Кубе жили гуанакатабей, сибоней и индейцы, приход которых с Гаити был еще на памяти местных жителей — свидетелей появления первых испанских кораблей. Лежащие вблизи побережья Кубы острова занимали индейцы той же языковой группы, что и индейцы центральных и восточных провинций острова.

ТАНГУТСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ

Свыше 750 лет назад в сердце Азии, на территории современных провинций КНР Шэньси и Ганьсу, а также автономной области Внутренняя Монголия существовало тангутское государство Великое Ся (982—1227)¹. Это было государство, населенное тангутами (ми, миняг), тибетцами, уйгурами и китайцами. Тангуты-миняг составляли самую большую по численности и господствующую по своему положению часть населения Великого Ся. Воспринимая лучшие достижения культуры своих соседей — сунского Китая, Тибета, уйгуров — тангуты создали свою самобытную культуру ставшую неотъемлемой частью культурно-исторического прошлого Центральной Азии. Творческие силы тангутского народа нашли выражение в знаменательном факте создания своей оригинальной письменности, развитии и совершенствовании своей музыкальной культуры, создании своей оригинальной школы буддийской живописи, в расцвете тангутоязычной светской и буддийской литературы.

Благодаря трудам известного русского путешественника по Центральной Азии П. К. Козлова часть памятников тангутской культуры, случайно избежавших гибели в одном из субурганов пограничного города тангутского государства Эдзина (позднейшее монгольское название Хара-Хото), стала достоянием современной науки. Достижения исследователей за последние десять лет², в особенности советских ученых, сделали возможным прочтение тангутских рукописей и старопечатных книг (ксилографов).

Тангутская литература даже в той своей незначительной части, в которой она сохранилась, интересна и многообразна. И пожалуй, на наш взгляд, одним из самых любопытных ее образцов является книга тангутских изречений — замечательный памятник тангутской литературы и один из интереснейших памятников центральноазиатского фольклора. Это ксилограф, размером 21,5×15 см, сброшюрованный «бабочкой», объемом в 31 лист тангутской пагинации, что соответствует 62 современным страницами. Хранится он в тангутском фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР³.

Судя по предисловию и послесловию, к сожалению, очень плохо сохранившимся, составитель сборника «Изречений» Лян Дэ-ян, чиновник цензората и преподаватель тангутской Академии, скончался в 1176 г., не завершив своего труда. Только через десять лет после его смерти, в

¹ Подробно о нем см.: Е. И. Кычанов, Очерк истории тангутского государства, М., 1968.

² Н. А. Невский, Тангутская филология, исследования и словарь в двух книгах, М., 1960; Нисида Тацуо, Исследование языка Си Ся, т. I, Токио, 1964, т. II, Токио, 1966; М. В. Софронов, Грамматика тангутского языка, кн. 1, 2, М., 1968; «Море письмен», ч. 1, 2, пер. с тангутского, вступительные статьи и приложения К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского, М., 1969.

³ Тангутский фонд Ленинградского отделения Ин-та востоковедения АН СССР (далее ЛО ИВАН), инв. № 765. Краткое описание см.: «Тангутские рукописи и ксилографы», составители З. И. Горбачева и Е. И. Кычанов, М., 1963, стр. 59.

августе 1187 г., другой ученый Ван Жэнь-чи довел до конца начатое Лян Дэ-яном дело и издал сборник под названием «Вновь собранные драгоценные парные изречения».

Н. А. Невский полагал, что основной составитель сборника Лян Дэ-ян, «судя по фамилии и имени», был китайцем⁴. Однако думается, что это не так. Род Лян известен у тангутов с VI в., он был правящим данчанским родом⁵. В X в. были известны тангутские (дансянские) роды Большой и Малый Лян⁶, а в XI в. семья Лян играла большую роль в управлении тангутским государством⁷. Выходцами из этой семьи были три императрицы и два главы правительства. Китайские авторы тех лет, которые много писали о семье Лян как о возможном конкуренте правящей семьи Вэймин в борьбе за тангутский престол, ни разу не называют ее китайской⁸. Думается, что Лян-Дэ-ян, который, кстати, упоминается в тангутских памятниках неоднократно⁹ и который, судя по всему, был выдающимся представителем тангутской культуры XII в., принадлежал к этой известной и древней семье Лян, т. е. был тангутом, а не китайцем.

Тангутские изречения представляют собой парные фразы, от 3 до 18 знаков в каждой, рифмованные и не рифмованные, со смысловым, морфологическим и синтаксическим параллелизмом и строгим параллелизмом цезуры. Например:

Овец имеющий, занимается скотоводством в горных
областях тангутской земли.
Деньги имеющий, ищет выгоды в торговле с китайскими
купцами¹⁰.
Гнилое мясо не срежешь — язва не заживет.
Занозу из ноги не вытащишь — от хромоты не избавишься¹¹.

Определяя характер тангутских «парных изречений», первый их исследователь Н. А. Невский писал, что «они весьма напоминают наши пословицы» и в них «можно распознать и образцы настоящего народного творчества или фольклора, выражающего народную мудрость»¹². То, что подавляющее большинство тангутских изречений, представленных в нашем сборнике, — пословицы, нам также кажется несомненным. Вместе с тем наряду с пословицами в сборнике имеется некоторое количество изречений, которые, возможно, были индивидуально-авторскими или даже специально написанными для данного сборника. К числу таковых могут быть отнесены первое и второе изречения сборника:

Правила вежливости и изящные выражения тангутов
ненсчерпаемы.
Тангутские изречения говорят (повсеместно?)¹³.

или

В золотой башне, в яшмовом дворце Небесный владыка
восседает.
Небесной дорогой, облачным путем солнце (и луна плывут?)¹⁴.

и некоторые другие.

⁴ Н. А. Невский, Указ. раб., кн. 1, стр. 92.

⁵ «Бэй ши», гл. 96, изд. в серии «Сыбу бэйяо», Шанхай, без даты, стр. 864.

⁶ См. «Сун ши», гл. 491.

⁷ Е. И. Кычанов, Указ. раб., гл. V.

⁸ См. Ли Тао, Сой цзы чжи тун цзянь чан бянь, Чжэцзян, 1881, гл. 407, стр. 20 а, б.

⁹ Н. А. Невский, Указ. раб., кн. 1, стр. 120; см. также «Словарь синонимов», тангутский фонд ЛО ИВАН, инв. № 2539.

¹⁰ «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 2 а.

¹¹ Там же, стр. 11 б.

¹² Н. А. Невский, Указ. раб., кн. 1, стр. 91.

¹³ «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 2 а. Последние два знака изречения не сохранились.

¹⁴ Там же.

Такие изречения в какой-те мере можно попытаться сопоставить с китайскими изречениями, известными как лянцзюй (ляньюй, дуйлянь, инлянь) — «парные изречения». Точнее, их можно сопоставить с одной из разновидностей лянцзюй. Тематика лянцзюй чрезвычайно разнообразна — от лирико-пейзажных двустий¹⁵ до нравоучительных сентенций по любому поводу, но она в целом довольно четко отличается от пословиц, хотя и некоторые из пословиц могли стать лянцзюй, а отдельные лянцзюй — войти в пословицу¹⁶. Лишь немногие тангутские изречения нашего памятника могут быть сопоставлены с люянцзюй-словами типа:

Императорские добродетели постоянно возвышаются над
северными дворцовыми воротами.

Грозное величие повсеместно озаряет южное небо¹⁷.

Но они не являются характерными для всего сборника в целом. Фактически мы имеем дело со сборником тангутских пословиц¹⁸, с достаточным древним и хорошо датированным памятником центральноазиатского фольклора.

В связи с этим важной проблемой является определение места тангутских пословиц среди аналогичных памятников фольклора народов Центральной Азии.

Наиболее ранним известным нам памятником такого рода являются «Изречения матери Сумпа» — список пословиц из Восточного Тибета, район Сунпань, провинция Сычуань, найденный в Дунхуане и датированный их издателем и переводчиком Ф. В. Томасом приблизительно IX—X вв.¹⁹ «Изречения матери Сумпа», которые Ф. В. Томас также определяет как пословицы²⁰, сохранились в тибетском переводе, но, по словам Томаса, «оригинальный язык Сумпа не мог быть тибетским»²¹, а являлся тибето-бирманским языком района Сунпань. Следует отметить, что тангуты Си Ся были выходцами именно из этого района и переселились на территорию Ордоса в VII и VIII вв.²² Поэтому «Изречения матери Сумпа» — в известной мере прямой предшественник тангутских изречений²³,

¹⁵ Образцы лирических лянцзюй, правда не китайских, а корейских, абсолютно аналогичных китайским, см. в: «Пэкрён чхохэ», антология лирических стихотворений рёнгу с корейским переводом. Издание текста, перевод и предисловие Д. Д. Елисеева, «Памятники литературы народов Востока», тексты, малая серия, VI, М., 1960.

¹⁶ Исследование связи тангутских изречений с китайскими лянцзюй не входит непосредственно в нашу задачу. Отметим только, что не исключено, что именно тангутско-тибетские парные изречения могли, возможно, оказать влияние на появление жанра лянцзюй в китайской литературе. По мнению некоторых китайских авторов, этот жанр как самостоятельный появился в Китае в X в., в период Пяти династий (см. Лю Ю Лян-шэн, История китайского парного стиля, серия «Чжунго вэнхуа ши цуншу», Шанхай, 1936—1937 гг., стр. 145) и впервые в Шу, в Сычуани, т. е. области, непосредственно соприкасавшейся с Восточным Тибетом (см. Цюй Ин-шэн, Избранные нилыя эпохи Сун, Бэйпин, 1932, стр. 1 а).

¹⁷ Чжоу Ши-дэ, Собрание танских дуйлянь, раздел «император». Рукопись Пекинской государственной библиотеки, предисловие датировано 1741 г., без пагинации.

¹⁸ Пословицу в данном случае мы понимаем так, как трактуют ее последние советские исследования. См.: В. П. Аникин, Мудрость народов, «Пословицы и поговорки народов Востока», М., 1961, стр. 8.

¹⁹ F. W. Thomas, Ancient folk-literature from north-eastern Tibet, Akademie Verlag, Berlin, 1957, p. 108.

²⁰ Там же, стр. 103.

²¹ Там же, стр. 106.

²² См. Яматото Сумико, О переселениях дансянов в эпоху Тан, «Сикан», т. 26—27; Окадаки Сэйро, Распространение дансянов в эпоху Тан, «Тохоши ронсо», т. I, 1947; Е. И. Кычанов, К вопросу о происхождении тангутов, «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 148—160.

²³ Возможно, что и «Изречения матери Сумпа» и тангутские изречения были в своем далеком прошлом как-то связаны с древнеиндийскими субхашита — «изысканными изречениями», частично схожими с ними по форме и также фольклорными в своей основе. Субхашита проникли в буддийскую литературу и, благодаря последней, могли получить распространение в Тибете и Центральной Азии. О субхашита см.: M. Winternitz, Geschichte der indischen Literatur, Leipzig, 1920, S. 133—155.

а тот факт, что они древнее нашего памятника приблизительно на три века, свидетельствует о распространённости этого жанра среди племен Восточного Тибета и его популярности за пределами этого района (тибетский перевод памятника был найден в Дуньхуане).

Пословицы из сборника «Изречения матери Сумпа», как и тангутские пословицы, построены по принципу параллелизма, что хорошо заметно даже в их тибетском переводе. Помимо сходства формы, сходна во многом и тематика пословиц, особенно тех, которые посвящены нравоведению о почитании родителей, воспитании детей и т. п. Например:

Сын мудрее отца — огонь, пущенный на луговину,
Сын хуже отца — кровь, разбавленная водой.

(«Изречения матери Сумпа») ²⁴

Доблестный сын возмужал — скалы опасные преодолеет,
Слабый сын вырос — за ворота (выйти боится) ²⁵.

(Тангутское изречение).

Оба сборника подчеркивают практический характер изречений как сокровищницы житейской мудрости. В предисловии к тангутскому сборнику говорится, что Лян Дэ-ян «разыскал изящные изречения, касающиеся ведения разного рода дел», а в заключительной части «Изречений матери Сумпа» прямо дается совет: «а посему усвой наставления мудрой, доброй матери, тесно связанные с успехами в жизни» ²⁶.

Таким образом, сопоставляя эти сборники, мы можем заключить, что истоки тангутских изречений так же древни, как история самого тангутского народа. Корни их мы находим в тех же районах, выходцами из которых были и сами тангуты.

Тангутские пословицы имеют сходство с пословицами многих народов Центральной Азии. Сопоставления показывают, что по своей форме и во многом по характеру образов тангутские пословицы близки тибетским, монгольским, бурятским, калмыцким, маньчжурским, тувинским, шорским и, в какой-то их части, уйгурским, киргизским, казахским, китайским, якутским пословицам. Те особенности формы, которые являются характерными для тангутских пословиц того типа, который зафиксирован в нашем сборнике, очень широко представлены в пословицах народов Центральной Азии или даже являются, по-видимому, господствующей формой пословицы у отдельных народов. Мы, по всей видимости, имеем дело именно с центральноазиатским комплексом. Поэтому, может быть, есть некоторые основания поставить вопрос о выявлении одного из типов древней центральноазиатской пословицы, хотя, разумеется, вскрытие причин сходства в определенном типе пословиц у указанных народов потребует больших и специальных исследований. Пока можно было бы отметить такие факторы, как взаимное влияние, связанное с территориальной близостью этих народов, и общие условия жизни, выражающиеся прежде всего в ведении скотоводческого хозяйства. Это порождало появление в пословицах близких образов, например:

Позже родившиеся рога перерастают ранее родившиеся уши.

(Байтская пословица) ²⁷.

Уму непостижимо, чтобы сын был более достойным, чем отец.

Глазам своим не веришь, чтобы уши были длиннее, чем рога.

(Тангутская пословица) ²⁸.

Можно указать и на прямое совпадение пословиц:

²⁴ F. W. Thomas, Указ. раб., стр. 109.

²⁵ «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 4 б.

²⁶ F. W. Thomas, Указ. раб., стр. 111.

²⁷ А. Бурдуков, Образцы байтских пословиц, «Живая старина», вып. III, 1910, стр. 1—6.

²⁸ «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 14 а.

Обеднел человек — и желания его ограничены, и руки
короче прежнего,
Одряхлела лошадь — и шерсть у нее длинная и корму ей
не дают.

(Тангутская пословица) ²⁹.

У худой лошади шерсть длинная,
У нерадивого человека ум короткий.

(Маньчжурская пословица) ³⁰.

Когда человек беден, так ум короткий,
Когда лошадь похудеет, так волосы у нее длинные.

(Китайская пословица) ³¹.

Для всех центральноазиатских пословиц характерно использование образов, порожденных практикой скотоводческого хозяйства, определенных типов сопоставлений, например человека и лошади.

Если на лошади округи не объедешь — не годится она для
верховой езды,

Если скота не сосчитать — хозяин только им и занимается ³².
(Тангутская пословица).

Кони узнают друг друга по ржанию,
Люди знакомятся, разговаривая друг с другом ³³.

(Шорская пословица).

Задатки хорошего человека с детства видны.
Задатки богатырского коня с жеребенка видны.

(Бурятская пословица) ³⁴.

Виноватый человек оглядывается,
Шелудивая лошадь хвостом обмахивается ³⁵.

(Монгольская пословица).

Приведенные примеры — не свидетельство случайных совпадений или заимствований. Это отражение реальных условий жизни и быта целой группы народов Центральной Азии, закрепленное в пословицах, ибо, как отмечал А. М. Горький, «пословицы и поговорки образцово формируют весь социально-исторический опыт трудового народа» ³⁶.

Тангутские пословицы — важный источник изучения всех сторон жизни тангутского государства. Уже из цитированных выше пословиц хорошо видна главенствующая роль скотоводческого хозяйства в экономике тангутов. Она подчеркивается и особой пословицей, в которой скотоводство названо первым среди трех основных видов хозяйственной деятельности:

Три светлых начала имеются в мире: скотоводство и
земледелие — два и торговля — это три.

Три темных начала не должны бы оставаться, да есть:
разбой и ложь — два и распутство — это три ³⁷.

Многие пословицы свидетельствуют о социальном неравенстве в тангутском государстве:

У знатного перед входом в дом люди жестокосердные стоят,
У богача во дворе злая собака живет ³⁸.

К знатному в кабалу попал — дни считаешь,

В стужу попал — ждешь теплой погоды ³⁹.

В пурпурные одежды одетому — все кланяются,

По сравнению с тем, кто сел первым, остальные ниже
сидятся ⁴⁰.

²⁹ Там же, стр. 26.

³⁰ «Chrestomatie Mandchou ou Recueil de textes Mandchou par J. Klaproth», Paris, 1828, № 4.

³¹ В. П. Васильев, Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии, СПб., 1883, стр. 2.

³² «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 11 а.

³³ Н. П. Дыренкова, Шорский фольклор, М.—Л., 1940, стр. 349.

³⁴ Н. О. Шаракинова, Бурятский фольклор, Иркутск, 1959, стр. 68.

³⁵ «Пословицы и поговорки народов Востока», стр. 387.

³⁶ М. Горький, Собрание сочинений в 30 томах, т. 24, М., 1953, стр. 493.

³⁷ «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 29 а.

³⁸ Там же, стр. 4 б.

³⁹ Там же, стр. 5 а.

⁴⁰ Там же, стр. 3 а.

Из китайских источников известно, что знатные тангутские чиновники носили одежды пурпурного (фиолетового) цвета ⁴¹.

Изучение художественных особенностей тангутских пословиц должно вестись в сопоставлении со всем центральноазиатским комплексом пословиц. Мы можем указать на тот факт, что, как и в пословицах других народов центральной Азии, смысловой параллелизм в тангутских пословицах основывался на принципах (по классификации Д. Д. Елисеева) ⁴²:

а) усиления:

Пусть лучше я буду съеден тигром в горах, чем лисцей
в низине.

Уж лучше я буду плакать вместе с человеком достойным,
чем радоваться вместе с подлецом ⁴³.

б) сравнения:

Камень в рисе хоть сто лет вари — каши не сварить,
Со злобой в сердце хоть десять тысяч дел переделай —
толку не добьешься ⁴⁴.

в) противопоставления:

Птицы с доблестным сердцем, мясом питающиеся, распола-
гаясь на отдых, отдельно друг от друга сидят,

Птицы с робким сердцем, грязью питающиеся, улетаая, в
стаи собираются ⁴⁵.

г) повтора:

Пятый месяц, как верблюд состарится и упадет,
Десятый месяц, как олень, скроется и уйдет ⁴⁶.

Когда смысл обоих стихов пословичного двустипшия одинаков, то усиливать, оттенять уже выраженную мысль может как первый, так и второй стих. В пословице:

Травы зеленеют и травы увядают — увядают год за годом,
Молодые умирают и старятся — старятся поколение за
поколением ⁴⁷.

Основную мысль пословицы — быстротечность жизни, неизбежность смерти каждого — выражает второй стих, а первый служит как бы зачином. Но иногда и наоборот второй стих может усиливать, еще раз повторять мысль, уже высказанную ранее в первом стихе:

Река ото льда освободилась, а душа не оттаяла,
На земле все цветет, а на душе по-прежнему холод ⁴⁸.

Ряд пословиц построен в форме вопроса:

Если даже от участия в войне уклонился, разве будешь
жить вечно?

Если даже будешь скаредничать, разве скот не
исчерпается? ⁴⁹.

Другие — категорического отрицания:

Мрак со светом быть вместе не могут,
Слабый с сильным дружить не в состоянии ⁵⁰.

В пословицах чрезвычайно широко использованы тонкие наблюдения над жизнью животных. Они вводят нас в реальный мир тангута-скотово-

⁴¹ Сун ши, гл. 485, стр. 3786.

⁴² «Пэкрен Чхохэ», стр. 11.

⁴³ «Вновь собранные драгоценные парные изречения», стр. 20 б.

⁴⁴ Там же, стр. 19 б.

⁴⁵ Там же, стр. 17 б.

⁴⁶ Там же, стр. 16 б.

⁴⁷ Там же, стр. 4 б.

⁴⁸ Там же, стр. 10 а.

⁴⁹ Там же, стр. 14 а.

⁵⁰ Там же, стр. 4 б.

да со всеми его радостями и горестями, они — подлинная сокровищница народной мудрости, накапливаемой столетиями и, благодаря трудам Лян Дэ-яна и Ван Жэнь-чи, дошедшей до нас сквозь века. Любопытно, что в пословицах совершенно отсутствуют буддийские и конфуцианские мотивы.

О популярности пословиц среди самих тангутов говорит уже тот факт, что они были специально изданы ксилографическим способом, т. е. имели своего широкого читателя. Известен и рукописный список тангутских пословиц, аналогичный нашему⁵¹. Сам факт собирания и систематизации пословиц свидетельствует о высоком уровне тангутской культуры.

Мы сделали попытку ознакомить читателя лишь с первыми результатами работы над этим интереснейшим памятником. Издание полного перевода «Вновь собранных драгоценных парных изречений» и их дальнейшее исследование, думается, будут полезны для изучения фольклора народов Центральной Азии.

⁵¹ Рукописный свиток с текстом тангутских пословиц хранится в Британском музее. Пользуясь случаем, автор выражает благодарность бывшему хранителю музея Э. Д. Гринстэду за присланные копии этих текстов.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Р. Л. Садоков

ЗАГАДОЧНЫЕ ГЛИНЯНЫЕ МУЗЫКАНТЫ

Музей под ногами

Каждую древнюю крепость в Хорезме, как бы она ни была занесена песком, всегда окружает такыр — плотная глинистая площадка, иногда значительных размеров — до нескольких квадратных километров. К такырам археологи питают особую любовь. Это — музей под открытым небом. Дело в том, что в древности на месте такыров были поля, арыки, улицы и переулки. Теперь все это исчезло, а на поверхности рассыпано огромное количество обломков древней глиняной посуды. И не только посуды.

Древние дехкане, возделывая тяжелую глинистую почву, впахивали туда всякий мусор из своих домов и дворов, от чего земля становилась более рыхлой. Скажем, разбился в доме кувшин — его обломки складывают в определенном месте. Подметает хозяйка дом и двор — мусор собирает в ту же кучу. А весной все это «добро» вывозится на поля. Кроме того, тогдашние жители удобряли почву землей и из древних построек. Стоит, например, рядом с поселком старая крепость. Земля, взятая из ее развалин, богата селитрой. А в той земле обломки древних кирпичей, посуда, уголь, кости и т. д. Таким образом, каждая бахча или виноградник со временем превращались в музей, открытие которого могло состояться лишь через несколько столетий, а то и тысячелетий. И единственные посетители его — археологи.

Бродить по такырам исключительно интересно. Здесь можно найти многое: бронзовые наконечники стрел и монеты, яркие обломки глиняной посуды, разноцветные бусы, от самых крошечных до больших, золотые и серебряные украшения (кольца, перстни, серьги), глиняные изображения птиц, животных, древнее оружие — словом все, что сопровождало древним хорезмийцам при жизни, а потом было выброшено, развеяно, выметено, утеряно и распахано.

Среди вещей, подобранных археологами на такырах, иногда попадались глиняные статуэтки женщин и мужчин. Это прекрасные реалистические изображения стоящих и сидящих, роскошно и просто одетых, улыбающихся и хмурых древних хорезмийцев и хорезмийцев.

Терракоты невелики — 10—12 см высоты, причем они всегда плоские сзади и рельефные с лицевой стороны. Каждая фигурка не была оригинальным произведением, они оттискивались в специальных глиняных формочках в огромных количествах. Материал для статуэток — гончар-

ная глина — тщательно и круто замешивался, и после того как статуэтка вынималась из формы, она слегка правилась, а затем ровно и долго обжигалась. По качеству глины и обжига некоторые статуэтки напоминают древневавилонские клинописные таблички, они очень тяжелые и как бы отполированные.

Их можно рассматривать подолгу. До чего же хорошо видно, как их делали! Вот мастер вынул фигурку из формы, на влажной глине остались отпечатки его пальцев. Следы четкие, глубокие, кажется, что это было только вчера. Статуэтка шероховата, местами неровна, кое-где расплылась. Мастер правит ее. В одном случае он вооружен лишь пучком травы и, как наждачной бумагой, «шлифует» им спинку терракоты. От этого на ней остаются неровные царапинки-линии. Другой гончар более смел, более точен: острым ножом с пока еще влажной статуэтки снимает он глиняную стружку. Фигурка становится похожей на аккуратный плоский брусочек. Третий мастер любит расписываться. На каждой статуэтке он царапает какой-то значок — может быть «герб» рода, к которому он принадлежит, а может быть, и свое личное клеймо.

Безголовые боги

На столе передо мной шесть небольших красно- и желтоглиняных статуэток. Они изображают древнехорезмийских музыкантов, игравших на своих инструментах около двух тысячелетий назад. Много воды утекло с тех пор: приходили и уходили хорезмшахи, рушились старые и возникали новые города; тысячи рабов под ослепительно жгучим солнцем рыли большие и малые каналы; зеленели в пустыне оазисы, а затем неожиданно и бесследно исчезали. Как узнать обо всем этом? Где извечное и преходящее? От тех лет осталось так мало... Кусочки, обломки, обрывки... Много это или мало? Сравнительно с тем, что было, — мало, по сравнению с тем, что мы знаем, — очень много. И вот, изучая этих музыкантов с инструментами, начинаешь понимать истоки своеобразия древнехорезмийской музыки, начинаешь «слышать» ее, но для этого нужно не один год, а может быть и не одно десятилетие провести в развалинах под небом древней земли, прокладывая путь в веках острием своего археологического ножа.

Как выглядят глиняные музыканты?

Прежде всего поражают их костюмы. Первый музыкант одет весьма своеобразно — в кафтан и штаны. Штаны широкие, собранные в многочисленные складки у колен и заправленные в мягкие, высокие сапоги. Кафтан короткий, в талию, запахнут справа налево. Кроме того, с¹тянут еще широким поясом¹.

Музыкальный инструмент — узкий, вытянутый, с небольшим, шести угольным в плане резонатором и длинным грифом, на котором натянуты две струны, — необычен по положению в руках музыканта: грифом вниз, к левому бедру, а торцом резонатора к правому плечу.

Вторая статуэтка изображает музыкантшу. Она одета донельзя пышно. Вообще следует сказать, что в Хорезме найдено огромное количество терракот, в которых запечатлены женские образы. Это целая портретная галерея, и возможно, в будущем она представит определенный интерес для искусствоведов и антропологов, но сразу бросаются в глаза костюмы хорезмиек. Посудите сами, на нашей музыкантше длинное, до пят облегающее платье, расклешенное внизу. С правого плеча к щиколотке левой ноги, наискось через все туловище, падает широкий

¹ Характерно, что мужчины современного Хорезма носят пиджаки городского покроя, стягивая их в талии широкими кожаными офицерскими ремнями или цветными платками, и брюки, заправленные в сапоги.

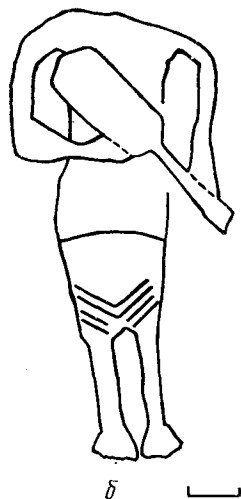

Рис. 1. Терракотовая статуэтка музыканта. Кой-Крылга-Калз, первые века н. э.; а — общий вид, б — прорисовка

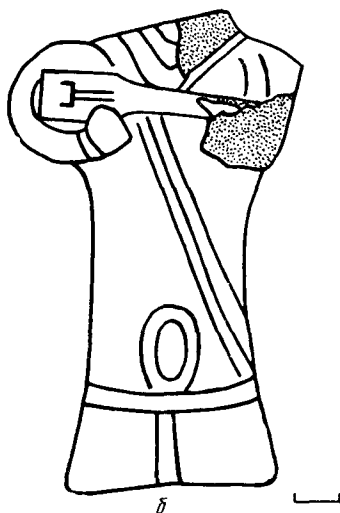

Рис. 2. Терракотовая статуэтка музыкантши в пышном платье. Окрестности Кой-Крылган-Калы, первые века н. э.; а — общий вид, б — прорисовка

шарф. Внизу он слегка стягивает платье вокруг ног и, пропущенный под ним, немного приподнимает подол. Конец шарфа завязан каким-то невероятным бантом. Можно представить, какое впечатление производила одетая подобным образом восточная красавица на гостей хорезмшаха, самодовольно демонстрирующего ее искусство и, конечно же, красоту.

Музыкальный инструмент, который она держит в руках, несколько иных очертаний, чем у первого музыканта. У него небольшой, пятиугольный в плане корпус и широкий длинный гриф, струны две, но положение инструмента другое, оно, в отличие от первого инструмента, горизонтальное.

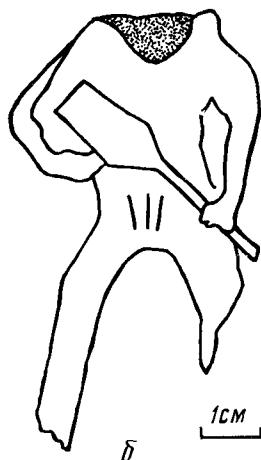

Рис. 3. Терракотовая статуэтка сидящего музыканта. Окрестности Кой-Крылган-Калы, первые века н. э.; *а* — общий вид, *б* — прорисовка

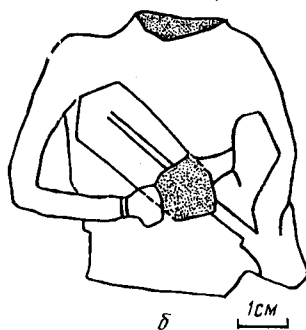

Рис. 4. Терракотовая статуэтка музыканта. Окрестности Кузы-Крылган-Калы II, первые века н. э. *а* — общий вид, *б* — прорисовка

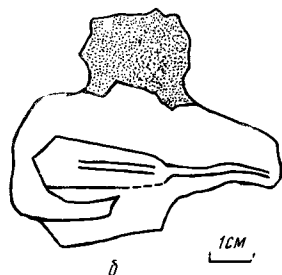

Рис. 5. Терракотовая статуэтка музыканта. Окрестности Ангка-Калы, первые века н. э.; *а* — общий вид, *б* — прорисовка

Среди терракот есть глиняный музыкант, играющий на двуструнном инструменте, аналогичном инструменту музыкантши в пышном платье. Он усат, бородат, на голове у него островерхая шапка. Он сидит на небольшом возвышении, слегка расставив ноги. К сожалению, сказать, во что он одет, нельзя — время, ветер, дождь и солнце «раздели» его донага. Не избежал этой участи и третий музыкант, но на его бедрах остались следы складок шаровар. Очевидно, он был одет так же, как и первый, стройный, подтянутый музыкант. Интересно, что положение инструментов в двух последних случаях одинаково — грифом вниз.

Остальные две фигурки плохо сохранились, но инструменты видны хорошо и очень напоминают инструмент первой статуэтки: они крупные, с шестиугольными в плане резонаторами, на каждом из них натянуты две струны.

Костюмы древнехорезмийских музыкантов очень разнообразны. При этом можно отметить сходство некоторых костюмов, например у мужчин, играющих на разных инструментах. Все это говорит об огромной роли костюма в древней музыкальной культуре. Случайности здесь не было и не могло быть. Это тот пункт, который почему-то не учитывается историками музыки. Мы коснемся этого вопроса ниже, а сейчас обратим внимание на одну любопытную особенность терракот — почти все фигурки еще в древности разбиты. Из шести глиняных музыкантов только у одного сохранилась голова, у остальных она совсем или почти совсем отбита. А над двумя музыкантами «измывались» основательно: вместе с головами им отбили нижние части туловищ. Таким образом, у пяти музыкантов голов нет, у одного есть, он в шапке; двое сидят, двое стоят; про оставшихся двух — тех, у которых отбиты ноги, нельзя сказать, сидят они или стоят. Но весь секстет роднит одно: во всех случаях сохранились рельефные изображения двухструнных музыкальных инструментов, относящихся к группе щипковых.

Разбитые статуэтки — это древнейших культов умирающего и воскресающего бога плодородия земли. Их били в канун нового года, покупая новых глиняных божков (символ воскресшего божества) на специальном праздничном базаре. А тех, старых, выбрасывали. Если на открытое место, в поле, тогда осколки бывших богов попадали во власть всех ветров, дождей и песчаных бурянов. В таких условиях даже камень — и тот превращается в пыль, не говоря уже о хрупких комочках глины. Но некоторым статуэткам везло. Они терялись прямо под ногами, потом их засыпало, придавливало, и в конце концов они, словно феникс из пепла, являлись изумленным археологам во всей своей многовековой прелести. Правда, увы, без голов.

Вернемся, однако, к хорезмийским двустрункам. Чем они замечательны?

Во-первых, тем, что они образуют четкую группу однотипных инструментов. Их видно сразу, они не похожи ни на какие другие: у каждого по две струны, а корпус шестиугольный или пятиугольный в плане. Причем шестиугольные довольно крупные, а пятиугольные небольшие. Манера игры на тех и других двоякая: инструмент держится горизонтально или наклонно — наискось через торс — грифом вниз. Замечу, что последнее положение, видимо, наиболее употребительно: в четырех случаях из шести оно именно таково. Во-вторых, двуструнки, как мы увидим ниже, очень зримо говорят о северных связях Хорезма, о дружественных отношениях со степным скотоводческим миром, обеспечивавшим Хорезму прочный тыл во время различных исторических событий.

И вот, чтобы понять и развить эти последние два пункта, нужно выяснить еще один вопрос: откуда эти статуэтки, в каких именно местах Хорезма они найдены?

У меня в руках небольшая колода плотных бумажных карточек, где указаны год, место находки каждого музыканта и его порядковый номер. Это паспорт статуэтки (как, впрочем, и любой другой археологической находки). Без паспорта вещь безлика так же, как человек без имени. Раскладываю пасьянс: возле каждой статуэтки кладу ее карточку. Читаю: первая статуэтка найдена на Кой-Крылган-Кале («Крепости погибших баранов», IV в. до н. э.— IV в. н. э.), в среднем слое, в глубокой яме и датируется первыми веками нашей эры.

Вторая статуэтка, та, которая изображает музыкантшу с шарфом, найдена тоже на Кой-Крылган-Кале, только не в самой крепости, а недалеко от нее, на такырах. Датируется она тоже первыми веками нашей эры.

Конечно, ничего удивительного в находке двух музыкантов в одной крепости не было. Всякое случается. Но когда вслед за ними появилась еще одна статуэтка и тоже из окрестностей Кой-Крылган-Калы, я насторожился.

Три! Три музыканта из одного только места: Кой-Крылган-Калы! Что за удивительная крепость! А другие статуэтки, откуда они?

В общем, тоже из одного места. Это к югу от Кой-Крылган-Калы, примерно в 5—10 км. В самой пустыне, на занесенных кызылкумскими песками такырах, близ крепостей с современными экзотическими названиями: Базар-Калы, Ангка-Калы и Кузы-Крылган-Калы².

Впоследствии оказалось, что при раскопках Кой-Крылган-Калы найдены еще два фрагмента глиняных изображений музыкантов — арфиста с арфой³ и кифареда с кифарой. Оба изображения датируются IV—III вв. до н. э. Эти находки, а также находки терракот-музыкантов с хорезмийскими двуструнками заставляют признать, что Кой-Крылган-Кала в нашем музыкальном путешествии должна занять не последнее место.

Построенная вскоре после освобождения от ахеменидского владычества, эта крепость-храм не могла, естественно, быть свободной от влияния культуры ахеменидского Ирана. Об этом свидетельствует, например, изображение большой угловой арфы на гончарном рельефе, найденном на Кой-Крылган-Кале. История этого инструмента — детища юга — протягивает четкую ниточку от всей культуры стран классического Востока — через ахеменидский Иран — к Средней Азии и Хорезму. Это неудивительно, ведь Хорезм был составной частью XVI сатрапии Ахеменидов⁴.

Кроме того, Кой-Крылган-Кала, как культовый памятник, генетически связан с приаральскими мавзолеями скифского народа саков. Вот на этом моменте мы остановимся подробнее.

Еще во время раскопок центрального здания Кой-Крылган-Калы было замечено, что планировка помещений нижнего этажа, круглого в пла-

² «Кала» во всех случаях значит «крепость». «Ангка» — имя мифической гигантской птицы, «Кузы-Крылган-Кала» — «Крепость погибших ягнят».

³ См. Р. Л. Садоков, Тайна сладкозвучной арфы, «Сов. этнография», 1970, № 2.

⁴ Изображение древнехорезмийской кифары не следует связывать с влиянием греческой культуры, так как никаких следов этого влияния в Хорезме пока не обнаружено. Но существуют поверья, связывающие происхождение некоторых среднеазиатских музыкальных инструментов, например, «кус нагора» с именем Александра Македонского. Когда был завоеван Иран и Туран, Александр приказал четыремстам ученым изобрести инструмент, звук которого был бы слышен на 18 таш, т. е. на 144 версты. Такой инструмент был создан, назвали его «кус нагора». Это два огромных глиняных котла, устья которых обтянуты оленьей кожей. Если ударить по такой мембране деревянной колотушкой, то получится очень гулкий, далеко слышимый звук. На «кус нагора» выбивали особый звук, имитирующий азиатское имя Александра: «Искандер! Искандер!». Конечно, легенда есть легенда, однако еще в прошлом веке в Бухаре на крышах некоторых домов стояли огромнейшие барабаны, звук которых, по свидетельству русских путешественников, был слышен за несколько верст (В. Крестовский, В гостях у эмира бухарского, СПб., 1887, стр. 179).

Рис. 6. Развалины Кой-Крылган-Калы. При раскопках этой крепости-храма, а также в окрестностях найдена большая часть терракот с изображениями древнехорезмийских музыкантов

не, крестообразна. Создавалось впечатление, будто в круг вписан равно-сторонний крест. Что это — случайность или преднамеренность?

Оказалось, что не случайность.

На староречьях Сырдарьи — далекой северо-восточной окраине Хорезма — жили могущественные сако-массагетские племена среднеазиатских скифов, родственные древним хорезмийцам. Оставленные ими погребальные сооружения объяснили происхождение креста, заложенного в планировке комнат нижнего этажа Кой-Крылган-Калы. Именно такой

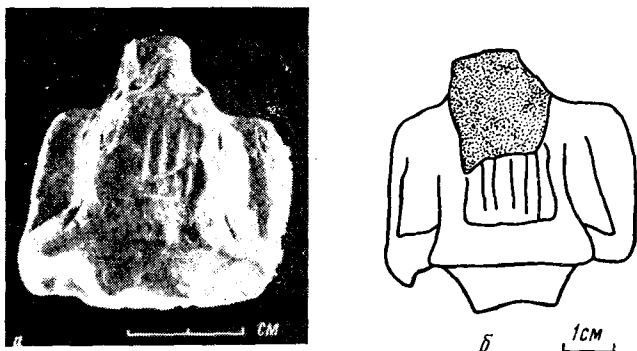

Рис. 7. Терракотовая статуэтка кифареда. Кой-Крылган-Кала, IV—III вв. до н. э.; а — общий вид, б — прорисовка

планировочный принцип и был в погребальных постройках на Сырдарье. Возводились они в строгом соответствии с религиозными представлениями сако-массагетов, главным божеством у которых было солнце. Крест, вписанный в круг, символизировал солнечное божество.

Хоронили умерших сако-массагеты по-разному, но в основном трупы либо зарывали в землю, либо сжигали. В обоих случаях обряд погребения был довольно сложный. Главным в ритуале сожжения было огненное кольцо, внутри которого возлежал покойный. Если это был простой скиф, то поджигался и горел, попросту говоря, деревянный забор, построенный кольцом вокруг умершего. Для знатных людей возводились целые глиняно-деревянные мавзолеи, архитектура которых была ус-

ложнена целым рядом замысловатых пристроек, колонн и т. д. В некоторых случаях такие мавзолеи по своим размерам почти не уступают Кой-Крылган-Кале. Можно представить себе то грандиозное впечатление, которое производил чудовищный ком бушующего огня. В этом гудящем, сыпавшем миллионами искр пламени происходило таинственное переселение умершего в загробный мир.

Кой-Крылган-Кала тоже горела, точнее, горел второй этаж. Некоторые археологи предполагают, что этот пожар не был случайным, что на Кой-Крылган-Кале, как и на сырдарьинских мавзолеях, существовал обряд трупосожжения. Исходя из всего этого, можно говорить о внутренней, генетической связи культуры Кой-Крылган-Калы с культурой степного скифского севера. Причем связь эта устойчивая, древняя, ее корни уходят в глубь тысячелетий.

С незапамятных времен древнехорезмийская цивилизация находилась в тесном соседстве с северными степными племенами. Уже в эпоху неолита, т. е. с конца IV тысячелетия до н. э., территория Хорезма была «зоной контактов между Югом, с его древними земледельческими традициями и более высокой культурой, и Севером — своеобразной варварской периферией Юга, областью расселения охотников и рыболовов»⁵. Впоследствии, в эпоху хорезмийской бронзы (начало II — начало I тысячелетия до н. э.) эти связи упрочились. Племена южного происхождения (так называемой кельтеминарской и суярганской культур) и племена, пришедшие с севера, из оренбургских степей (тазабагьябская культура), жили вместе, в дельте Амударьи, занимались примитивным земледелием и скотоводством, постепенно смешивались, привнося в «общий котел» свою культуру, обычаи и представления. Одним словом, в Хорезме был как бы круговорот различных племен и народностей, и некоторые из них утрачивали кое-что из своей культуры, приобретали чужое, преломляя его, однако, соответственно своим взглядам и интересам. В таком историческом «котле» и рождалось своеобразие хорезмийской культуры. Приаральская впадина с непролазными лесными зарослями амударьинской дельты, где часто слышался грозный рев хищников, действительно напоминала огромную впадину, куда изливались две живые человеческие реки: одна шла с юга, другая — с севера. Но и позже, в историческое время, когда Хорезм вырос в сильное рабовладельческое государство, мощь его заключалась именно в этой кровной связи с северным скотоводческим миром. Эта связь помогла Хорезму выстоять как во время ахеменидского владычества, так и в эпоху всепокрушающих походов Александра Македонского.

Кто они и откуда?

Когда удалось выделить хорезмийские двуструнки, я оказался в тупике. Ни одного похожего инструмента в археологическом материале Средней Азии не было. Напрасно я рылся в атласах терракот, когда-либо найденных на территории Средней Азии. Изображений музыкантов с музыкальными инструментами было великое множество, но нужные мне отсутствовали. Иногда подмывало бросить бесполезные поиски аналогий хорезмийским двустрункам и заняться изучением обильного, блестящего разнообразием инструментария Согда. И тогда ...тогда я начал вспоминать. Я вспоминал бескрайние пустыни Хорезма, низкие дрожащие капли звезд, ночную тишь и отчетливый плач совы в развалинах: мне чудились фиолетовые утренние сумерки, восточный ветер и синие тени на дорогах. Я видел мощную глиняную вертикаль стен Кой-Крылган-Калы и изящные летние павильоны исчезнувших садов Шахсенем. Слышался дробный топот бесчисленных конных псלков мстительного Кутей-

⁵ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 46.

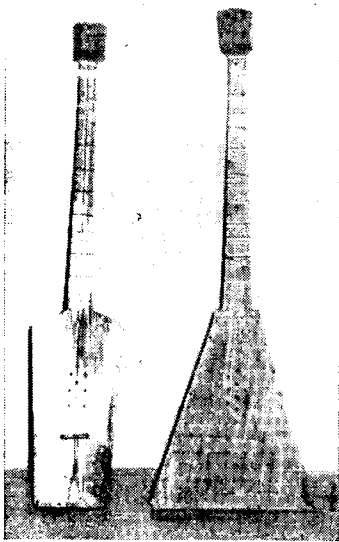

Рис. 8. Домбра — современный казахский народный музыкальный инструмент

бы, виделись отблески пожаров и летящий, как черные птицы, пепел сожженных хорезмийских книг. И тогда недостойное искушение «бросить» исчезало.

Смешливые библиотечные девушки грозили передо мной кипы книг, я листал, рассматривал, читал — и приходил в отчаяние. Ничего похожего на хорезмийские двуструнки не было! Древнее восточное серебро, разноцветная настенная живопись, глиняная и каменная среднеазиатская скульптура давали прекрасную коллекцию двуструнных музыкальных инструментов, но строгих рубленых форм хорезмийских двуструнок ни в одном из них проследить было невозможно. У меня опустились руки... Но помог случай.

Как-то я отправился на московскую Выставку достижений народного хозяйства. Стояла морозная долгая зима, порядком надоевшая. Я шел расчищенными дорожками мимо стройных, застывших в морозном тумане павильонов. Как вдруг золотые буквы «Казахская ССР» на фронтоне одного из них разбудили во мне яростное жела-

ние увидеть солнце, бескрайнюю всхолмленную степь, языки песка на дороге и оплывшие валы древних городов. Я распахнул тяжелую дверь и вошел в ослепительно яркое, теплое царство хлопка, разноцветного каракуля, огромных яблок и пестрых шелков. Я переходил от одной витрины к другой, смотрел, вдыхал ароматный воздух и слушал чириканье московских воробьев, невесть как залетевших на этот маленький островок казахской земли.

В одном из уголков павильона стояла застекленная витрина. Внутри на ковре, словно оружие, висели музыкальные инструменты. Большие и маленькие, современные и допотопные — они разноцветьем старинного перламутра, блеском лака, потемневшим от старости деревом рассказывали о талантливом древнем народе, его песнях, героических сказаниях, о трудной и счастливой судьбе земли. Но что это? Я приник к стеклу витрины, различив в некоторых инструментах знакомые черты: пятиугольный резонатор с плоским торцом, длинный гриф, две струны. А вот еще один инструмент, другой, третий. Да их здесь целая коллекция! Как же они называются? Нагибаюсь, читаю: «казахские домбры». Столетия съезживаются в один упругий звонкий ряд. На одном конце хорезмийские двуструнки, на другом — разновидность казахской домбры. Север! Вот где нужно искать следы двуструнок, на севере, а не на юге!

В общем, казахская «подсказка» была верной. Параллели хорезмийским двустрункам нужно было искать на севере Средней Азии, в Приаралье, в музыкальном быту сакских племен. Еще Геродот писал, что у них есть хоровые песнепляски. Среднеазиатские скифы — народ суровый и мужественный. «Богом считают они только солнце, которому приносят в жертву лошадей... Они хорошие конные и пешие воины, вооруженные луками, мечами, панцирями, медными топорами; ...образ жизни ведут кочевой и скифский; ...каждый народ в отдельности коварен, дик и воинствен, но в сношениях с другими простодушен и правдив», — говорит о них Страбон⁶. Юлий Полидевк, писавший во второй половине II в. н. э., от-

⁶ Страбон, География, М., 1879, гл. VIII, § 6—7, стр. 523.

мечает у скифов какой-то пятиструнный инструмент, на котором играли плектром из козьих копыт, и флейты, изготовлявшиеся из костей орлов и коршунов⁷. При раскопках одного из курганов пазырыкской группы (V—IV вв. до н. э.) на Алтае найдена хорошо сохранившаяся скифская ладьевидная арфа и односторонние барабанчики⁸. Кроме этих, есть еще несколько древних письменных и вещественных доказательств существования у скифов довольно совершенных музыкальных инструментов. И это — все. Об искомым нами двуструнках нигде ни слова. Изображений тоже никаких. Чему же я обрадовался в павильоне Казахской ССР? При чем тут домбры?

Наукой установлено, что казахи этнически близки древним насельникам Приаралья. До сих пор одно из важнейших подразделений Старшего жуза казахов носит имя ассианов, т. е. усуней — одного из сакских племен, а современный казахский орнамент прямо перекликается с орнаментом на глиняной посуде так называемых «болотных городищ»⁹. Вот почему некоторые типы казахских домбр, запечатленных в изящных терракотовых статуэтках земледельческого Хорезма, можно считать отголоском музыкальной культуры приаральских скифов. Обойденные вниманием древних писателей, скифские двуструнки с резкими угловатыми резонаторами неожиданно «выплыли» в древнехорезмийских терракотах, лишний раз подтвердив старинные связи Хорезма со скифским севером. А впоследствии, через два десятка веков, они стали достоянием современных нам поколений. Сходство казахских домбр с хорезмийскими двуструнками отнюдь не формальное, а органическое. Перед нами проверенное временем и опытом музыкальное наследие древних, естественно и логично вошедшее в музыкальную культуру нашего общества.

Вот так глиняные изображения древнехорезмийских домбристов отразили сложные и противоречивые события многовекового периода в истории Хорезма.

Нерешенная научная проблема

Древняя музыка и сопровождающий ее костюм тесно связаны друг с другом. Для подтверждения этого можно привести сравнительно не старый факт, ярко свидетельствующий о роли костюма в жизни среднеазиатских музыкантов. В рисоля (цеховом уставе) артистов и музыкантов сказано, что прежде чем начать игру на музыкальном инструменте, нужно помолиться и совершить омовение. У невыполнившего это предписание отбирается одежда, после чего карьере его как музыканта-профессионала приходит конец.

Проблема костюма среднеазиатских музыкантов и той роли, какую он играл при исполнении музыкальных пьес, очень сложна, и решить ее сейчас, на том уровне наших знаний об этом предмете, которыми мы располагаем, не представляется возможным. А между тем она очень важна, и ее решение откроет перед исследователями древней музыки новые горизонты. Насколько эта проблема сложна и запутанна, говорит следующее.

Среди афрасиабских терракот была большая группа статуэток, изображающих среднеазиатских музыкантов с различными музыкальными инструментами. Однако ученые дальше установления факта существо-

⁷ В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, «Вестник древней истории», 1948, № 2, стр. 265—266.

⁸ С. И. Руденко, Культура населения горного Алтая, М.—Л., 1963, стр. 324, табл. LXXXVI.

⁹ Это несколько крупных укрепленных селений на болотистом плоском треугольнике к югу от г. Казалинска. Сооружены они во второй половине I тысячелетия до н. э. аугасиями — одним из сакских племен. См. С. П. Толстов, Приаральские скифы и Хорезм, «Сов. этнография», 1961, № 4; его же, По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 136—204; Р. Шнейдер, Казахская орнаментика, сб. «Казаки», Л., 1927.

вания музыкальных инструментов на Афрасиабе по существу не шли. Впоследствии изображения музыкальных инструментов оставили в покое, предавшись изучению согдийских терракот-музыкантов с точки зрения искусства вообще, изобразительного в частности. Потом это изучение углубили, рассматривая терракоты в широком историческом плане. Тут уж без анализа музыкальных инструментов и костюма, в который одеты музыканты, никак нельзя было обойтись. Тогда изображения согдийских музыкантов классифицировали по принципу: кто во что... одет. Было выделено несколько типов музыкантов, они назывались по-разному: «лютнист в кафтане», «флейтистка с вертикальной флейтой и шарфом», «музыкант с коленчатой флейтой в клобуке» и т. д.¹⁰

Без сомнения, это был большой шаг вперед. Правда, специального изучения музыкальных инструментов все же не было. Даже были ошибки (терминологического характера) в их описании, но особого значения они не имели.

В связи с этим напрашивался вывод, будто определенному типу музыкального инструмента соответствует определенный костюм. Иными словами, музыкант, играющий на каком-либо определенном музыкальном инструменте, должен быть одет не как-то вообще, а соответственно музыкальному инструменту, в определенный костюм. Допустим, лютнист обязан носить особый «лютневый» костюм, а при игре на вертикальной флейте необходим длинный пышный шарф и т. д.

Это правильный вывод. Но правильный только на базе терракот. Истинная роль костюма выступает совсем на других материалах, тоже археологических. Я имею в виду росписи древнего Пянджикента (начало VIII в. н. э.).

В Пянджикенте на стене одного из помещений изображена музыкальная сцена: трое мужчин-музыкантов, сидя на ковре, играют на лютне, флейте Пана и ладьевидной арфе. Все три музыканта одеты в одинаковые по покрою костюмы. Если мы подойдем к этой росписи с точки зрения терракот, то налицо явное несоответствие. Действительно, музыкальные инструменты различны, а костюмы музыкантов мало отличаются один от другого. Ошибка это древнего живописца или простая случайность?

Нет, не ошибка и не случайность. Пянджикентская роспись максимально приближает нас к пониманию роли костюма в среднеазиатском музыкальном быту, а через него ставит во весь рост проблему состава музыкальных ансамблей¹¹. Законы ансамблевой игры, критерий эмоционального воздействия на слушателей, взаимодействие музыки, пения и танца, состав оркестров, репертуар и его характер, голосоведение — все это связано и понимается через ансамбль. Ключ к нему — в костюме.

Потому что костюм, во-первых, может дать числовое и инструментальное выражение ансамблевых составов, во-вторых, выступает как зрительный, образный ракурс музыкального произведения. Именно поэтому, возможно, нужно искать соответствие не костюма и музыкального инструмента, а костюма и произведения. Костюм — не просто одежда, он своим цветом, покроем обязательно включается в круг образов, которым посвящена музыкальная пьеса. Изучая костюмы, их расцветки и покроем в различных ансамблях, мы можем судить о репертуаре древних музыкантов. Не будет ничего удивительного, если выяснится, что именно репертуар диктовал тот или иной костюм, его цвет и инструмент.

¹⁰ См.: В. А. Мешкерис, Изображение музыкантов в согдийской коропластике, «Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета», вып. 5, Ташкент, 1953; е е же, Терракотовые статуэтки музыкантов из собрания Музея истории, «Труды Музея истории Узбекской ССР», вып. 2, Ташкент, 1954.

¹¹ Среднеазиатские ансамбли — наименее разработанная тема в музыкальном востоковедении. Истоки ансамблевой игры совершенно неясны.

Древние живописные изображения в большинстве случаев дают неоченьный материал в такого рода исследованиях. Потому что главное в росписях — цвет, а цвет говорит о многом.

В одной старинной рукописи неизвестного арабского писателя говорится об особых условиях, при которых должны исполняться макамы, — многочастные вокально-инструментальные произведения. Главное — время исполнения и цвет одежды музыкантов. Так, маком «Ирак» исполнялся утром при восходе солнца. Терраса, где сидели музыканты, затягивалась материей белого цвета, такими же были и халаты исполнителей. Маком «Бузрук» исполнялся на фоне красной ткани, «Ушшак» и «Рост» — темно-желтой, «Наво» играли после часа ночи в темных халатах. Никакого разноречия в костюмах музыкантов, когда исполнялось какое-либо произведение, не было. Все было подчинено одному — соответствию костюма, его покрою и цвета исполняемому произведению¹².

Этим принципом и нужно, по-видимому, руководствоваться в изучении терракот-музыкантов. Их следует разбивать на группы, каждая из которых отличается от остальных не составом музыкальных инструментов, а костюмом¹³. В каждой группе, таким образом, может оказаться несколько одинаково одетых музыкантов с различными инструментами. Отсюда, во-первых, можно сделать вывод о составе ансамблей, во-вторых, о принадлежности данного костюма к образам, которым посвящено музыкальное произведение. И чем разнообразнее будут костюмы при одном и том же инструменте (или при одном и том же ансамбле), тем определенней мы можем судить о разнообразии репертуара.

И еще одна проблема. Тоже не решенная.

На примере терракот мы видели, что в древности на домбровидных инструментах играли необычно, как-то странно держа инструмент — грифом вниз, резонатором вверх. Теперь мало кто в Средней Азии так играет, и поэтому можно строить лишь догадки о причине такой манеры игры. Что это, прихоть музыканта или виртуозность, граничащая с эквилибристикой? Или необходимость, вызванная конструкцией инструмента? А может быть, что-то иное, что скрыто от нас временем?

Но так или иначе, важно отметить, что это «загадочное» явление породило как свою литературу, так и точки зрения, взаимно исключающие друг друга и равным счетом ничего не объясняющие¹⁴.

Почему же такой интерес к этому вопросу? Разве так важно, как держали инструмент — вертикально или горизонтально, да еще такой неказистый, с двумя струнами, да еще два тысячелетия назад?

Да, важно, и даже очень.

Потому что в этом явлении заключена, быть может, разгадка давнишнего спора о среднеазиатском многоголосии. Что-то очень долго и устойчиво взгляд на среднеазиатскую народную музыку — инструментальную и вокальную — как музыку одноголосную, унисонную.

И не пора ли, наконец, признать за ее истоками право на могучую творческую энергию, так блистательно развернувшуюся в наши дни.

¹² См.: Н. Н. Мионов, Обзор музыкальных культур узбеков и других народов Востока, Самарканд, 1931.

¹³ В. А. Мешкерис, исследуя согдийские терракоты, стояла на правильном пути. Но терракоты, как мы стремились показать, не исчерпывают полностью темы.

¹⁴ Например, Э. Д. Ван Бурен полагает, что такое положение инструмента характерно для момента окончания игры (см.: E. D. Van Buren, *Glaz Figurines of Babylonia and Assiria*, New Haven, Oxford, London, MD CCCCXXX, p. 240), а В. Ингер утверждает, что можно проиграть все произведение при таком положении инструмента (см.: W. Inger, *Figurines from Seleucia of the Tigris*, London, 1939, p. 25).

ЧЕТВЕРТАЯ ЕЖЕГОДНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР *

С 11 по 15 мая 1970 г. в Ленинградском отделении Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая проходила четвертая ежегодная научная сессия, посвященная итогам работы коллектива за 1969 год¹. Состоялось два заседания Ученого совета и восемь заседаний секторов. Всего было заслушано 44 доклада по различным актуальным проблемам этнографической науки.

Заседания Ученого совета 11 и 15 мая были посвящены исполнившемуся в апреле 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. О значении ленинского идейно-теоретического наследия для дальнейшего развития этнографии сказала во вступительном слове заместитель директора института Л. М. Сабурова.

Л. П. Потапов прочитал доклад «Вопросы использования идейно-теоретического наследия В. И. Ленина в работах советских этнографов»². Д. А. Ольдерогге в своем докладе «В. И. Ленин и проблемы возникновения государства. По африканским материалам», разобрав основные положения ленинского анализа государства, показал, что все необходимые признаки государства (наличие классов, система принуждения, аппарат насилия, организация эксплуатации) были характерны для многих районов Верхней Гвинеи и Междуречья. Докладчик обратил внимание на тот факт, что государства Верхней Гвинеи возникли в матрилинейных обществах, тогда как государства Междуречья — в патрилинейных. Д. А. Ольдерогге также подчеркнул, что указание В. И. Ленина о сущности государства позволяет определить многие африканские государственные образования не как сложившиеся государства, а как состояния общества при формировании классов, еще не приведшее к созданию государства.

В докладе А. М. Решетова «Ленинская теория самоопределения наций и проблема создания многонациональных государств» говорилось о диалектическом единстве двух тенденций в решении национального вопроса. Разбирая проблемы современных многонациональных государств, докладчик подчеркнул, что полное и окончательное преодоление межнациональных антагонистических противоречий внутри одного государства возможно только при социализме.

Н. А. Бутинов выступил с докладом «В. И. Ленин и проблемы современной общины Азии и Африки». В докладе было показано большое теоретическое, политическое и практическое значение изучения общины в странах Азии и Африки.

С. М. Абрамзон в докладе «В. И. Ленин и проблемы изучения современной семьи» показал, как, опираясь на идейно-теоретическое наследие В. И. Ленина, советские этнографы в течение нескольких десятилетий проводят исследования процессов развития семейно-брачных отношений у отдельных народов СССР. Как отметил докладчик, в период постепенного перехода к коммунизму дальнейшее упрочение семьи и брака становится одной из важных сторон развития советского общества.

* См.: «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1970 г.», Л., 1970.

¹ О предыдущих сессиях см.: Ч. М. Таксами, Научная сессия Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1967, № 6; А. М. Решетов, Вторая ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1968, № 6; его же, Третья ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1969, № 6.

² Подробно см.: С. М. Абрамзон, Л. П. Потапов, Значение идейно-теоретического наследия В. И. Ленина для советской этнографии, «Сов. этнография», 1970, № 2.

Большой интерес вызвал доклад В. В. Антроповой «Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере». Советское строительство у народов Крайнего Севера является выдающимся в истории примером успешного решения национального вопроса. Основываясь на ленинском учении о некапиталистическом пути развития отсталых в прошлом народов, КПСС разработала конкретную программу приобщения их к социализму. В. В. Антропова рассказала об активной роли ленинградских этнографов в сложном деле приобщения северных народов к современной жизни, о работе ученых в качестве заведующих передовыми красными чумами, ярангами и юртами, об изучении языков народов Севера и составлении ими первых грамматик и букварей. При активном участии этнографов в 1926—1927 гг. было осуществлено обследование хозяйства малых народов Севера — Приполярная переплы. Проведена большая работа по созданию кадров из среды народов Севера. Этнографы и сегодня активно участвуют в решении практических задач современного этапа коммунистического строительства на Севере.

Доклад «Некоторые проблемы и современные задачи этнической антропологии в СССР» прочитал И. И. Гохман. Он отметил, что исследования антропологического состава населения СССР, проводимые советскими антропологами, характеризуются очень широким размахом и охватывают как крупные социалистические нации, так и большое число мелких этнических и территориальных групп и популяций. Продолжение изучения антропологического состава населения СССР по современным антропологическим и генетическим программам остается одной из самых насущных задач антропологии.

Докладчик высказал предположение, что в ходе протекающих на территории СССР этнических процессов количество антропологических типов на начальном этапе в результате метисации будет возрастать, а впоследствии, в результате интеграции, начнет уменьшаться.

Вечером 11 мая заседал восточнославянский сектор. Т. В. Станюкович выступила с докладом «Некоторые особенности материальной культуры народов СССР». Как было показано в докладе, социально-экономические преобразования, происшедшие после Великой Октябрьской социалистической революции, явились катализатором социальной и этнической интеграции как внутри наций, так и между ними. После войны резко увеличилась мобильность населения, усилились межнациональные контакты, что привело к бурной перестройке быта, причем все больше распространяются формы, единые для городского и периферийного населения.

Интересен также был доклад Б. Н. Путилова «Структурные особенности изображения предметного мира в славянском эпосе». Основной вывод докладчика о том, что предметный мир требует в первую очередь изучения его в живом эпическом контексте, в составе сложной динамической системы, в связи с основными законами эпической эстетики и — шире — эпического сознания, воплощением которого эта эстетика является, хорошо обоснован и возражений не вызвал.

Доклад Г. Г. Шаповаловой был посвящен волочевым песням, которые связаны с праздником пасхи и распространены в западных и южных районах России, а также в Белоруссии и на Украине.

На заседании сектора Африки были прочитаны следующие доклады: В. В. Матвеев «Община у кабилы Алжирии в работах М. М. Ковалевского», О. С. Томановская «Рабство негров в Вест-Индии и отношение к нему Бартоломе де Лас Касаса», М. А. Толмачева «Восточноафриканские топонимы в арабских источниках», В. А. Вельгус. «Александрия в ранних китайских известиях об Африке». Более общий характер носил доклад Ю. К. Поплинского «Термин „этнос“ в древнегреческой литературе классического периода». Докладчик показал, что до Аристотеля употребление слова «этнос» в греческой литературе было в высшей степени широкое и неупорядоченное (в значении стадо, группа, племя, народ, сословие). Аристотель первый ввел его в научный обиход в качестве термина со значением «племя». Безусловно, этимологический анализ термина «этнос», одного из основных в этнографии, способствует развитию этнографической науки, так как помогает определить его точное значение.

Тематически к африканской проблематике относится совместный доклад А. М. Абдильели и А. И. Собченко «Проблемы выбора письменности в Демократической Республике Сомали», прочитанный вне программы секторального заседания.

На заседании сектора Америки с докладом «В. И. Ленин о некоторых проблемах Латинской Америки» выступил А. Д. Дридзо. Хотя у Ленина нет работ, специально посвященных латиноамериканской тематике, однако она неоднократно привлекала его внимание (см., например, «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Тетради по империализму», «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом империализме“», «Ленинские сборники», т. XVII, XXX и др.). Латиноамериканистам этнографам ленинские работы служат компасом, указывающим правильный путь в разработке сложных проблем, которыми изобилует прошлое и настоящее народов этого региона — его этническая и социальная история, этнические и национальные процессы, формирование и развитие наций и т. д. Примером творческого применения ленинских идей в этнографии являются многочисленные работы советских специалистов по Латинской Америке, а также все растущее число трудов зарубежных ученых-марксистов, в том числе и латиноамериканских.

В докладе Р. В. Кинжалова «Мифологические системы Месоамерики» сделана попытка на основе анализа письменных источников и памятников изобразительного искусства наметить несколько главных систем (не следует путать с мифологическими циклами) и выявить их стадияльно-хронологическую последовательность.

Ю. В. Кнорозов прочитал доклад об исследовании протоиндийских надписей. Охарактеризовав разные типы надписей (их несколько десятков — именные списки, храмовые, жертвенные, защитные и другие надписи), докладчик отметил, что в них содержится около 70 имен божеств, часть которых может быть сопоставлена с позднейшими индийскими. Лексика протоиндийских надписей поддается интерпретации на основе изучения дравидийской лексики.

Исключительно большой интерес и оживленные прения вызвал доклад В. Р. Кабо «Первобытное искусство и его общественная роль». Как показал докладчик, значение произведений первобытного искусства находится в зависимости от его места, его функции в жизни общества. Функциональное значение первобытного искусства — ключ к его пониманию.

На совместном заседании секторов Сибири и Севера было прочитано шесть докладов. Л. В. Хомич посвятила свой доклад истории этнографического изучения самодийских народностей в годы Советской власти. В докладе дан обстоятельный обзор деятельности многих этнографов, историков и экономистов, внесших весомый вклад в дело социалистического строительства у малых народов Севера.

В докладе В. В. Антроповой «Проблема некапиталистического пути развития малых народов Севера в советской историко-этнографической литературе» проанализирована литература по этнографии народов Севера, вышедшая с 1920-х годов до 1968 г., показана тесная связь теоретических исследований советских этнографов с практикой социалистического строительства.

С. В. Иванов прочитал доклад «Скульптура студентов-северян 1920—1930 гг.», охарактеризовав зарождение нового, глубоко реалистического направления в искусстве северян.

С интересом был встречен доклад Г. М. Василевич «Тунгусское личное имя у народов Восточной Сибири, отразившее связи с тунгусами в XVII в.».

Ч. М. Таксами в своем докладе затронул важный и вместе с тем очень сложный вопрос об этнокультурных связях на Южном Амуре и Сахалине. Докладчик справедливо отметил, что культурные связи способствовали формированию новых этнических групп, в советское время сложившихся в народности.

В. И. Дьяконова проследила древние черты в современной материальной культуре народов Сибири. По ее мнению, многие черты традиционной культуры тувинцев, алтайцев и ряда других кочевых народов уходят своими корнями в гунно-сарматскую древность Южной Сибири.

На совместном заседании секторов Средней Азии и социологии были заслушаны два доклада по Средней Азии: Ф. Д. Люшкевич «О некоторых торговых центрах Бухарского оазиса и их населения», Р. Я. Рассудовой «Издолбные отношения в некоторых районах Средней Азии в конце XIX — начале XX в.». Оба доклада получили положительную оценку. Было отмечено, что Р. Я. Рассудова сумела внести ясность в сложный вопрос об издолбной аренде в Зеравшанской и Ферганской долинах.

В. П. Курылев, В. А. Петров, И. В. Рябикова сделали доклад на тему «Влияние социально-демографических факторов и типа городского поселения на потребление культурных ценностей в городах (по материалам Татарской АССР)».

Два заседания провел сектор Восточной и Южной Азии, Австралии и Океании. Столетию со дня рождения Ленина были посвящены доклады К. В. Вяткиной «В. И. Ленин и социалистическое строительство в Монголии» и Ю. В. Маретина «Проблемы единой национальной культуры в современной Индонезии в свете учения В. И. Ленина о культуре». Подъем национализма в Индонезии после 1945 г. привел к усиленной пропаганде идей «единой индонезийской нации», единой как в государственно-политическом, так и в этническом и культурном планах. Как указывал В. И. Ленин, процесс формирования единой нации и единой культуры — в целом прогрессивный, однако он не может быть ускорен простым объявлением народов страны «единой нацией». Анализ материала показывает, что в Индонезии, наряду с становлением общности национального характера, уже сформировались или формируются и отдельные национальные общности со своей культурой. Между тем официальная политика направлена на поддержку общендонезийской культуры при пренебрежении к культурам отдельных народов.

Доклад И. Г. Косикова был посвящен формированию камбоджийской национально-политической общности. В Камбодже, которая является многонациональным государством, протекают два параллельных процесса: с одной стороны, укрепляется общекхмерская общность, а с другой стороны, формируется общекамбоджийское единство, причем последний процесс является ведущим. Активная роль в этом процессе принадлежит государству, общекамбоджийской экономике, народному образованию. В процессе становления общекамбоджийского единства наблюдается ассимиляция кхмерами малых кхмероязычных и других этнических групп.

Два доклада были посвящены проблемам материальной культуры. Это доклады Л. Л. Викторовой «Материальная культура монголов как источник для изучения их этногенеза» и В. С. Старикова «Сельские поселения маньчжуров и проблема

самобытности их материальной культуры». В докладе Ю. В. Ионовой был сделан анализ социальных корней древних культовых систем в Корею. В. П. Курылев рассказал о семейно-родственных группах «кабиле» у современных турок. Семьи в турецких семейно-родственных группах связаны между собой узами кровного родства по мужской линии. Главная задача кабиле заключается сейчас в защите и поддержке интересов своих членов, а также в улаживании внутренних ссор и разногласий. Однако в современной турецкой деревне ведущими уже стали территориальные связи. С. А. Маретина посвятила свой доклад рассмотрению особенностей родовой организации у горных народов северо-восточной Индии. Для общинной организации большинства народов Ассама характерно сочетание родовых и соседских связей и институтов. Родовые связи, хотя и лишены хозяйственных функций, тем не менее сохраняют важное социальное значение.

Два доклада касались музейной тематики: Р. А. Ксенофоновой «Из истории собрания японских коллекций Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР» и Т. К. Шафрановской «Первые азиатские коллекции Кунсткамеры».

На заседании сектора антропологии и археологии было заслушано четыре доклада. В докладе А. Г. Козинцева «Проблема происхождения антропологических типов Северного Кавказа в свете данных археологии» была сделана попытка синтезировать антропологические и археологические материалы. На основе их сопоставления автор отнес формирование основных расовых типов Северного Кавказа к эпохе ранней бронзы. В Дагестане же, по мнению Козинцева, это могло произойти и раньше — в IV тысячелетии до н. э.

В докладе Ю. Д. Беневоленской «О межгрупповых вариациях строения затылочной области черепа» предложено ввести некоторые измерительные приемы при исследовании морфологии затылочной части черепа, которая до сих пор оценивается описательными признаками. Это дополнение краниологической программы имеет особое значение при работе с фрагментами черепов, в которых не сохранилась лицевая часть.

Археологическая тематика была представлена докладами Л. Г. Нечаевой «Дольменообразная гробница могильника на Кефари-Кривой» и Т. А. Поповой «Некоторые итоги палеоэтнографического изучения Поливанова Яра — многослойного памятника Триполья».

Эта конференция, как и предыдущие, прошла успешно, на высоком теоретическом и научном уровне. Большую организационную работу по подготовке сессии проделала комиссия в составе К. В. Чистова (председатель), Д. И. Тихонова, В. Р. Кабо, А. М. Решетова, Л. И. Смирновой. Опыт проведения сессии по секторам в общем оправдал себя. Однако следовало бы предусмотреть проблемные доклады на совместных заседаниях секторов. Может быть, следует также выделять секцию фольклора. На конференции отмечалась необходимость собрания материалов и разработки проблем по истории советской этнографической науки. На заседании секторов Сибири и Севера было внесено ценное предложение о составлении этнографического словаря по народам Сибири. Однако так же давно уже назрела необходимость в составлении общего этнографического словаря. Очевидно, все эти предложения заслуживают серьезного изучения, для того, чтобы можно было организовать практическую работу в соответствующих направлениях.

А. М. Решетов

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СОЦИОЛОГОВ

Международные конгрессы социологов организуются Всемирной социологической ассоциацией с 1950 г. В болгарском городе Варна 14—19 сентября состоялся очередной VII конгресс, основная тема которого — «Современные и будущие общества: научное прогнозирование, социальное планирование и руководство общественным развитием» — была предложена советскими социологами, исходящими из большого теоретического значения темы и широкого практического опыта СССР и других социалистических стран в решении этих проблем. Впервые международный конгресс социологов был проведен в социалистической стране. Это говорит о признании международной научной общественностью серьезных достижений и растущего авторитета социологической науки в мире социализма.

В работе конгресса приняли участие свыше 3000 социологов из 80 стран. Ими было сделано более 500 докладов и сообщений. Предыдущие конгрессы в этом отношении характеризовались такими цифрами:

Таблица 1

Конгрессы		Число		
год	место проведения	участников	стран	докладов
1950	Цюрих (Швейцария)	124	30	56
1953	Льеж (Бельгия)	281	34	156
1956	Амстердам (Голландия)	524	54	170
1959	Милан—Стреза (Италия)	980	52	175
1962	Вашингтон (США)	1030	51	230
1966	Эвиан (Франция)	около 2000	50	около 600

На Варненском конгрессе советская делегация была одной из самых представительных. Если в работе V конгресса приняло участие лишь 18 советских ученых, а в работе VI — 83, то в Варне советская делегация насчитывала 350 человек. Не менее представительными были делегации других социалистических стран: Болгарии — 500 человек, Польши — 180, Венгрии — 90, Чехословакии — 70, ГДР — 60 делегатов и т. д. По сравнению с прошлым (Эвианским) конгрессом число социологов из стран социализма возросло на 1000 человек.

Из США прибыло 320 делегатов, из Италии — 140, Франции — около 100, Англии и ФРГ — по 80, Швеции — 54, Канады — 42.

Конгресс приветствовал Первый секретарь БКП, Председатель Совета Министров Народной Республики Болгария Тодор Живков. Подчеркнув принципиальное значение основной темы конгресса, он отметил, что проверенная всем историческим опытом социалистических стран идея научного предвидения, прогнозирования и планирования социальных процессов стала в настоящее время достоянием всей мировой цивилизации. «Чрезвычайно сложные и противоречивые социальные процессы современности, обусловленные столкновением противоположных классовых интересов, идеологий и происходящей в мировом масштабе научно-технической революцией, — сказал Тодор Живков, — могут быть в полной мере разрешены только марксистской социологией».

Слова тов. Живкова о том, что государственные органы и общественные организации НРБ «все шире используют марксистско-ленинскую социологическую науку, конкретные данные социологических и других социальных исследований» в своей руководящей деятельности, а Правительство НРБ создает все необходимые условия для полнокровного развития болгарской социологической науки, произвели огромное впечатление на всех участников конгресса.

Первое пленарное заседание открыл докладом «Социология и социальное прогнозирование» директор Института социологии Болгарской Академии наук Живко Ошавков. Он сосредоточил свое внимание на некоторых основных методологических проблемах социального прогнозирования. Наиболее существенная особенность марксистской социологии, как общественной науки, состоит в том, указал докладчик, что она последовательно и полно раскрывает социологические закономерности функционирования и свободного развития человеческого общества.

В докладе «Социальное прогнозирование, его цели и возможности» академик А. М. Румянцев (СССР) охарактеризовал социальное прогнозирование как одну из центральных проблем социологической науки. Особый интерес у делегатов вызвал тезис докладчика о том, что прогнозирование должно осуществляться целостно: историю творит народ, и прогнозирование развития общества означает предвидение развития и поведения самого субъекта, т. е. изменения сознания и самосознания людей. А. М. Румянцев дал анализ возможностей одного из важнейших методов современной прогнозистики — экстраполяции (мысленного продолжения в будущем), без которого немислимо само прогнозирование. Этот метод имеет определенные границы. Главное состоит в том, что прогнозирование, не будучи простым механическим актом, означает научное предвидение развития общества под воздействием революционных сил. Современная ступень развития, достигнутая различными обществами, отнюдь не завершение их эволюции, а лишь один из моментов поступательного движения. Докладчик подверг аргументированной критике несостоятельные взгляды ряда западных ученых, особенно торию «постиндустриального общества», рассмотренную в докладе американского социолога Д. Белла¹, который пытается весьма произвольно толковать марксизм, но зачастую обнаруживает недостаточную осведомленность в обсуждаемых вопросах.

Проф. А. А. Катри (Индия) в докладе «Молодежь как фактор изменений» отметил необходимость особого подхода при рассмотрении роли молодого поколения в освободившихся странах. Характерно, что среди причин, порождающих конфликт

¹ Сам Д. Белл не присутствовал на конгрессе, но его доклад «Постиндустриальное общество: технократия и устройство» был распространен среди делегатов. Д. Белл приверженец концепции «деидеологизации», т. е. предлагает основные социологические проблемы рассматривать вне идеологии социализма и капитализма. Этим он идентифицирует социальные процессы в капиталистическом и социалистическом обществах.

между поколениями в США, проф. Катри назвал расовую дискриминацию и социальную несправедливость. Директор социологического института Римского университета проф. Ф. Ферраротти выступил с докладом «Использование социологии в развивающихся странах». Говоря о роли и значении социологии в управлении обществом, он подчеркнул, что социология все больше и больше привлекает внимание государственной администрации.

В докладе проф. Э. Хана (ГДР) «Концепция социологической системы и социальное прогнозирование» рассматривались вопросы практической реализации прогноза, которая, по мнению докладчика, зависит от способности людей изменить характер общества в целом. Только с установлением власти рабочего класса открываются новые перспективы для развития социального прогнозирования. Поскольку отношения между людьми и социальным прогнозом определяются развитием и поведением классов, постольку существо социального прогнозирования является составной частью и существенным фактором классовой идеологии.

На первом пленарном заседании выступили с докладами также Ф. Галтунг (Норвегия) и Ф. Х. Тенбрук (ФРГ). Говоря о пределах предвидения, последний, в частности, отметил, что развитие социологии увеличивает возможности контроля над развитием общественных процессов, но сами эти возможности якобы ограничены.

В прениях по докладом выступили 12 человек, в том числе три делегата из СССР и семь делегатов из других социалистических стран. Подвергнув критике предложенную Ф. Х. Тенбруком концепцию, прогрессивный американский социолог Д. Соммервилл отметил, что вообще люди имеют значительные возможности предвидеть будущее, но все дело заключается в том, могут эти возможности быть использованы или нет. Делегаты из социалистических стран и Советского Союза подвергли острой критике теорию «постиндустриального общества». Все они были единодушны в признании неуклонного возрастания роли науки в развитии современного общества и в том, что наука сама по себе не может коренным образом изменить капитализм, так как последний сам пытается использовать ее как орудие самоутверждения.

Центральное место на пленарном заседании второго дня заняло обсуждение социологических проблем развития стран третьего мира. В докладе «Современная научно-техническая революция и социальные проблемы развивающихся стран» академик Е. Каменев (Болгария) сосредоточил свое внимание на некоторых отрицательных социальных последствиях современной научно-технической революции в странах, недавно получивших национальную независимость.

Обращая внимание на важность борьбы за устранение препятствий в современном развитии стран третьего мира, французский социолог Л. Мартэн в докладе «Социология и экономика» проанализировал проблемы, связанные с влиянием иностранных инвестиций на социально-экономическое развитие этих стран и на выбор ими пути развития.

Особый интерес вызвали выступления представителей развивающихся стран Африки и Латинской Америки, которые отмечали, что традиционная социологическая наука Запада не может быть в полной мере применима к странам третьего мира. Характерно, что по мере развития социологии в этих странах их социологи все чаще обращаются к великому историческому опыту Советского Союза и других стран социализма. Так, говоря о будущем развитии социологии, Я. Диалло (Мали) подчеркнул огромную роль В. И. Ленина в развитии социологии как науки и заявил, что основой социологической науки может быть только марксизм-ленинизм. Малийский ученый обратил внимание аудитории также на стоящие перед Всемирной социологической ассоциацией задачи по содействию организации научных исследований в странах третьего мира.

В дальнейшем основная тема конгресса продолжала обсуждаться на заседаниях 9 постоянно действующих рабочих групп, 19 научно-исследовательских комитетов, 2 «круглых столов», а также 17 специализированных групп «ad hoc», включенных в программу работы конгресса непосредственно перед его открытием. В табл. 2 показано, как распределялось обсуждение главных проблем по этим подразделениям конгресса.

За первым «круглым столом» обсуждалась тема «Фундаментальные теории социальной эволюции и эмпирические образцы развития», а за вторым — «Связь между микро- и макро-социологией».

Советские делегаты совместно с учеными социалистических стран приняли активное участие во всех формах работы конгресса, который явился внушительной демонстрацией достижений марксистской социологической мысли. Как неоднократно отмечалось на заседаниях конгресса, в кулуарных встречах, а также в болгарской прессе, весьма объективно отражавшей ход конгресса, научный уровень советских докладов был очень высоким. Доклады же ряда представителей различных буржуазных социологических школ были слабо подготовлены и далеко не все из них представляли серьезный научный интерес.

Такие концепции буржуазной науки, как теория «модернизации», теория «постиндустриального общества», «массового общества» и ряд других представляют собой попытку опровергнуть исторический материализм, в особенности учение об общественно-экономических формациях. Но ни одна из этих теорий не может дать удовлетворительного объяснения социальным явлениям без признания их внутренней противоречивости или противоречия между прогрессом человечества и сохранением капиталистической действительности. Тем не менее, как показал конгресс, в работах некоторых

Рабочие группы	Исследовательские комитеты	Группы «ad hoc»
1	2	3
1. Общества будущего и долгосрочное планирование 2. Изменения общественных отношений вследствие социальных перемен 3. Математические модели и методы социального прогнозирования 4. Власть и общество 5. Сравнительный анализ планирования в обществах различного типа 6. Модернизация и распространение инноваций 7. Планирование развития городов и сел 8. Планирование в области образования и культуры 9. Молодежь как фактор изменений	1. Вооруженные силы и общество 2. Исследования общностей 3. Социолингвистика 4. Социология массовых коммуникаций 5. Социология национального развития 6. Социология права 7. Социология семьи 8. Социология свободного времени 9. Социология медицины 10. Социология политики 11. Социология психиатрии 12. Социология религии 13. Социология науки 14. Социология спорта 15. Социология труда и организаций 16. Социология города 17. Стратификация 18. Бедность, социальные действия и социальная политика 19. Социология познания	1. Ленинизм и современная социальная теория 2. Устремления, потребности и развитие 3. Отношение к будущему 4. Концентрация действенных исследований 5. Роль социологии в развитии азиатских обществ 6. Измерения национального развития 7. Проблемы социотехники 8. Международный проект «Творцы общественного мнения» 9. Социология кооперирования 10. Социология села 11. Социология международных отношений 12. Социология расовых отношений 13. Социология социального обеспечения 14. Исследования бюджетов времени 15. Грамотность как мировая проблема 16. Встреча редакторов социологических журналов

приверженцев этих взглядов содержатся отдельные плодотворные идеи и интересные методико-процедурные приемы, которые, при должном критическом их переосмыслении, могут найти применение и в советской социологической науке.

Главным событием четвертого дня конгресса стало заседание, посвященное теме «Ленинизм и теоретические проблемы современного общественного развития». Руководил работой этого заседания и выступил с основным докладом академик П. Н. Федосеев. За ходом заседания и развернувшейся после него дискуссий с большим вниманием следило около 1500 социологов из различных стран. Такое внушительное число делегатов, в десять раз превышающее средние цифры посещения остальных звеньев конгресса — «рабочих групп», «исследовательских комитетов» и «круглых столов», достаточно убедительно свидетельствует об огромном интересе социологов всего мира к теоретическому вкладу В. И. Ленина в социологию, о жизненности ленинских идей в современную эпоху. Э. Хан (ГДР) говорил о ленинском применении диалектического и классового подхода в социологии. П. Кроссер (США) посвятил свое выступление ленинскому учению о классах и классовой борьбе и указал, что оно может быть использовано при анализе современных классовых отношений в США. Бурлаки (Венгрия) остановился на взаимоотношении эмпирической и теоретической сторон социологических исследований, применявшихся В. И. Лениным при изучении аграрных проблем. К. Ионеску (Румыния), А. Глезерман (СССР), А. Милейковский (СССР) проанализировали ленинское учение в связи с некоторыми вопросами социального прогнозирования. М. Митин (СССР) и Т. Трендафилов (Болгария) подвергли критике с ленинских позиций идеи о так называемом «особом пути» развития капитализма, отразившиеся, в частности, в теории «постиндустриального общества». Э. Николов (Болгария) еще раз указал, что основные закономерности развития монополистического капитализма, открытые В. И. Лениным, действуют и в современную эпоху. Г. В. Осипов (СССР) остановился на ленинских идеях формирования личности в социалистическом обществе. И. Хоушка (Чехословакия) отметил, что революция делает идеологию рабочего класса основой человеческого прогресса. Хайзелер (ФРГ) показал, как ленинская методология исследования вскрывает реакционную сущность тех теорий, в которых отстаивается тезис «о преодолении» классовой борьбы при капитализме. Остановившись на вкладе В. И. Ленина в развитие принципа партийности, Д. Соммервил (США) подчеркнул, что этот принцип базируется на методологической связи теории с практикой. Комментируя ошибочные утверждения

большинства западных ученых о том, что наука вообще и социология в частности должны быть «надпартийными», он указал, что такой «объективизм» в этом случае становится «партийным» отношением к нерешенным проблемам общества. Отметив, что столетие со дня рождения В. И. Ленина послужило поводом и стимулом для изучения многих проблем, Г. Бесс (Франция) говорил об обеспечении ленинизмом возможности фундаментального методологического подхода к раскрытию закономерностей современного общественного развития и о том, что в последние годы научный социализм получает все более широкое распространение во Франции. И. Вятр (Польша) рассмотрел некоторые понятия социальной структуры современных социалистических обществ, М. И. Куличенко (СССР) остановился на ленинском понимании значения классового подхода при решении национального вопроса, М. Н. Руткевич (СССР)—на роли интеллектуального труда в процессах социального управления, Малер (Румыния)—на значении ленинизма для анализа социальной роли современной молодежи.

Довольно значительное место заняла на Конгрессе этнографическая проблематика. В работе Конгресса участвовали семь сотрудников Института этнографии АН СССР. Они работали в его различных подразделениях. Кроме того, еще семь человек подготовили доклады или являлись соавторами зачитанных на конгрессе докладов. Для сравнения отметим, что в работе предыдущего конгресса в 1966 г. принимали участие лишь два сотрудника Института (Ю. П. Петрова-Аверкиева и Ю. В. Арутюнян).

На заседании Исследовательского комитета по социологии города был заслушан доклад О. А. Ганцкой и Л. Н. Терентьевой «Семья в аспекте этнических процессов». Исходя из того, что научный прогноз социальных отношений в многонациональном советском обществе невозможен без анализа этнических процессов, авторы избрали объектом исследования национально-смешанные семьи как своеобразный индикатор проявления взаимоотношений между различными национальностями. Изучение массовых статистических источников в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Вильнюсе, Таллине, Риге, Казани, Чебоксарах, Ашхабаде и других городах позволило выявить тенденцию уменьшения влияния фактора национальной принадлежности на заключение браков в СССР.

Всего на заседаниях этого комитета было заслушано и обсуждено 13 докладов, в которых рассматривались главным образом социально-экономические проблемы современного города, причем обсуждаемые проблемы увязывались с конкретными условиями таких государств, как Турция, Индия, Кения, Сингапур, страны Южной Африки. Широкий географический диапазон проблематики, несмотря на эмпирический характер многих докладов, позволил сделать некоторые теоретические обобщения. Интерес для этнографии представляли доклады А. Мартенса (Бельгия) «Иммигранты в Брюсселе», У. Уилсона (США) «Модели расовых отношений и объяснение формирования „гетто“ в городах США», Р. Хассана (Сингапур) «Этнические группы и городская классовая структура в Сингапуре», А. Коена (Англия) «Политика в области этнических отношений в африканских городах», Д. Гернера (США) «Социологические факторы негритянского национализма». Дискуссия по вопросу о расовом и классовом расслоении приняла характер критики капитализма, что особенно наглядно отразилось в выступлении У. Уилсона (США).

Специфические аспекты урбанизации, освещенные в докладе С. А. Арутюнова и Р. Ш. Джарылгасиновой (СССР) «Закономерности сочетания традиционного и нового в развивающихся культурах стран Восточной Азии», позволили участникам обсуждения прийти к ряду теоретических выводов по проблеме урбанизации и «европеизации» таких стран, как Япония, Корея, Сингапур, а также выяснить, какие традиции могут вызвать торможение этих процессов и какие условия могут их стимулировать. Было поддержано положение о том, что важнейшей и характерной особенностью урбанизации стран Востока является контакт «старого» и «нового», традиционного и «западного», приводящий в итоге к синтезу национальной («этнографической») культуры с культурой европейской («западной»), которую авторы определили как «современную общемировую урбанистическую культурную модель». В докладе была выдвинута идея и о наличии нескольких путей взаимопроникновения традиционного и нового в культуре, а также рассмотрены факторы, обуславливающие выбор того или иного пути. В обсуждении доклада приняли участие А. Мартенс (Бельгия), Ф. Стамбули (Тунис), П. Бессанье (Франция). Последний, в частности, отметил, что выявленные авторами закономерности проявляются и во Франции, особенно в тех случаях, когда крестьянство тяготеет к городским формам культуры, а городская элита, наоборот, вводит в быт архаику.

Ю. В. Арутюнян выступил с информационным докладом «Исследование этнических процессов в СССР», подготовленным совместно с Л. М. Дробижевой. Он рассказал о социологических исследованиях этнических процессов, проведенных в Татарской АССР созданным в 1966 г. сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР и дал оценку нового направления советской этнографической науки — этносоциологии, кратко охарактеризовал этносоциологические исследования Л. Н. Терентьевой, Ю. В. Бромлея, В. И. Козлова, В. В. Пименова.

Э. Л. Нитобург выступил на заседании группы социологов национального развития с докладом «Этнический аспект негритянского вопроса в США». Отметив в развитии этнического самосознания американских негров две тенденции — к полной инте-

граций в американское общество и к выделению в особую этническую общность — докладчик показывал, что в разные исторические периоды преобладала то одна, то другая из них, и проанализировал способствовавшие этому факторы. Подчеркнув далее неразработанность данной проблемы в американской научной литературе, Э. Л. Нитобург наряду с характеристикой современной ситуации дал прогноз возможного развития указанных тенденций в ближайшем будущем.

Интересные для этнографов материалы содержались в докладах В. Н. Дадрайка (США) «Биполярная структура национализма», А. Мартинелли (Италия) «Марксистская теория и вопросы национализма», С. Райерсона (Канада) «Общественное и национальное возрождение Квебека», Х. З. Улкен (Турция) «Проблемы молодых наций в национальном развитии».

На заседании одной из групп «ad hoc», занимавшейся проблемами расовых отношений, с докладом «Культурный релятивизм и расизм» выступила Ю. П. Петрова-Аверкиева, подчеркнувшая необходимость борьбы с расизмом, актуальность критики его идеологии в современных условиях, когда наблюдается взрыв национализма, обострение этнических и расовых отношений как в западных, так и в развивающихся странах. Перед социологами и этнографами стоит ответственная задача вскрытия теоретических основ так называемого «научного» расизма. В докладе была показана связь между теорией культурного релятивизма и концепциями «научного» расизма. Культурный релятивизм в наши дни используется как идейная основа различных форм расизма и шовинизма. В докладе отмечался вклад социологов и этнографов ряда стран, в частности СССР, в борьбу против идеологии расизма.

На этой же секции состоялся доклад С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова «Раса, этнос и популяция». Выступивший в дискуссии Я. Ржегак (Чехословакия) отметил сходство подхода авторов доклада при рассмотрении ими понятий этноса и расы с позиций теории информации со своим собственным подходом в исследовании о чешских цыганах, где этнос формируется как система коммуникаций. С. Зубайда (Англия), В. Вильсон (США) проявили интерес к практическому и политическому приложению разработанных в докладе концепций. В заключительном слове С. А. Арутюнов обратил внимание оппонентов на то, что для разработки практических мер по ликвидации расового неравенства важно обладать четкой системой понятий, в частности, разграничить в расовом вопросе биологическую сторону от социальной. В итоге дискуссии делегаты пришли к выводу, что необходимость такого подхода ощущается в этносоциологии повсеместно.

Активное участие в работе этой группы принял еще один советский делегат — Э. А. Баграмов, выступивший с докладом «Что такое национальный характер?»

На одном из заседаний этой секции с тенденциозным докладом «Статус и положение женщины в социальной структуре» выступила Берит Ас (Норвегия). Ее тезис о якобы тяжелом положении матерей-одиночек в советском обществе опровергли выступившие в прениях Л. Н. Терентьева и Ю. П. Петрова-Аверкиева, показавшие необоснованность фактическими данными вывода Б. Ас о женском вопросе в СССР.

На заседании рабочей группы «Планирование развития городов и сел» Ю. В. Арутюнян прочитал доклад «Урбанизация села в СССР и некоторые проблемы социального планирования», подготовленный при участии М. Н. Губогло, Л. М. Дробичевой и М. Г. Панкратовой. В основу доклада легли результаты конкретно-социологического исследования 1967 г., позволившие сформулировать некоторые методологические проблемы урбанизации. Учитывая тот факт, что 44% населения СССР проживает в сельской местности, основное внимание было уделено процессу приобщения сельского населения к урбанизированному образу жизни. Наиболее общие следствия этого процесса состоят в расширении границ и сфер человеческой деятельности, увеличении разнообразия ее форм во всех областях производства, общественной и семейной жизни, досуга и т. д. При обсуждении доклада зарубежные делегаты обратили особое внимание на конкретное регулирование этого процесса при планировании. Подводя итоги дискуссии, Ю. В. Арутюнян подчеркнул большую роль социолога в социалистическом обществе, где резко возрастает значение социального планирования и участия в нем социологов.

В ходе дискуссии выявилось, что среди зарубежных ученых нередко бытует мнение, что урбанизация — это механический рост городского населения. Возражая против такого упрощенного подхода к проблеме, Ю. В. Арутюнян предложил расчлененное понимание этого процесса: урбанизация местности и урбанизация личности, которые в отдельных случаях могут не совпадать. Отсюда вытекает конкретная социологическая задача обнаружения и измерения возникающих конфликтных ситуаций, противоречий и разработки рекомендаций по ликвидации разрывов между аспектами одного и того же процесса. При этом немалую роль могут сыграть этнографы, так как урбанизация делает все более актуальными проблемы социального управления в области сельской культуры, чаще всего являющейся выразительницей и хранительницей традиционной культуры отдельных народов СССР, и в регулировании ее «взаимоотношений» с так называемой «городской культурой», под которой, как правило, выступает интернациональная (интегрированная) культура народов СССР. Причем особую роль в адаптационных процессах, происходящих в этнически разнородной среде, имеет распространение русского языка как средства межнационального общения и взаимообмена»

культурными ценностями. Как отмечалось в докладе, на селе традиционная культура и формы локальной пропаганды в основном адаптируют сельского жителя к своей среде, а современные средства массовой информации способствуют проникновению городских стандартов в сельский образ жизни. Задача в таких случаях сводится к полному и гибкому учету особенностей сельской местности, сочетанию интересов локальной сельской общности с интересами общества в целом, что, в конечном итоге, благоприятствует улучшению социального тонаса личности и предотвращению общественной анонимии. Ю. В. Арутюнян было задано много вопросов, свидетельствовавших о большом интересе ученых США, Франции, Польши, Югославии, Чехословакии, ФРГ и Голландии к теме доклада, в особенности к методологическим аспектам изучения урбанизации села. Американские социологи, в частности, отмечали, крупное научное значение работ советских ученых в области социологии села.

Видные советские языковеды Н. А. Баскаков, Ю. Д. Дешериев, Н. Г. Корлэтян и другие приняли активное участие в работе Исследовательского комитета по социолингвистике. На секции «Методы и направления исследований» М. Н. Губогло выступил с докладом «Этносоциальные аспекты языковых контактов в советском обществе».

Участие этнографов в VII Международном конгрессе социологов способствовало и установлению личных контактов с зарубежными специалистами, сопровождалось интересными беседами, обменом книгами, статьями, докладами. В этих беседах, как и в выступлениях советских делегатов, ярко проявились успехи советской социологической науки. Так, один из американских «советологов» заметил, что если 5—6 лет назад достаточно было одного человека, чтобы следить за всей советской социологической литературой, то теперь это не всегда под силу целому институту.

Общие итоги деятельности советских этнографов и этносоциологов на Варненском конгрессе были подведены на одном из заседаний Ученого совета Института этнографии АН СССР. В вызвавшем большой интерес докладе Л. Н. Терентьевой, а также в содержательных выступлениях Ю. П. Петровой-Аверкиевой, Ю. В. Арутюняна и других участников конгресса, рассказавших о работе и своих впечатлениях о различных звеньях конгресса, ведущей была мысль о том, что соотношение сил в мировой социологической науке за период между двумя предшествующими и настоящим (Варненским) конгрессами изменилось коренным образом за счет резкого возрастания социального резонанса и международного престижа марксистской социологии. Особую роль в изменении ситуации сыграло стремительное развитие социологической науки в СССР и в других социалистических странах.

Варненский конгресс продемонстрировал и другое: привнесение в этнографическую науку методов конкретно-социологических исследований, начатое Институтом этнографии АН СССР несколько лет тому назад и конститутированное созданием специального сектора конкретно-социологического изучения культуры и быта народов СССР, начинает приносить зримые плоды. Особенно эффективными эти методы являются при изучении современных динамически протекающих этнических процессов. Однако в области фундаментальных эмпирических исследований, которые могли бы дать обширную и надежную информацию, способную послужить основой для решения теоретических и практических задач, предстоит еще много сделать. И в этом смысле многое будет зависеть от того, как быстро другие этнографические центры страны усилят исследования современных этнических процессов.

Проведенные к настоящему моменту этносоциологические (Ю. В. Арутюнян, Л. Н. Терентьева, В. В. Пименов), а также близкие по методике и проблематике социолингвистические (В. А. Аврорин) исследования дали еще один наглядный урок. Эти исследования продемонстрировали, что в изучении современных этнических процессов будущее приобретают исходные теоретические позиции и принципиальный подход к формулировке частных гипотез и общей проблемы. Растущий интерес к начальному этапу исследования способствует некоторой «переоценке ценностей» как в сознании отдельных исследователей, так и в этнографической науке в целом. Еще в недавнем прошлом углубление этнографических знаний зависело почти исключительно от совокупности собранного материала, монографически характеризующего тот или иной народ. Теперь значительную роль начинает играть методологическая обоснованность тех проблем и гипотез, которые дают «сквозную» характеристику однотипных явлений у нескольких народов.

При возросшей методической и технической оснащенности современных исследовательских поисков, умение выдвигать проблемы порой не менее важно, чем их решение. По мере расширения изучения этнических процессов, в сознании исследователей укореняется понимание того, что эффективность полученных результатов будет зависеть от глубины проникновения в систему этноса и его отдельных составных частей. И здесь, вновь возвращаясь к итогам Варненского конгресса, следует особо подчеркнуть уже теперь назревшую потребность соединения эмпирических исследований, выполненных, разумеется, на высоком профессиональном уровне, с широкими теоретическими обобщениями, ведущими к созданию принципиальных теоретических концепций, раскрывающих закономерности между социальными, этническими и иными изменениями в советском обществе и в остальном современном мире. Серьезной проверкой результатов такой работы может послужить следующий Международный социологический конгресс, ориентировочная тема которого: «Общество и научно-техническая революция», без-

условно, потребует более пристального внимания к этническим процессам в связи с результатами современного научно-технического прогресса.

На конгрессе была организована большая книжная выставка, насчитывающая около 2000 книг по различным отраслям социальных наук. Она получила образное название «безмолвный конгресс». Ряд стран достаточно полно и всесторонне экспонировал свою социологическую литературу: Франция (400 книг), Польша (145 книг), СССР (около 300 книг), Болгария (160 книг), ГДР (140), Румыния (137). На выставке были представлены и труды Института этнографии АН СССР². В некоторых рабочих звеньях конгресса были организованы выставки специальной литературы. Большим успехом, например, пользовалась выставка советских книг по социолингвистике, организованная Научным советом «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций».

В ходе работы конгресса было создано несколько новых Исследовательских комитетов — по социологии и планированию, социотехнике, социальной экологии, социальной психологии и др. Исследовательские комитеты представляют собой удобную форму работы в период между конгрессами, дают возможность проводить аналитические исследования ряда проблем и поддерживать организационные и научные связи между учеными разных стран. В 1972 г. в Ленинграде решено провести заседание Исследовательского комитета по социологии семьи. Рассматривается вопрос о проведении в СССР международного симпозиума по социолингвистике. Запланирован также ряд международных конференций, семинаров и встреч социологов.

По инициативе дирекции Института этнографии АН СССР и Комитета по этносоциологии при Советской социологической ассоциации на конгрессе образована Подготовительная комиссия по созданию Исследовательского комитета по этносоциологии. В эту группу от СССР вошла Ю. П. Петрова-Аверкиева.

На конгрессе был избран новый Исполнительный Комитет Всемирной социологической ассоциации в составе: президент Р. Хилл (США), вице-президенты — Ж. Ошавков (Болгария), Т. Б. Ботмор (Англия), А. Е. Солари (Чили), члены Исполкома — Л. Розенмайер (Австрия), Г. Гиндон (Канада), А. Пагани (Италия), Г. В. Осипов (СССР), Э. К. Шойх (ФРГ), М. Н. Сринивас (Индия), К. Мориока (Япония).

Успех советской делегации на конгрессе был бы еще более значительным, если бы все советские доклады были переведены на один из рабочих языков конгресса — английский или французский. В целом ряде секций, рабочих групп и других звеньев конгресса огромный интерес зарубежных социологов, особенно из стран «третьего мира», к Советскому Союзу, к его общественно-экономической жизни, решению национального вопроса, опыту языкового строительства, наконец, вообще к советскому образу жизни, не был полностью удовлетворен лишь потому, что доклады, отпечатанные только на русском языке, оказались труднодоступными для зарубежных коллег. Учитывая постоянно растущий интерес за рубежом к нашей стране, советские общественные науки, в том числе социология и этнография, должны не только широко пропагандировать советский опыт и успехи Советского Союза в изданиях на русском языке, но и помочь преодолеть языковой барьер всем тем, кто искренне желает знать правду об СССР, кто намерен идти по пути прогресса, используя при этом и достижения советских общественных наук.

М. Н. Губогло

² «Против расизма», М., 1966; «Документы обличают расизм», М., 1968; «„Нет!“ — расизму», М., 1969; Мартин Лютер Кинг, Есть у меня мечта, М., 1970; «Народы против расизма», М., 1970; «Кубанские станицы», М., 1967; Ю. В. Арутюнян, Опыт социологического изучения села, М., 1968; его же, Колхозное крестьянство в годы Великой отечественной войны, М., 1970; В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969; Я. Р. Винников, Экономика, культура и быт туркменского крестьянства, М., 1968; «Быт и культура народов Северного Кавказа», М., 1968; «Этнографическое изучение узбекского сельского населения», М., 1969; «Этнические процессы в странах Зарубежной Европы», М., 1970; несколько номеров журн. «Советская этнография» и многочисленные отклики статей, освещающих ход и направление современных этнических процессов в СССР.

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ

С 17 по 23 августа 1970 г. в Таллине состоялся III Международный финно-угорский конгресс. В его работе приняло участие 460 делегатов, представлявших 16 стран. Наиболее многочисленными были делегации Советского Союза, Венгрии и Финляндии, где существуют давние традиции финно-угроведения. Было проведено 4 пленарных заседания; кроме того, работало 14 секций.

На пленарные заседания было вынесено шесть докладов. Э. Итконен (Хельсинки) проанализировал последние достижения финно-угорского языкознания. Б. Вилкман (Упсала) в докладе «Изучение лопарского языка в Швеции» рассказал о последних работах в этой области и наметил направления дальнейших исследований. Фольклору был посвящен доклад Д. Ортутани (Будапешт) «Древнейшие пласты наших народных сказок»¹. К. Марк (Таллин) изложила выводы о происхождении финно-угорских народов, сделанные ею на основании антропологических материалов, собранных в течение последних 15 лет; по мнению К. Марк, прародина финно-угров и самодийцев находилась в Приуралье. Один из выдающихся знатоков пермского языка В. Лыткин (Москва) выступил с докладом о вокализме непервого слога финно-угорских языков. Д. Лако (Будапешт) дал характеристику работ классика венгерского финно-угроведения Яноша Сайновича.

На заседаниях секций было заслушано более 260 докладов, что в четыре раза превышает число докладов, вынесенных на секционные заседания I конгресса финно-угроведов в Будапеште (1960 г.).

Более половины всех докладов на секциях было посвящено проблемам лингвистики. На секции «Общее финно-угорское языкознание» было представлено 25 докладов. Большой интерес представляли сообщения П. Хайду, И. Галкина, А. Рота, Я. Гуя и др. о происхождении отдельных финно-угорских языков. П. Хайду (Сегед) рассказал о соотношении уралистики и ареальной лингвистики. Он отметил, что при изучении финно-угорских языков необходимо шире учитывать языковые тенденции, общие для различных неродственных языков одной географической зоны. А. Рот (Ужгород) говорил о связях между финно-угорскими и индоевропейскими языками. В докладе И. Галкина (Йошкар-Ола) «Некоторые вопросы проницаемости языков» был поставлен вопрос о языковых контактах при билингвизме применительно к финно-угорским языкам. Я. Гуя (Будапешт) в докладе «Существовало ли финно-угорское единство?» на основании исследования языковых параллелей выдвинул предположение о том, что уже в финно-угорском праязыке существовали северные и южные группы. В остальных докладах освещались проблемы общего финно-угорского языкознания. Ряд ученых охарактеризовал состояние изучения финно-угорских языков в различных странах.

На заседаниях секции «Прибалтийско-финские языки» более трети докладов было посвящено исследованию эстонского языка, остальные — изучению финского, карельского, ливского языков. Обсуждались также проблемы связи между прибалтийско-финскими языками. А. Матвеев (Свердловск) в докладе «Отражение перехода $S > h$ в субстратной топонимике русского Севера» рассмотрел, как отражаются законы фонетики в топонимических названиях. А. Ванагас (Вильнюс) отметил наличие финно-угорского субстрата в литовской топонимике.

На секции «Угорские языки» выступали главным образом венгерские лингвисты. Они осветили проблемы исследования венгерского языка, его контактов с другими финно-угорскими языками. Темой ряда докладов было изучение обско-угорских языков.

Значительная часть докладов на секции «Волжские языки» была построена на материалах исследований мордовского языка, остальные — марийского языка. На секции «Пермские языки» говорилось о проблемах развития коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков. Ряд докладов по проблемам лингвистики был прочитан на секциях «Самодийские языки» и «Саамский язык».

Этническими проблемами занимались две секции: «Этнография» и «Верования и обряды». Б. Коромпай (Будапешт) посвятил свой доклад сравнительным этнографическим исследованиям на территории расселения финно-угров. Он дал характеристику финно-угроведения как направления этнографии, очертил область исследований и предложил пути наиболее эффективного взаимодействия финских, советских и венгерских ученых. Т. А. Крюкова (Ленинград) рассмотрела этнографические термины Волго-Камья как один из источников для анализа памятников материальной культуры и искусства. Эти термины позволяют вскрыть назначение вещи, уточнить технику ее изготовления, определить ареал бытования. А. Вийрес (Таллин) показал генезис лошадиной дуги, изобретенной финно-угорскими народами (прибалтийскими финнами) и заимствованной восточными славянами. И. Балашша (Будапешт) дал обзор первых сравнительных исследований материальной культуры финно-угров и подчеркнул значение сравнительного метода, впервые примененного Я. Янко при изучении культуры венгров, финнов и хантов в конце XIX — начале XX в. В докладе Ю. У. Э. Лехтонена (Хельсинки) «Путешествие У. Т. Сирелиуса к обским уграм и публикация материалов» было рассказано о знакомстве У. Т. Сирелиуса с Я. Янко, о путешествиях ученого к хантам и манси. Докладчик охарактеризовал собранные У. Т. Сирелиусом материалы, которые будут опубликованы на немецком языке по инициативе Финно-угорского общества. С. Циммерманс (Рига) на основе детального анализа терминологии выявил общие элементы в орудиях лова рыбы у финнов и латышей в XIX — начале XX в. А. Лутс (Тарту) выступил с докладом «Сараи для хранения сетей на эстонском побережье». Он показал отличия местных вариантов этих построек от аналогичных сооружений у соседних народов. Вопрос об областях миграций сельских жителей, переместившихся в северную Эстонию из Финляндии в XVII в., был затронут в докладе Э. Эпик (Таллин). Л. Н. Жеребцов (Сыктывкар) остановился на проблемах переселения коми на Алтай, показал

¹ Эти доклады опубликованы в журнале «Советское финно-угроведение», 1970, № 3.

их сближение с русскими, отметив особенности этого процесса: двуязычие, смешанные браки и т. п. В докладе З. П. Соколовой (Москва) «К вопросу о социальной организации у обских угров (о роде у хантов и манси)» на основе анализа этнографической литературы было высказано мнение, что у этих народов отсутствует род. Докладчик отметил характерную особенность хантов и манси: четкое деление их на две дуально-экзогамные группы. М. Гавацци (Загреб), проведя сравнительный анализ женских напильных украшений финно-угров Поволжья и народов Юго-Восточной Европы, проследил их типически сходные черты и высказал мнение, что они ведут свое начало с эпохи бронзы.

Н. Валонен (Хельсинки) изложил задачи и программу исследований, связанных с изменениями в жизни деревни под влиянием индустриализации. В докладе «К изучению изменений небольших человеческих группировок» П. Ковалайнен (Хельсинки) было рассказано о применении метода интервьюирования (анкет и вопросников) при исследовании изменений в традициях карельской (1965 г.) и финской (1967 г.) деревни; Н. Шлыгина (Москва) и Г. Троска (Таллин) охарактеризовали формы и типы эстонских деревень. Анализ многодворных поселений позволил выявить два варианта деревень рассеянной планировки. К. Чиллери (Будапешт) сопоставила конструкцию и планировку венгерских конических шалашей с северными чумами, известными в Евразии. Их сходство позволило сделать вывод о том, что предки венгров пришли на свою теперешнюю родину с востока. Арханческие черты финно-угорского происхождения были обнаружены в венгерской народной архитектуре Л. Варга (Будапешт). «Проблемы этнической традиции в постройках прибалтийско-финских народов» — так назывался доклад А. Петерсона (Тарту). Докладчик рассказывал о методике исследования некоторых строений в Прибалтике и показал связь происхождения и развития построек прибалтийских финнов с историей этого народа, а также с влиянием географической среды. А. Моора (Таллин) выделила ряд древних финно-угорских элементов в эстонской народной культуре: древние типы очагов, женской одежды и некоторые ритуальные церемонии.

В докладе Т. И. Кауконен (Хельсинки) говорилось о контактах между Финляндией и Эстонией в области народного текстильного производства. Черты сходства между финскими и эстонскими тканями, вязаными и плетеными изделиями позволяют сделать вывод о том, что эти народы заимствовали друг у друга технику и мотивы изготовления таких вещей в процессе обменных и торговых отношений. В докладе В. Н. Белицер (Москва) «Этнокультурные связи мордвы с соседними народами (по материалам одежды)» говорилось о связях мордвы с финнами Поволжья и русским населением. Докладчиком был дан анализ различных типов мордовской одежды, головных уборов и украшений. Доклад Я. Кодолани (Будапешт) «К происхождению обско-угорской нижней одежды» основан на изучении музейных коллекций и источников XVIII в. Автор предполагает, что женская нательная одежда (рубашки и штаны) появилась у обских угров раньше, чем это считалось до сих пор, благодаря их связям с татарами и другими народами.

Интересные данные о питании финской женщины после родов привела А. М. Рейхеля (Хельсинки). Аналогии в приготовлении традиционных блюд для роженицы в разных странах, по мнению А. М. Райниля, имеют рациональное значение. Я. Кешикова (Будапешт) поставил вопрос о выявлении древнейших традиционных способов консервации молока у венгров. Были рассмотрены два способа консервирования, терминология, связанная с этим процессом. К. Вилкуна (Хельсинки) показал функции лопарского зимнего поселения в Финляндии, изучавшегося в 1937—1938 гг. в связи с годовым хозяйственным циклом. Анализировались причины исчезновения некоторых лопарских селений. Л. Такач (Будапешт) остановился на археологических находках нескольких типов серпов и показал их распространение и развитие. В. Калитс (Тарту) посвятила свое выступление различным способам обработки льна в разных районах Прибалтики.

Ряд докладов на секции «Верования и обряды» был посвящен изучению свадебной обрядности у финно-угорских народов. М. Л. Хейкиямяки (Хельсинки) рассказала об обыче одаривания невестой родственников жениха и других гостей на свадьбе. В докладе рассматривался ареал распространения этого обычая. Ю. Ю. Сурхаско (Петрозаводск), изучающий национальные особенности свадебной обрядности карел КАССР, охарактеризовал два варианта карельской свадьбы — северокарельский и южнокарельский. Э. Киуру (Петрозаводск) на материале ижорских свадебных песен выявил древний обряд похищения невесты у ижор. Р. Кьельстрем (Стокгольм) посвятил свой доклад особому персонажу лопарского сватовства, который выступал посредником между родителями жениха и невесты, а также был наставником молодых.

Л. Виртанен (Хельсинки) в докладе «Дворовые сообщества детей как объект изучения» остановился на формах связей между детьми, живущими на одной сравнительно небольшой территории, на возникновении традиций этих объединений. Р. Вийдалеп (Таллин) прочел доклад «Посиделки девушек на острове Кихну».

В. Аккорин (Йошкар-Ола) посвятил свое выступление вопросу о происхождении театральных масок финно-угорских народов. Он сделал попытку выявить генетические корни масок, используемых в театрализованных представлениях. Л. С. Грибова (Сыктывкар) высказала гипотезу о связи образов пермского звериного стиля с древней идеологией — тотемизмом. Ю. В. Гариин (Сыктывкар) рассказал о сочетании нацио-

нального и интернационального в обрядности коми, о новых советских праздниках, в которых используются национальные традиции.

Культу предков у финно-угорских народов Поволжья было посвящено сообщение Н. Ф. Мокин (Саранск). Докладчик полагает, что возникновение и развитие этого культа связано с патриархатом. П. К. Поздеев (Ижевск) связал цикл удмуртских песен проводов осени и весны с охотничьим бытом далеких предков современных финно-угров. И. Кемпинен (Хельсинки) в докладе «Отношение верований карельской старины к урало-алтайским, индоевропейским и древним религиям Ближнего Востока» доказывал, что самые древние черты карельских верований — урало-алтайские по происхождению (элементы шаманства, мифы о создании мира). Индоевропейские черты карельских верований, напротив, позднейшего характера (темы Калевалы). Представления о царстве мертвых связаны с религиями стран Востока.

На секции археологии интересные доклады были посвящены древнейшим этапам этнической истории финно-угров: А. Халиков (Казань) «Древние этапы развития финно-угорской этнической общности», В. Генинг (Свердловск) «Древнейшее расселение уральских народов» и И. Эрдели (Будапешт) «К вопросу о пребывании древних венгров на Кубани». Э. Кемписти (Варшава) показала распространение культур с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Польши. О южной границе распространения этой керамики говорил Д. Я. Телегин (Киев). Г. А. Панкрусhev (Петрозаводск) исследовал древнейшие этногенетические процессы в Карелии и Финляндии. Е. И. Горюнова (Москва) привела новые данные о дьяковской культуре. Исследование материалов Зуевского могильника позволило Д. Ласло высказать ряд мыслей относительно древней истории финно-угорских народов. Восемь докладов сделали эстонские ученые: Л. Яанитс — о неолите Эстонии и Латвии, В. Лыугас — о ранней бронзе Эстонии, С. Лауль — об отношениях южных эстонцев с соседями в I тысячелетии н. э., Э. Тыннисон — о населении северной Латвии в I тысячелетии до н. э. — II тысячелетии н. э., А. Вассар — о формировании древних эстонских уездов, Ю. Селиранд — о захоронениях начала I тысячелетия н. э., А. Молвыгин — об эстонской нумизматике XII—XIII вв., В. Трумал — о возникновении поселения городского типа Тарту.

В докладе Е. Халиковой (Казань) рассматривался вопрос о финском компоненте в формировании населения Волжской Булгарии. В. И. Каневец (Сыктывкар) рассказал о древнем святилище в Большеземельской тундре, Ю. А. Савватеев (Петрозаводск) — о новых находках наскальных изображений. Э. А. Савельева (Сыктывкар) остановилась на локальных вариантах культур древних коми-зырян.

Секция антропологии провела два заседания: Ю. Ауль (Тарту) рассказал об итогах проведенных за последнее десятилетие антропологических исследований эстонских ученых. Доклад Г. Л. Хитъ (Москва) был посвящен дерматоглифике финно-угорских народов. Финно-угорские материалы сравнивались здесь с аналогичными данными по другим народам. В докладе Х. Форсиуса и Х. Луукка (Олулу) приведены сравнительные данные о строении глаз финских саамов, с одной стороны, и финнов и эскимосов — с другой. Темой доклада А. В. Эрикссона было изучение генетики человека на основе материалов, собранных у финских саамов. Р. Денисова (Рига) дала характеристику двух антропологических типов прибалтийских финнов на территории Латвии во второй половине I — начале II тысячелетия н. э., М. С. Акимова (Москва) в докладе «Некоторые вопросы формирования антропологического типа восточных финнов и обских угров» обобщила значительные материалы, собранные ею за последние годы. Три доклада осветили ход антропологических исследований в Венгрии. Т. Тот (Будапешт) говорил о проблеме происхождения древних венгров, П. Липтак (Сегед) — об этнических процессах среди древних венгров в период VI—XIII вв. Я. Немешкери (Будапешт) остановился на вопросах финно-угорского происхождения и антропологии венгров.

Часть докладов на секции «Народная поэзия» — финна М. Кууси, эстонцев А. Крикманн, В. Пино, Э. Норман, И. Сарв и марийца А. Китикова была посвящена пословицам. О сущности и первоначальных возникновения некоторых фольклорных жанров говорил Ф. Плесовский (Сыктывкар) в докладе «Миф, сказка и эпос». П. Лейно (Хельсинки) поставил вопрос об органической связи между формой и содержанием в народной поэзии. У. Конкка (Петрозаводск) рассказала об изучении генетических корней карельских причитаний, В. Евсеев (Петрозаводск) — о песнях финно-угорских народов на новых местах их бытования, В. Фойгт (Будапешт) сделал попытку определить восточную географическую границу прибалтийско-финского фольклора.

Кардинальные проблемы были рассмотрены на секции «Литература». П. Домокош (Будапешт) показал источники формирования художественной литературы у младших финно-угорских народов. Той же теме коснулся М. Г. Воскобойников (Ленинград) в докладе «Литература немцев и обских угров». О развитии литературы и эпоса финно-угорских народов говорили венгры Т. Кланицай, И. Кишш, эстонец Н. М. Бассель, финн В. Кауконен, О. А. Веберманн (ФРГ). Литературным связям и контактам были посвящены сообщения О. Крууса (Таллин), К. Лайттинен (Хельсинки) и др. Д. Радо (Будапешт), Г. Лабади (Сегед) анализировали народный эпос Калевала и Калевипозг. В докладе А. Ванеева (Сыктывкар) рассматривались проблемы языка и стихосложения коми.

На секции «Народная музыка» Д. Сомьяш-Шифферт (Будапешт) говорил о типах мелодий, характерных для финно-угорских народов, об их развитии и изменении. Тартуские ученые У. Колк и И. Рюйтель на основе анализа некоторых эстонских народных мотивов сделали некоторые выводы общего характера. Л. Викар (Будапешт) посвятил свой доклад народной музыке удмуртов севера Татарской АССР, П. Чисталев (Сыктывкар) — народным музыкальным инструментам коми, С. Н. Кондратьева (Москва) — многоголосию в музыке карелов и других финно-угорских народов.

Оргкомитет конгресса и Академия наук Эстонской ССР провели ряд интересных экскурсий: для археологов — знакомство с археологическими памятниками республики, для этнографов — экскурсии в западноэстонскую деревню и в Парк-музей, где были показаны народные танцы. Для всех делегатов была организована экскурсия в г. Тарту, где они осмотрели старейший университет и этнографический музей с прекрасной экспозицией «Финно-угорское народное искусство». Большой интерес представляет образцовая организация хранения и обработки экспонатов. Участники конгресса ознакомились также со специально созданной на время его работы выставкой литературы по финно-угроведению.

Делегаты отметили плодотворность подобных встреч и контактов ученых, занимающихся проблемами финно-угроведения в смежных науках.

Оргкомитет принял решение о проведении следующего IV конгресса финно-угроведов в Будапеште в 1975 г.

З. П. Соколова

НА XVII КОНГРЕССЕ ФОЛЬКЛОРИСТОВ ЮГОСЛАВИИ

Очередной конгресс югославских фольклористов состоялся в сентябре 1970 г. в старинном городке Порече, расположенном на западном побережье Истринского полуострова. В работе конгресса приняли участие свыше 140 югославских специалистов в области разных видов народного искусства, а также фольклористы Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Дании, Италии, США и ФРГ. Советский Союз был представлен Е. Б. Вирсаладзе (Институт истории и этнографии АН Грузинской ССР), Б. Н. Путиловым (Институт этнографии АН СССР), В. Е. Гусевым и И. И. Земцовским (Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии).

На конгрессе обсуждались три основных вопроса: 1) народное творчество Истрии; 2) перспективы народного творчества в современных общественных условиях; 3) методы собирания, изучения и научной оценки народного искусства. Эти проблемы рассматривались на пленарных заседаниях конгресса и в 10 секциях: музыкального фольклора, устного творчества, этнических проблем, классификации полифонических форм, детского фольклора, народного анекдота, магии, народной хореографии, народной инструментальной музыки. Теоретическая секция обсуждала проблему соотношения национальных и общечеловеческих элементов в фольклоре.

На пленарных заседаниях было заслушано более 40 докладов, а на секциях — свыше 80.

Тема первого пленарного заседания — «Народное творчество Истрии» — обусловлена местом проведения конгресса. Истрия — полуостров, отошедший после второй мировой войны от Италии к Югославии, отличается большой пестротой и сложностью социально-исторических, этнических и культурных традиций.

Связям материальной культуры местного населения с его историей, современной жизнью, трудом и бытом были посвящены содержательные доклады директора Загребского этнографического музея Е. Радауш-Рибачич и специалиста по народной архитектуре А. Фрейденрейха. С интересными докладами, давшими полное представление о музыке, танцах, народном театре и народных играх, о сказках и песнях населения Истрии — хорватов, словенцев и итальянцев — выступили известные фольклористы: директор Загребского института народного искусства М. Бошковиц-Стулли, директор Института словенской этнографии М. Матичетов, крупные специалисты в области народного театра Н. Бонифачич и Н. Курет, знаток народных танцев И. Иванчан и др.

Во время дискуссии, посвященной объяснению особенностей местной культуры, среди югославских ученых обнаружились разногласия. Одни делают акцент на национальных различиях, другие стремятся раскрыть общие для разных национальных групп черты, возникающие в процессе культурного сотрудничества в новых общественных условиях. Дискуссия отразила в какой-то мере обострившийся в последнее время в Югославии спор по проблемам национальной культуры.

Вторая тема конгресса — «Перспективы народного творчества в современных общественных условиях» — была представлена сравнительно небольшим количеством докладов. Вероятно, это объясняется тем, что современное народное творчество уже было в центре внимания двух предшествующих конгрессов фольклористов Югославии, а также было и предметом дискуссии на Международном съезде славистов (1968 г.). С сожалением отметим, что доклады, прочитанные в Порече, ничего принципиально нового в понимание процессов, происходящих в настоящее время в духовной культуре народных масс, не внесли. Докладчики в основном характеризовали некоторые конкретные случаи актуализации традиционных произведений, изменений в стиле народных песен, появления новых фольклорных вариантов и т. п. В программе конгресса не были достаточно полно представлены волнующие всех югославских фольклористов вопросы о судьбе фольклора в современных условиях. В какой-то мере этот недостаток был возмещен в последовавшей за докладами оживленной дискуссии, участники которой говорили о сложных, противоречивых тенденциях в развитии современного народного творчества и о том, что фольклористы должны способствовать усвоению художественной самодельностью лучших традиций классического фольклора, бороться против псевдофольклоризма, пропагандировать на радио, телевидении, эстраде подлинный фольклор. На фоне докладов эмпирического характера выделились своим содержанием и полемической направленностью выступления сотрудницы Люблянского музыкально-этнографического института З. Кумер и сотрудника Загребского радио Дж. Шаулы, говоривших не только о позитивных, но и о негативных тенденциях в художественной самодельности.

Центральная тема конгресса — «Методы собирания, изучения и научной оценки народного творчества» — успешно освещалась в многочисленных докладах ученых-фольклористов социалистических стран. О стремлении югославских ученых применить к изучению фольклора марксистскую методологию свидетельствовал доклад академика Д. Недельковича. О специальной методике собирания музыкального фольклора и об эстетических критериях при его оценке говорил профессор Сараевской консерватории Ц. Рихтман. Сравнительному изучению устного народного творчества посвятил свой доклад профессор Загребского университета Т. Чубелич. В докладах других югославских ученых говорилось об изучении фольклора с лингвистической и эстетической точек зрения, и о его классификации.

В работе пленарного заседания активно участвовали болгарские, румынские, чехословацкие и советские фольклористы. Методологии изучения фольклора балканских народов посвятил свой доклад Г. Димов (София). Другой болгарский исследователь, П. Русев, охарактеризовал общественные функции фольклора в связи с теорией информации. Профессор Бухарестского университета И. Кицимия сделал критический обзор структуралистской методики изучения фольклора. Сотрудники Института этнографии Чехословацкой Академии наук И. Герольдова и И. Варжека рассказали о методике изучения фольклора старых чешских поселений в Югославии.

Советские докладчики стремились продемонстрировать новые возможности исследования фольклора, которые открывает марксистско-ленинская методология. Б. Н. Путилов говорил о современном состоянии сравнительного изучения фольклора, И. И. Земцовский — о применении сравнительно-типологического метода в этномузыкознании, В. Е. Гусев охарактеризовал методику комплексного изучения фольклора. Выступления показали, что к методологическим и методическим проблемам изучения фольклора в социалистических странах подходят с большим вниманием.

На многочисленных секциях, работавших параллельно, было заслушано большое количество докладов, и осветить в одной информации их разнообразную тематику не представляется возможным. Советские фольклористы присутствовали на заседаниях разных секций. Е. Б. Вирсаладзе на секции, обсуждавшей проблему «Магия в народной жизни», сделала доклад о культе рек в Грузии. И. И. Земцовский участвовал в работе музыковедческих секций. Б. Н. Путилов и В. Е. Гусев выступили в дискуссии по проблеме «Соотношение национальных и общечеловеческих элементов в фольклоре» в связи с докладами о русских былинах Ф. Ойгаса, отстаивавшего теорию аристократического происхождения эпоса, и Б. Мериджи, исходившего из гипотезы о происхождении эпоса в связи с обрядами инициации. На той же секции с интересными докладами выступили старейший белградский ученый М. Ибровач, директор этнографического музея в Цетине (Черногория) И. Вукманович, ученый из Сараева И. Вуклович, профессор Белградского университета М. Малевич и др. Можно отметить как характерную особенность конгресса то, что в его работе активно участвовали представители албанской научной интеллигенции, проживающей в Югославии (автономная область Косово и Метохия). С интересными докладами об албанском фольклоре выступили ученые Ш. Плана, А. Келменди, Е. Киралаи, М. Красичи (г. Приштина).

В последний день работы конгресса его участники совершили экскурсию в Центральную Истрию, где познакомились с историческими и культурными памятниками, а также с бытом одной из деревень. Конгресс завершился выступлением коллективов художественной самодельности, исполнивших произведения народного творчества.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

I. Kiszely, Sirok, csontok, emberek. Budapest, 1969, 1. 430

Книга молодого антрополога И. Кисели, сотрудника Института археологии Венгерской Академии наук, представляет собой учебник антропологии для археологов. Глава XIII написана А. Тома, автором IX археологической главы является Г. Э. Ерем. Это издание могло бы служить учебником и для студентов-биологов, ясное и популярное изложение делает его доступным и для более широкого круга читателей. Вышедшая в 1939 г. в Будапеште книга профессора Л. Бартуца «*A magyar ember*» («Венгерский человек») содержит много ценных сведений по антропологии в целом, но охватывает все-таки только антропологию венгерского народа.

Рецензируемая книга состоит из 18 глав. В приложениях даны основы антропометрии и описаны методы статистической обработки результатов измерений скелетов. В книге отражены работы многих ведущих венгерских антропологов, в том числе М. Маланна, П. Липтака и др. Очень удачно, с нашей точки зрения, введение, где показана связь исторической антропологии и археологии. В I главе дается характеристика практических приемов, применяемых при добывании костного материала на раскопках. Во II главе кратко анализируются антропологический состав и погребальные обряды народов Дунайского бассейна от неолита до позднего средневековья. На наш взгляд, эту главу целесообразнее было бы объединить с чисто археологической главой (IX), поскольку речь идет о той же самой территории. III глава посвящена кардинальной для антропологии проблеме — определению абсолютного возраста ископаемых костей.

Не менее важны и последующие главы, где говорится об определении пола, биологического возраста, роста древних людей. В VII главе дается характеристика расовых типов людей, живших на территории Венгрии в древние времена. Нам представляется, что вопросы происхождения венгров решаются в рецензируемом издании недостаточно убедительно, поскольку автор придерживается весьма односторонней башкирской гипотезы. Во второй части книги описано несколько особо удачных случаев идентификации костей с известными историческими лицами, разбираются вопросы реконструкции лица по черепу, проблемы трепанации и деформации черепов и болезней, которые можно определить по костям, и др.

В главе XII, посвященной, в основном, работам М. М. Герасимова, излагается история развития методов реконструкции лица по черепу, которые начали разрабатываться с 1877 г. Подробно описаны черепа Белы III и его жены. Реконструкция лица короля Белы III проведена М. М. Герасимовым.

В двух последних главах разбираются лабораторные методы исследования человеческих костей, определения групп крови, серологических и гистологических анализов. В настоящее время венгерские антропологи работают над исторической реконструкцией поколений в одном большесемейном могильнике. С этой целью проводятся лабораторные анализы костного материала, исследуются наследственные признаки и их комбинации. Результаты лабораторных исследований выражаются суммой чисел, которую называют индивидуальным индексом по И. Лендел.

Автор привлекает этнографический материал для освещения разнообразия погребального обряда древних народов, приемов трепанации, искусственной деформации черепов и т. д.

Кроме очень удобного указателя, к работе приложена библиография использованной литературы. В ней немало трудов советских антропологов, в том числе работ А. А. Зубова по этнической одонтологии, но, к сожалению, книги, вышедшие в последние годы, как правило, не упоминаются.

Большое достоинство рецензируемого издания заключается в том, что автор постоянно стремится показать последние достижения антропологической науки и ввести новые методы в практику научных исследований.

И. Эрдели

Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969, 274 стр.

Среди русских, расселившихся на обширной территории, за длительный исторический период образовались различные локальные группы, отличающиеся друг от друга культурно-бытовыми особенностями. Эти особенности связаны с этнической и социальной разнородностью новопоселенцев, с влиянием местных народов, среди которых они селились, а также с социально-экономическими и природно-географическими условиями новых мест обитания. Русские, оторванные от основных центров формирования русского народа и живущие среди иноплеменного населения, представляют большой научный интерес, так как более длительное время сохраняют культурно-бытовые особенности, терминологию, некоторые традиционные обряды и обычаи, которые быстрее исчезают в местах компактного расселения того или иного народа. Изучая такие группы русских, можно проследить культурно-бытовые взаимодействия, способствующие возникновению общих элементов в материальной и духовной культуре и приводящие в наши дни к постепенному стиранию национальных различий, формированию единых черт в быту, духовном облике и психологии людей различных национальностей.

За последние годы вышел в свет ряд работ, в которых рассказывается о сложном процессе формирования русских локальных групп, об изменениях в их материальной культуре, семейных и общественных отношениях на протяжении длительного исторического периода¹. На основании этих работ можно судить о направлении этнических процессов, проходящих в настоящее время.

Рецензируемая книга — еще одно звено в цепи книг, посвященных русскому населению отдаленных районов нашей страны. На этот раз читатели познакомятся с этнографией русских, живущих в Средней Азии и Сибири (некоторые районы этих территорий начали заселяться русскими с XVI—XVII вв.). Особенно интенсивно шло переселение в Сибирь в конце XIX и начале XX вв. в связи с развитием капитализма и расстройством крестьянства. В различные периоды истории здесь селились казаки, составлявшие особую сословную группу населения, вольные промысловики-охотники, торговцы пушinou, сильные крестьяне, приписанные к заводам, хлебopашцы и т. д. Они приходили из различных районов Руси, Украины, Белоруссии и приносили с собой характерные для той или иной местности культурно-бытовые особенности.

Книга написана этнографами, длительное время изучавшими русских, живущих в Сибири и Средней Азии. В основу труда положены материалы полевых этнографических исследований, данные архивов и весьма не многочисленная по этому вопросу литература. Широко привлечены также публикации по этнографии русского населения других районов страны, что позволило делать необходимые сравнения и выводы о путях заселения рассматриваемых районов.

Книга состоит из пяти самостоятельных статей.

Статья В. А. Липинской посвящена характеристике поселений, жилищ и одежды русского населения Алтайского края. Исследуя материалы о формировании этого населения автор прослеживает пути проникновения в эти места русских из северных, средне-русских и южно-русских областей и способы образования различных по культурным традициям групп. Приводятся интересные данные об этнографическом составе населения каждого обследованного селения, о типах поселений, жилищ и хозяйственных построек. Автор приводит интересные материалы о видах планировки сельских населенных пунктов и путях развития сельских поселений с момента их возникновения до настоящего времени. Однако, несмотря на насыщенность работы конкретными статистическими данными, некоторые положения все же остались недостаточно аргументированными. Так, например, В. А. Липинская утверждает, что расселение, проходившее в советское время, привело к еще большему заселению водоразделов. Но из приведенных данных этого вывода не следует. Для того чтобы его сделать, нужно знать, какая часть населенных пунктов была расположена на водоразделах до Великой Октябрьской революции. А этих данных в работе нет. Автор достаточно подробно освещает вопрос застройки современных сельских поселений. Проанализировав современные типы планировок, В. А. Липинская приходит к выводу о том, что существующие проекты предусматривают как уличную и квартальную, так свободную и групповую планировки. Последняя представляется автору наиболее подходящей, так как вследствие особенностей населения алтайских сел они разделены обычно на несколько концов, поэтому свободная планировка будет соответствовать привычкам населения и потребует меньших затрат на переустройство. Такая точка зрения нам представляется недостаточно убедительной. В деревне за годы Советской власти произо-

¹ «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани», М., 1967; Л. М. Сабурова, Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967; Е. П. Бусыгин, Русское население Среднего Поволжья, Казань, 1956 и др.

шли огромные социально-экономические изменения, неизмеримо повысился культурный уровень сельских жителей и их материальное благосостояние, и при планировке прежде всего следует думать не о привычках, а об экономической целесообразности.

С привлечением большого фактического материала написан раздел об одежде; здесь приводятся характеристики традиционных комплексов мужской и женской одежды у различных социальных групп русских Алтая, рассказано об изменениях в одежде в конце XIX — начале XX вв.; основное внимание уделено описанию одежды советского периода. В работе подробно охарактеризованы все типы современной одежды, в которых отражена этническая специфика, возрастные различия, культурный уровень и профессиональные особенности жителей. Интересны данные о заимствовании отдельных группами русских Алтая бытовых особенностей местных народов. Очень интересны графики, показывающие рост покупательной способности колхозников.

В статье А. В. Сафьяновой рассказывается о положении женщины в Алтайской деревне до революции и о том, какие изменения произошли в ее жизни за годы Советской власти. Автор, опираясь на большой статистический материал, показывает, насколько повысился культурный уровень сельских жителей, увеличилось их число в составе сельской интеллигенции, возросла активность во всех сферах общественной и культурной жизни. А. В. Сафьянова рассматривает материалы о традиционных современных общественных праздниках и праздниках, возрожденных на основе прежних традиций, но переосмысленных по-новому и об участии в них женщин различных возрастов.

Однако с отдельными положениями автора вряд ли можно согласиться. Например, вызывает сомнение вывод, сделанный на основе недостаточного количества фактов о том, что уже в 20-х годах праздник 8 Марта на селе повсеместно отмечался торжественно. Исходя из данных о праздновании этой даты в Среднем Поволжье и в других районах нашей страны, мы можем говорить, что в это время современные праздники только начинали входить в быт села и отмечали их далеко не повсеместно. Вызывает также сомнение утверждение, что крестьянки принимали активное участие в работе клубов, открытых в церквях. В действительности общественные мероприятия в клубах проводила молодежь, и только со временем в результате большой культурно-просветительной работы советских и партийных организаций в клубы стала ходить основная масса колхозниц.

Очень интересна статья А. А. Лебедевой, посвященная истории формирования русского населения Забайкалья (забайкальских казаков и крестьян) и характеристике его хозяйственного и семейного быта конца XIX — начала XX вв. В работе рассказывается также о связях русских Забайкалья с русским населением северо-русских и южно-русских областей Европейской части нашей страны. Выводы автора подкрепляются убедительными примерами из области материальной культуры.

Особое внимание уделено культурно-бытовому взаимодействию русских с местными народами — бурятами и эвенками. Указывается, например, на то, что русские в быту широко использовали войлок, так же, как буряты, обрабатывали шкуры, складывали печи. А. А. Лебедева подробно описывает занятия русских Забайкалья, технику земледелия, возделываемые сельскохозяйственные культуры, хозяйственные постройки, домашние ремесла и промыслы.

Значительное место в статье уделено анализу состава семьи, ее численности, структуры, взаимоотношений членов семьи. Весьма обстоятельно описаны жилища различных социальных групп русских Забайкалья и изменения, произошедшие в них в конце XIX — начале XX в. Небольшие замечания хочется сделать по разделу, где описываются сельскохозяйственные орудия. Автор говорит о широком употреблении в конце XIX в. усовершенствованного пахотного орудия — сабана, деревянного плуга, близкого по конструкции к сохе. Однако из приведенного описания видно, что с сохой сабан сближает только лемех, который представляет собой «сошники сохи, но как бы сросшиеся в одно целое» (стр. 135). В остальном же сабан ничем соху не напоминает. Это совершенно другое орудие, предназначенное для обработки целинных и залежных земель. Неясно также, с чем связано распространение сабана у русских Забайкалья.

Статья Г. И. Охрименко посвящена характеристике женского костюма семейских XIX—XX вв. Опираясь на музейные экспонаты и полевой этнографический материал, автор подробно описывает женский костюм, головные уборы, украшения, отдельные детали — весь комплекс женской одежды в целом — и приходит к выводу о том, что в нем есть особенности, характерные в большей степени для северного и средне-русского костюма, а отдельные элементы связывают его с костюмом юго-западных и южно-русских областей Европейской России.

Далее Охрименко высказывает предположение, что этот комплекс в основных чертах сформировался в период пребывания предков семейских в районе Ветки и Стародуба (северная Украина и юго-восточная Белоруссия), куда в конце XVII и начале XVIII в. стекались большие группы русских старообрядцев из разных районов страны.

Рецензируемая книга завершается большой статьей Т. В. Станюкович «Поселения и жилища русского, украинского и белорусского населения Среднеазиатских республик и Казахстана». Выдерживая общий план книги, автор рассказывает об истории формирования групп восточно-славянского населения на данной территории, дает характеристику поселений и жилищ, пишет об изменениях, произошедших в жилище под влиянием новых географических условий и под влиянием местного населения. При

характеристике жилищ и отдельных усадеб приводятся термины, унаследованные жителями с мест своего прежнего обитания. Они, как справедливо отмечает автор, дают возможность узнать те места, откуда переселенцы в свое время выехали, выявить взаимовлияния совместно живущих народов. Подробно характеризуя двор и хозяйственные постройки, автор указывает на то, что приспособляясь к новым местным условиям, переселенцы вынуждены были отказываться от привычных форм быта. В качестве примера приводится рассказ одного переселенца с Украины, который вначале построил открытый двор, как на Украине, а «...на другой год вже давай закрывати двір, бо тут без сибірської моди не можна». Однако дальше автор говорит, что в наши дни крытые дворы встречаются лишь в северных районах Казахстана, причем число их с каждым годом идет на убыль. С чем это связано? Может быть, изменились климатические условия? К сожалению, автор делает подобные заключения, не подкрепляя их статистическим материалом.

То же самое можно сказать и в отношении раздела работы, посвященного изменениям в планировке современных жилищ, интерьеру жилого помещения. Встречаются слишком общие фразы, как например, «сохраняется в кухне и традиционная деревянная мебель» или «распространяется готовая мебель современного городского типа» и др. Также вряд ли можно согласиться с категорическим утверждением, что «для последней группы восточнославянского населения (переселенцев в Среднюю Азию и Казахстан в советский период — Е. Б.) характерен интерьер городского типа». По нашим данным, на территории Среднего Поволжья даже в домах сельской интеллигенции сохраняются элементы сельского быта, что не позволяет проводить полную аналогию с обстановкой и планировкой жилого помещения в городе.

В целом во всех статьях книги изложен очень интересный материал, повествующий об особенностях культуры локальных групп русского народа, сложившихся вдали от основных центров его расселения.

Все статьи книги хорошо иллюстрированы рисунками, схемами, фотографиями, диаграммами. Особенно хороши цветные фотографии, дающие яркое представление об интересной, самобытной культуре русского населения Сибири и Средней Азии.

Рецензируемая книга — существенный вклад в изучение культуры и быта восточных славян, оказавших большое влияние на культуру многих народов нашей страны, и в то же время впитавших в себя все ценное и полезное, что было накоплено этими народами в процессе длительного исторического развития. Книга с большим удовольствием будет принята не только специалистами-этнографами и историками Сибири, но и учителями, краеведами — всеми, кто интересуется культурой и бытом народов нашей страны.

Е. П. Бусыгин

Э. Г. Гафферберг. Белуджи Туркменской ССР. Л., 1969, 239 стр.

Книга Э. Г. Гафферберг «Белуджи Туркменской ССР» посвящена народу, численность которого в нашей стране составляет по данным переписи 1959 г. всего 8 тыс. чел. Этот труд — первое в советской историко-этнографической литературе монографическое исследование специфики быта, производственной деятельности, культуры, семейной и общественной жизни белуджей. При этом работа знакомит специалистов-этнографов и широкий круг читателей с традиционным и современным бытом белуджей не только в Туркменистане, но отчасти и за рубежом¹.

Еще в недалеком прошлом белуджи были кочевниками-скотоводами. Исследование пути перехода белуджей Туркменистана в 1927—1930 гг. от кочевого и полукочевого к оседло-земледельческому образу жизни, а в последующие два-три года — и к коллективным формам хозяйства представляет очень большой научный и практический интерес.

Рецензируемая книга Э. Г. Гафферберг основана на большом и оригинальном полевом этнографическом материале, собранном автором за шесть сезонов экспедиционных работ среди белуджей Туркменистана; привлечен также большой литературный материал, умело использованы архивные документы и музейные коллекции. Это делает труд Э. Г. Гафферберг солидным этнографическим исследованием как по замыслу и структуре, так и по исходному фактическому материалу.

С большим интересом читается краткий очерк истории, расселения и этнического состава белуджей на территории Туркменской ССР. Автор на конкретном материале осветил вопросы землеустройства и расселения всех этнических подразделений белуджей, обеспечения их орудиями производства, семенами, агротехнической и финансовой помощью, благодаря которым стали возможными их оседание на землю и переход к земледелию. Жаль только, что автор не сопроводил свое описание расселения белуд-

¹ Как известно, основная масса белуджей живет в Пакистане (1200 тыс. чел.), Иране (450 тыс. чел.), Афганистане (90 тыс. чел.). См. «Атлас народов мира», М., 1964, стр. 144; «Население земного шара. Справочник», М., 1965, стр. 181, 133, 156 и др.

жей картами, которые отразили бы как первый этап оседания белуджей (1927—1930 гг.), так и их современное расселение.

Одним из самых удачных разделов книги является глава о материальной культуре. В ней с большим знанием этнографического материала рассматриваются составные элементы традиционной и современной культуры, закономерности ее развития. Особенно интересна та ее часть, где говорится об огромных изменениях, происшедших за короткий исторический период в поселении и жилище белуджей Туркменистана по сравнению с жилищем их зарубежных сородичей.

Э. Г. Гафферберг рассказывает о типах жилища, его внутреннем убранстве, указывает на значительное туркменское и русское влияние. Типы и способы постройки новых домов, по справедливому заключению автора, в значительной мере заимствованы у окружающего туркменского и отчасти русского населения. Однако в убранстве жилья у белуджей имеются свои специфические черты, хотя и тут заметно влияние традиционной туркменской и современной городской культуры. Эволюция жилища белуджей представляет пример исключительно быстрого (за четверть века) перехода от шатра кочевника к оседлому благоустроенному, убранному современной мебелью, электрифицированному и радиофицированному дому с большими окнами, крашеными стенами и дощатым полом.

Второй раздел третьей главы — «Одежда» — написан живо и очень подробно. Личные наблюдения автора во время полевых исследований помогли ей тщательно описать традиционную одежду белуджей Туркменистана, которая устойчиво сохранялась до недавнего времени свою национальную специфику. Подробно описывая мужскую, женскую и детскую одежду, автор показывает ее сходство с одеждой зарубежных белуджей, а также различия в одежде белуджей и окружающего их туркменского и русского населения. В разделе отмечены изменения, происшедшие в одежде, особенно за послевоенные годы. В женской одежде, как показывает Э. Г. Гафферберг, более продолжительное время сохранялись национальные особенности, но за последние годы под влиянием различных социально-экономических и культурных факторов и в ней прослеживаются заметные изменения. Они касаются как покроя одежды, так и отдельных частей костюма, головных уборов, обуви, украшений.

В последнем разделе этой главы описаны пища и утварь, а также изменения, которые они претерпели за годы Советской власти. Этот раздел, как и многие другие, снабжен большим числом удачно выполненных рисунков, чертежей и фотографий.

При описании изменений в материальной культуре белуджей Туркменистана автор сравнивает отдельные наиболее характерные ее элементы с функционально аналогичными явлениями у белуджей за рубежом и таким образом наглядно показывает те разительные перемены, которые произошли в быту белуджей Советского Союза.

Очень обстоятельно разработана автором четвертая глава рецензируемого труда, посвященная исследованию семьи и семейной жизни. Широко используя полевой этнографический материал и литературные источники, автор очень убедительно показал положение женщины, ее роль в домашнем хозяйстве, участие в общественном производстве.

Интересным представляется нам описание форм заключения брака и свадебной обрядности (стр. 163—205), а также женского праздника *санг*, который отражает не только былую матрилокальность брака, но и более высокое в прошлом положение женщины, что выражается в двух важных моментах праздника: во-первых, угощение подается сначала женщинам, а потом мужчинам, и во-вторых, именно женщина устанавливает окончательную сумму выкупа за невесту (стр. 206).

Заключительный раздел главы посвящен характеристике обычаев и обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей (стр. 209—216).

В последней, пятой главе рецензируемой книги рассматривается народное образование, здравоохранение, общественная и культурная жизнь. Автор на конкретных примерах показывает огромные успехи народного просвещения, а также трудности в деле широкого развертывания школьного образования, особенно когда это касалось девочек. Однако трудно согласиться с утверждением автора о том, что среди белуджей «еще несколько лет тому назад иногда даже мальчиков родители не хотели пускать в школу... Девочки ходили в школу в единичных случаях и то только в начальные три класса» (стр. 218). Сам автор далее пишет, что за последние пять-семь лет обучение белуджских детей стало массовым (стр. 219). При изучении школьного образования и просвещения в белуджском колхозе им. Жданова в 1950 г. и в белуджских селениях совхоза «Захмет» и колхоза «Победа» в 1967 г. мы смогли убедиться в том, что школу посещали все дети.

Об общем подъеме культурного уровня белуджей свидетельствует и сеть культурно-просветительных и медицинских учреждений. Вызывает сожаление, что Э. Г. Гафферберг не отразила в этом интересном разделе книги успехи, достигнутые в области роста просвещения и грамотности среди белуджей.

Недостаточно ярко показано в книге и участие белуджей в работе партийных и общественных организаций, оказывающих большое влияние на подъем культуры сельских жителей.

Весьма интересной, хотя и не во всех своих положениях и сопоставлениях бесспорной, является вторая глава — «Основные занятия». Она начинается с краткой характеристики основных занятий белуджей до их переселения в Туркмению, затем

следует описание условий землепользования за рубежом, техники обработки земли, уборки и распределения урожая между владельцами земли и арендаторами (стр. 33—39). Далее очень лаконично, буквально на двух страницах, сообщаются краткие сведения о получении земли при земельно-водной реформе и землеустройстве и о переходе белуджей Туркмении к коллективизации.

Именно здесь хотелось бы увидеть подробное, аргументированное изложение трудностей и успехов при переходе белуджей к коллективизации, освещение процесса социалистического преобразования их хозяйственного уклада, в частности производственного быта, формирования у них нового сознания и отношения к коллективному труду, к общественной собственности и многие другие связанные с этим вопросы.

При характеристике результатов землеустройства белуджей Э. Г. Гафферберг допустила неточность, указав, что земельные наделы, полученные при землеустройстве в 1927—1929 гг., окончательно закреплялись за белуджами лишь после 1930 г. (стр. 28). В действительности переданные белуджам в порядке землеустройства земли не требовали последующего закрепления. Ошибочно утверждение автора и о том, что у белуджей в те годы соблюдалась пятипольная система землепользования (стр. 28, 41). Фактически они, как и окружающее туркменское население, тогда не соблюдали севооборота.

Вызывает сомнение свидетельство автора и о том, что последние укрупнения колхозов произошли в 1951 г. (стр. 29) и в 1952 г. (стр. 69). На самом же деле последнее укрупнение колхозов имело место в 1956 г. Оно способствовало дальнейшему росту технической вооруженности, лучшему использованию средств производства, увеличению денежных доходов и отчислений в неделимые фонды, т. е. укреплению экономической базы колхозов.

Огорчительны некоторые более частные оплошности, нечеткие формулировки. Так, нельзя согласиться с утверждением автора о том, что поля «в белуджских, как и во многих туркменских колхозах, находились еще до 1961—1962 гг. в довольно первобытном состоянии» (стр. 45), или о том, что до «планировки стандартное поле-карта в белуджских колхозах было не более 0,10—0,20 га», а после планировки 0,30 га (стр. 45). Вопросам планировки орошаемых земель все колхозы республики, в том числе и белуджские, уделяли и уделяют большое внимание и особенно в связи с переходом на новую систему орошения, обработку посевов хлопка в двух направлениях (квадратно-гнездовой способ). В настоящее время в большинстве колхозов республики, в том числе и в тех, где живут и трудятся белуджи, поля хорошо спланированы и составляют 5, 10, 15, 20 и более га.

Явно ошибочны сведения автора о том, что белуджи выпасают скот на посевах пшеницы до того, как растения достигают 25—30 см высоты (стр. 55), а также о том, что посевы пшеницы поливают летом несколько раз и что первый полив бывает в мае (стр. 55). В действительности выпас скота практикуется местами только осенью на озимых зерновых посевах. Поливы зерновых начинаются ранней весной и заканчиваются к середине мая.

Более обстоятельно написан раздел «Животноводство» (стр. 56—85). Однако и здесь имеются недостаточно аргументированные или неточно сформулированные положения. Нецелесообразно и неправильно, на наш взгляд, начинать освещение соотношения скотоводства и земледелия с характеристики этого у небольшого по численности группы белуджского населения Серахского района. Скотоводство в этом районе было не характерно для основной массы белуджей, расселенных в Мургабском оазисе. Заметим, кстати, что заимствованные автором сведения из материалов Среднеазиатской экспедиции 1929 г., в частности вопрос о выпасе скота и связанных с этим четырех переколовках (стр. 59, 60), вызывают серьезные возражения. Но это не главное. Главными при исследовании скотоводства являются вопросы о том, где и как было организовано животноводство белуджей Мургабского оазиса до коллективизации, и еще важнее, на какой базе возникло и развивалось у них общественное животноводство. К сожалению, эти основные вопросы в книге не освещены.

Развитие каракулеводства в Туркменистане Э. Г. Гафферберг описала на основании сведений, полученных от старого пастуха Н. Сораба, вместо того, чтобы использовать опубликованные статистические материалы. В результате допущены серьезные неточности, в частности утверждается, что каракулеводство получило, якобы, широкий размах лишь с организацией колхозов (стр. 67).

Отмеченные неточности касаются в основном частных или дискуссионных вопросов и не могут изменить общей высокой оценки рецензируемой книги. Этнографические наблюдения, научные обобщения и выводы, содержащиеся в ней, дают основание признать данный труд значительным шагом вперед в историко-этнографическом освещении наиболее важных вопросов современной жизни национальных меньшинств в СССР, в данном случае белуджей Туркменской ССР. В условиях социалистического строительства, в ходе осуществления ленинской национальной политики в хозяйстве, в быту и в сознании белуджей, как подчеркивает автор, произошли огромные сдвиги. Белуджи совершили за годы Советской власти скачок от нищеты к зажиточности, от темноты и невежества к современной советской культуре, сохраняя при этом национальное самосознание и вместе с тем осознавая себя частью многонационального советского народа.

Я. Р. Винников

Книга В. Пименова и Е. Эпштейна посвящена истории изучения Карелии — одного из интереснейших районов нашего Севера. Она основана как на опубликованных материалах (путевых дневниках, отчетах об экспедициях, книгах и статьях путешественников), так и на неопубликованных, которые хранятся в архивах Академии наук СССР, Всесоюзного Географического общества, Центральном государственном архиве Карельской АССР и рукописных отделах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шchedрина в Ленинграде и Фундаментальной библиотеки Академии наук СССР. По сравнению с изданной в 1958 г. теми же авторами книгой «Русские исследователи Карелии (XVIII в.)» рецензируемое издание значительно дополнено новым материалом и охватывает почти весь дореволюционный период изучения Карелии.

Работа состоит из введения, десяти глав, заключения, списка основных источников и литературы и именного указателя упоминаемых в тексте путешественников и исследователей. Авторы отмечают, что книга преследует в основном популяризаторскую цель — показать, как постепенно нарастала общая сумма знаний о Карелии; в ней не ставится задача дать анализ научных результатов и достижений в той или иной отрасли науки.

Во введении кратко рассказано, как накапливались сведения о Карелии с древнейших времен и до XVIII в. Первые пять глав посвящены XVIII в., периоду, с которым связана деятельность целого ряда крупных ученых. Среди них можно назвать И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецкого, Г. Р. Державина, П. И. Челищева и др. Немалая заслуга авторов рецензируемой книги состоит в том, что они показали роль не только этих исследователей в изучении Карелии, но и уделили особенное внимание ученым менее известным, в работах которых также содержится интересный этнографический материал, например П. Б. Иноходцеву, занимавшемуся проблемами исторических наук, в особенности вопросами этнической истории.

Следующие пять глав посвящены XIX в., который является новой, более высокой ступенью в изучении Карелии. Авторы справедливо отмечают, что начиная с первых десятилетий XIX в. происходит становление финно-угроведения в России. Основателями этой отрасли науки следует считать И. А. Шегрена, Э. Лённрота и М. А. Кастрена. В XIX в. усиливается интерес к изучению народного быта, поэзии, языка, дальнейшему накоплению этнографических знаний. Среди исследователей Карелии XIX в., сыгравших определенную роль в истории этнографической науки, авторы называют В. А. Дашкова — организатора Русской этнографической выставки 1867 г. в Москве, материалы которой стали первыми экспонатами так называемого Дашковского этнографического музея. Следует заметить, что роль В. А. Дашкова в истории этнографии до сих пор несколько принижалась. Поэтому небольшой очерк об этом исследователе, помещенный в рецензируемой книге, приобретает особое значение.

Интересные страницы посвятили авторы деятельности в Карелии во второй половине XIX в. замечательных русских собирателей и интерпретаторов устного народного творчества — П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и др. Особенно интересны сведения о научном подвиге Рыбникова, открывателя и первого собирателя русского былинного эпоса на Севере. Политическую ссылку он сумел превратить в этнографическую экспедицию.

В книге рассказано также о работе в Карелии в конце XIX в. таких выдающихся этнографов, как брат и сестра Н. Н. и В. Н. Харузины, этнограф и фольклорист П. П. Чубинский, этнограф А. Я. Ефименко. Кроме того, показано формирование исследователей Карелии из числа местной интеллигенции.

В заключение авторы говорят о том большом вкладе, который внесли в изучение Карелии исследователи и путешественники XVIII—XIX вв. Отмечено, что только после Великой Октябрьской революции, когда развитие науки стало государственной политикой, началось широкое и планомерное исследование Карелии и использование ее природных богатств. В результате «из отсталой окраины Карелия превратилась в высоко развитую индустриальную республику».

В книге «Карелия глазами путешественников и исследователей» сведены воедино все материалы по изучению этого края в XVIII—XIX вв., что само по себе уже представляет немалую научную ценность. Следует отметить, что авторы зачастую не ограничиваются простым перечислением имен исследователей и описанием маршрутов их путешествий, а дают и научную оценку собранных материалов. Все это, несомненно, делает книгу нужной и полезной как для специалистов, работающих в области общественных наук, так и для людей других профессий, интересующихся нашим Севером. Остается пожелать, чтобы авторы в дальнейшем, работая над этой тематикой, расширили пределы затрагиваемой ими территории, включив в нее прежде всего Мурманский Север, история изучения которого также представляет собой большой научный интерес.

Т. В. Лукьянченко

И. В. Зырянов известен в среде фольклористов как ученый и неутомимый собиратель народного творчества. Его сборники частушек и лирических песен приобрели большую популярность среди широкого читателя, их часто используют в своей работе исследователи. Новый сборник И. В. Зырянова, включивший в себя бытовавшие и бытующие в Чердынском и Красновишерском районах Пермской области произведения свадебного фольклора,— итог многолетней собирательской практики автора, своеобразная веха в истории собирания материалов о русской свадьбе. За послевоенные годы это, пожалуй, самое крупное и самое лучшее издание свадебного фольклора (хотелось бы при этом отметить еще и высокий уровень художественного оформления книги, исполненного М. Тарасовой).

Рецензируемая книга на первый взгляд сделана в тех же традициях, что и другие сборники русского фольклора, в частности работы М. Едемского, М. Шереметевой, Н. Гринковой, Н. Колпаковой и др., в которых давалось описание «свадьбы в полном ее объеме. Но при более внимательном знакомстве со сборником приходишь к выводу о том, что он в корне отличается от записей вышеназванных собирателей.

В кратком предисловии к сборнику, написанном составителем, мы встречаем такие слова: «Нас интересует прежде всего поэтическая сторона свадьбы. Мы стремились дать цельный песенный комплекс этого обряда, как он сохранился теперь, пусть даже в отдельных разрозненных текстах». Это исходное положение автора, и оно, на наш взгляд, оправдано, но при одном условии: если автор, описывая данную особенность свадьбы, не забывает о других.

Не секрет, что свадьба — это не только поэзия, но еще и определенный общественно-юридический, экономический и религиозный акт. И в этом — вся сложность.

Кроме того, необходимо сказать о том, что интересующая автора поэтическая сторона свадьбы представлена в сборнике не полно: ведь поэтическую силу свадьбы составляют не только песни, причитания и приговоры дружки, но и многие ее обряды. Такие, например, как обряд прощания с красотой, о котором в книге лишь упомянуто. В то же время в сборнике приведены совсем не поэтические по своей сущности произведения. Например, весь «поэтический» комплекс в книге завершается песней, закликательной в своей основе: «Вот тебе жена — Богом создана! Люби ее, не обижай. И в обиду не давай! Ложитесь вдвоем — Вставайте втроем! На каждую ночь — Сына и Дочь!». Думается, что поэтические достоинства этой песни приближаются к нулю, но вот магическая ее функция проявляется очень хорошо.

Не совсем удачно, на наш взгляд, и то, что тексты в книге идут один за другим без всякого разграничения в жанровом отношении. Рядом со свадебной лирической песней идет величальная, с причитанием — корильная. В разных частях книги помещены песни, в которых отражены одни и те же моменты свадебного обряда. Возможно, что в данном случае И. В. Зырянов преследовал определенную цель — распределить тексты свадебного фольклора так, чтобы получилась в самом деле «поэма» или лучше — «драма», но в таком случае это следовало бы оговорить. Собиратель в предисловии отмечает: «... принцип подачи песенного материала позволит читателю лучше понять ход драмы, увидеть всех его участников, понять специфику произведений, оценить их художественные достоинства». Но спрашивается, во-первых, о какой драме здесь идет речь (как можно из совершенно разных по своей сущности произведений смонтировать «драму?»), во-вторых, как можно увидеть в песнях «всех участников свадьбы», когда в разных жанрах свадебного фольклора они изображаются по-разному (ср. величальную и корильную песни, причитания и свадебную лирическую песню), и в-третьих, о какой точно специфике должен узнать читатель — о специфике обрядового фольклора, в отличие от необрядового, или о специфике различных жанров внутри самого свадебного фольклора?

Нам кажется, что собиратель должен был бы или во вступительной статье, или в комментариях обосновать принцип расположения материала. В маленьких прозаических введениях к отдельным группам произведений часто речь идет о каком-нибудь одном жанре, например о причитаниях (стр. 30, 52) или о величальных песнях (стр. 175, 228), но далее помещены произведения других жанров свадебного фольклора, а это вызывает недоумение. Более того, рядом с песенными жанрами помещаются жанры стихотворные — приговоры дружки (стр. 136—139) — и это, надо признаться, уже выходит за рамки того «песенного комплекса», о котором говорилось в предисловии.

Таким образом, с одной стороны, задавшись целью представить читателю прежде всего поэтическую сторону свадьбы, собиратель ее обеднил, так как не учел обрядовую сторону, с другой, задавшись целью представить в сборнике «цельный песенный комплекс», он раскрыл тему очень широко, никак это не оговоров. В результате читатель, который, может быть, впервые будет знакомиться с материалами, рассказывающими о свадьбе, во-первых, не получит полного представления о поэтической сущности свадьбы, а во-вторых, очутится в тупике, так как в «песенный комплекс» проникли чужеродные элементы.

Как правило, все выходящие сборники по фольклору берет в руки не только «шырокий» читатель, но и ученый. Много ли даст исследователю сборник, изданный И. В. Зыряновым? И много и мало.

Сборник включает в себя 223 текста свадебного фольклора. Почти все тексты обладают высокими поэтическими достоинствами. Это говорит о том, что в Пермской области до сих пор хорошо сохранилось народное искусство, равно как и о том, что И. В. Зырянов прекрасно знает фольклор и очень интересно его собирает (не только в экспедициях, а наблюдая, так сказать, изнутри). Материалы, сосредоточенные в сборнике, не являются описанием происходившей где-то конкретной свадьбы: показываемая свадьба сконструирована искусственно, поэтому название «чердынская» очень условно. Тексты, подобные тем, что помещены в рецензируемом сборнике, можно собрать в различных областях и на их основе описать «ход» другой свадьбы. Но в таком случае спрашивается, чем же отличается чердынская свадьба, например, от пермской, а пермская от вологодской или тамбовской?

Далее. В книге, к сожалению, ничего не говорится о том, всегда ли варианты, например, одной и той же песни, причета и пр., исполнялись в определенном месте обряда? Вероятно нет, потому что свадьбы даже в двух соседних деревнях и даже в одной и той же деревне очень часто различались между собой как в обрядовом, так и в фольклорном отношениях, и поэтому использовать книгу для анализа связей обряда и песни затруднительно. Такое положение можно было бы исправить, если в комментариях и в указателе очень кратко дать сведения, по поводу какого обряда исполнялось то или другое произведение. Не секрет также, что за последние десятилетия в праздновании свадьбы произошли большие изменения, и о путях этих изменений ученым необходимо знать. Материалы же, собранные в сборнике, не дают сведений об этом. «Старинная свадьба давно забыта,— пишет, например, И. В. Зырянов.— В памяти людей старшего поколения сохранились отдельные поэтические фрагменты, воспоминания об обрядовых действиях, смысл которых иногда трудно объяснить...» (стр. 5). Но это лишь общее утверждение, а из рецензируемой книги, к сожалению, нельзя узнать, какие изменения произошли в чердынской свадьбе.

Вероятно, требования, которые мы предъявляем к сборнику, могут показаться чересчур высокими (тем более, что И. В. Зырянова интересовала прежде всего поэтическая сторона свадьбы). И это действительно так, если сравнить сборник с публикацией материалов о свадьбе, осуществленной за послевоенный период, когда собирать для свадьбы интересовал преимущественно свадебный фольклор. Эти требования, однако, совсем не покажутся таковыми, если мы обратимся к опыту публикаций о свадьбе, подготовленных в печати такими собирателями-фольклористами, как М. Едемский, Н. Виноградов, Н. Богословский, М. Шереметева, Н. Катакова и др. В последнее время в этом отношении прекрасную публикацию беломорской свадьбы осуществили Д. Балашов и А. Красовская. Перед фольклористами стоит сейчас задача собирать материал о свадьбе не только как о поэтическом, но и как о бытовом явлении с учетом всех изменений, всех новшеств, проникших и проникающих в нее постоянно. Поэтому пожелания, которые были здесь высказаны по поводу книги И. В. Зырянова, в значительной степени относятся и к будущим публикациям.

Ю. Г. Круглов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Edward Rossej. *Przemiany Demograficzne w Polsce*. Gdansk, 1970, 51 str.

Брошюра члена-корреспондента Польской Академии наук и руководителя действующей при Академии особой Демографической комиссии проф. Эдварда Россета содержит компактную, но очень выразительную сводку демографических сдвигов в Польше по сравнению с предвоенными и первыми послевоенными годами. Убедительно показан и ряд демографических последствий социалистических преобразований в ПНР.

Рецензируемое издание состоит из двух частей: в первой дана характеристика численности и структуры населения Польши, во второй — анализируется более специальная проблема воспроизводства населения. Обе части органически связаны. Объяснить показатели динамики населения за предыдущие годы (если, конечно, не считать беспрецедентные потери населения в период гитлеровского нашествия) нельзя без учета естественного движения; тем более важен для прогнозов анализ смены поколений, их «ротации», по выражению автора (стр. 25), эволюции фертильности женщин, брачности и других аналогичных показателей.

В брошюре приведены три варианта демографических прогнозов до 2000 г., разработанные Комиссией Совета Министров совместно с Главным статистическим управлением.

Ввиду большого интереса, который представляют эти материалы, приведем их: по низшему варианту население Польши достигнет к концу 2000 г. 38,86 млн. человек, по высшему — 40,17 млн. чел. (напомним, что по переписи 6 декабря 1960 г. численность населения Польши достигла 29,78 млн. чел., по оценке конца 1970 г. — около 33 млн. чел.¹). Заслуживает внимания малое расхождение в прогнозах по высшему и низшему варианту (лишь около 3% от прогнозируемой численности населения). Это много меньше, чем разброс значений прогнозных величин в СССР. Польские демографы делают свои прогнозы на основе хорошо изученных ими процессов воспроизводства населения, а также учитывают большую «демографическую монолитность» Польши.

В работе Э. Россета приведены данные о динамике населения за прошлые годы и показаны огромные потери в период войны. По оценке 1939 г., в стране жило около 35 млн. чел. (в том числе на современной территории ПНР — около 32 млн. чел.); по переписи 14 февраля 1946 г. — 23,9 млн. чел., из них 2,3 млн. немцев, позже почти полностью репатрированных. Прирост населения Польши за годы народной власти автор определяет примерно в 9 млн. чел. (стр. 6).

Справедливо отмечается изменение самого типа этнической структуры населения Польши. До войны национальные меньшинства составляли здесь почти треть (31,6%). Э. Россет приводит оценки их численности на 1931 и 1939 гг. Говоря о современном положении, автор констатирует: «Население Польши ныне состоит почти на сто процентов из поляков» (стр. 24).

По оценке Э. Россета, число поляков, живущих за рубежом, составляет около 10 млн. чел. (в том числе 6,5 млн. в США, более 1,4 млн. в СССР, около 0,75 млн. во Франции, 0,45 млн. в Бразилии, более 0,3 млн. в Канаде и т. д.).

Во второй части брошюры показатели смены поколений выводятся из данных о естественном движении населения. Рождаемость в Польше, как и во всех развитых странах, имела тенденцию к сокращению (1955 г. — 28,1 на 1000 жит., 1969 г. — 16,3, по прогнозу на 1996 — 2000 гг. по различным вариантам — от 11,6 до 12,9). Естественный прирост населения также сокращается (1955 г. — 19,5 на 1000 жит., 1969 г. — 8,2, по прогнозу на 2000 г. — 2,4 — 3,9). Однако сокращение естественного прироста идет в настоящее время медленнее, чем сокращение рождаемости. Это объясняется тем, что одновременно сокращается смертность (например, в 1950 г. — 11,6 на 1000 жителей, в 1969 г. — 8,1). Особенно заметно падает детская смертность: из 1000 родившихся детей до 1 года умирало в 1950 г. 111,2, в 1969 г. — 34,4. В связи с этим и вероятная средняя продолжительность жизни заметно возрастает: к 1965/66 г. она достигла 66,8 лет для мужчин и 72,8 лет для женщин (в 1952/53 г. была соответственно 58,6 и 64,2 лет).

Анализ естественного воспроизводства населения автор подкрепляет динамическими данными о женской фертильности (в разных возрастных группах), о показателях брачности (в 1969 г. в Польше заключено 270 тыс. браков) и т. д.

Эти материалы снова возвращают нас к структурным показателям. В 1946 г. на 100 мужчин приходилось 118,5 женщин, а в конце 1969 г. — только 105,8, доля занятых в промышленности к 1960 г. выросла против довоенного уровня вдвое, в строительстве — вчетверо, в просвещении, здравоохранении, науке и культуре — в три с половиной раза; все эти изменения происходят в основном за счет уменьшения занятых в сельском хозяйстве. В брошюре показана полная ликвидация безработицы, изменения в занятости женщин и т. п. Доля городского населения выросла с 31,8% в 1945 г. до 51,5% к концу 1969 г.² В этот период население 23 городов Польши превышало 100 тыс. Варшава стала городом-миллионером (1288,4 тыс. чел.), второй город страны — Лодзь, имел 752,7 тыс. чел.; еще в трех городах, приравненных по статусу к воеводствам (Краков, Вроцлав и Познань), население достигло полумиллиона.

Специальный раздел посвящен динамике населения Воссоединенных Земель. По переписи 1946 г. население здесь составляло около 5 млн. чел. (в том числе только 2,9 млн. поляков); к концу 1969 г. население этих районов (ставшее чисто польским) возросло до 8,6 млн. чел.

Небольшая работа Э. Россета — хороший подарок демографам, этнографам, географам, изучающим проблемы народонаселения социалистических стран.

В. В. Покишишевский

¹ Уже после выхода брошюры в свет в Польше были опубликованы предварительные данные переписи 8 декабря 1970 г. Общая численность населения страны составила 32,7 млн. чел. («Правда», 8 января 1971 г.).

² Предварительные данные переписи 1970 г. определяли долю городского населения в 52,2%.

НАРОДЫ АФРИКИ

Hasani bin Ismail. The Medicine Man. Swifa ya Nguvumali. Edited and translated by Peter Lienhardt, Oxford, 1968, 307 p.

Для этнографии и истории африканского континента устная традиция народов, населяющих его, служит важным источником информации, к которому авторы различных исследований обращаются все чаще и чаще. Поэтому мы с особым удовольствием приветствуем выход в свет публикаций литературных памятников прошлого, например, каталога рукописей и магнетифонных записей, хранящихся в библиотеке университетского колледжа в Дар-эс-Саламе¹ или суахильской поэмы Хасани бин Исмаила «Слово о Нгувумали». Эта поэма, бесспорно, позднего происхождения, но на ее примере еще раз можно убедиться в том, что и в относительно поздних произведениях устного народного творчества может содержаться значительное количество ценной информации, которую уже через несколько десятилетий невозможно будет получить, принимая во внимание те быстрые изменения в самых различных областях жизни, которые так характерны для современной развивающейся Африки.

У этой интересной для африканистов-филологов и этнографов книги фактически три автора. Во-первых, это поэт Хасани бин Исмаил, со слов которого записана поэма; во-вторых, М. Х. Абдулазиз, проделавший литературоведческий анализ текста; в-третьих, Питер Лиенхардт, автор вступительной части, приложений, постраничного комментария к тексту. Им же сделан и перевод с языка суахили на английский.

Но нас в данном случае интересуют не поэтические достоинства произведения Хасани бин Исмаила. Книга привлекает внимание совсем другим. Основная ее ценность для науки заключена в том, что во введении и комментариях заключен большой этнографический материал. Комментируя содержание поэмы и особенно подробно останавливаясь на реалиях языка суахили, Лиенхардт рисует сложную картину духовной жизни африканской деревни этой части континента. Он вводит читателя в тот мир, в котором происходили события, описываемые в поэме о знаменитом знахаре, грозе «колдунов» по имени Нгувумали (само имя в переводе с языка суахили обозначает «сила-богатство»).

В обширном введении к публикации П. Лиенхардт говорит о том, без чего невозможно понять логику жизни африканского крестьянина, образ его мыслей. Достаточно перечислить разделы этой части работы, чтобы понять, что автор касается весьма широкого круга вопросов: 1. Народ побережья и его культура; 2. Сельская жизнь; 3. Семейные отношения; 4. Ислам; 5. Колдуны и знахари.

Как видим, автор затрагивает вопросы, касающиеся всего восточноафриканского побережья, справедливо указывая тем самым на общность духовной культуры населения, живущего на этой территории и говорящего на языке суахили. Факт сосуществования ислама с традиционными африканскими верованиями, приспособление элементов иноземной культуры к культуре аборигенного населения указывает на то, что суахильскую культуру на вышеназванной территории нельзя рассматривать как нечто привнесенное извне, что в основе своей это исконно африканская культура.

В связи с этим написанные П. Лиенхардтом вступительные разделы в известной степени можно рассматривать как введение в изучение духовной культуры народов описываемого региона Африки. Попутно отметим, что данная часть работы написана на основе материалов, собранных самим автором, и это делает книгу особенно интересной и ценной.

Большая часть введения посвящена рассмотрению различных видов магии, которые автор наблюдал, роли магических обрядов в жизни африканской деревни; здесь также подробно анализируется отличие знахара от «колдуна». Особое место в книге уделено попытке выявить пути возникновения различных представлений о сверхъестественном, которые, в свою очередь, вызывают потребность в знахарях и «колдунах». Интересны сведения о путях формирования и структуре групп «колдунов».

Вместе с тем нельзя не отметить и некоторые погрешности. Так, говоря о содержании термина «ваширази» (washirazi), автор утверждает, что слово «ширази» (shirazi) обычно употреблялось как племенное название (tribal name) для вахадиму, вапемба и ватумбату (wahadimu, wapemba, watumbatu) (стр. 15). Это едва ли правильно, так как ни вахадиму, ни вапемба, ни ватумбату не существовали, по крайней мере в исторически обозримом прошлом, ни как отдельные племена, ни как части единого племени. Если вапемба и ватумбату — названия по месту жительства (население о-вов Пемба, Тумбату), то «вахадиму» — слово, заимствованное из арабского языка и обозначающее зависимого сельского жителя о. Занзибар. На языке суахили остров носит название Унгуджа и, следовательно, аналогичная форма должна бы быть «ваунгуджа», слово «вахадиму» имело скорее социальную значимость.

¹ J. W. T. Allen, The Swahili and arabic manuscripts and tapes in the University College, Dar-es-Salaam, a catalogue, Leiden. 1970.

Более того, понятия «ваширази» и «вахадиму» исторически противоположны в социальном смысле, так как словом «ваширази» обозначалась верхушка суахилийского общества, возводившая родословную к пришельцам из района Персидского залива. Эта точка зрения находит подтверждение в том, что сейчас, когда африканское общество быстро изменяется, такие слова как «ваширази» и «вахадиму» выходят из употребления в связи с исчезновением реалий, которые они некогда обозначали. Показательны в этом плане выступления А. А. Каруме, вице-президента Танзании и президента правящей партии на Занзибаре в которых он заявляет, что на Занзибаре нет ни ваширази, ни вахадиму².

Незначительные неточности есть и в переводе поэмы. Все это, однако, не умаляет основных достоинств книги. Основываясь на личных впечатлениях и многочисленных документах, П. Лиенхардт сумел в общих чертах показать специфику духовной культуры населения африканского побережья Индийского океана.

Н. М. Гиренко

² «Uhuru», 24.I.1970.

ВИКТОР МАКСИМОВИЧ ЖИРМУНСКИЙ

Смерть Виктора Максимовича Жирмунского — огромная, невосполнимая потеря. Академик В. М. Жирмунский был крупнейшим советским филологом, оставившим огромный след во всех без исключения отраслях филологии. Ведущую роль играл Виктор Максимович и в области фольклористики, как глава школы сравнительно-исторического изучения фольклора и средневековой литературы, и как автор ряда ценных монографий, многочисленных статей, докладов на международных и общесоюзных конгрессах, как редактор изданий эпосов различных народов и т. д. (общее число его трудов по фольклору — свыше ста, общее число всех его работ примерно в пять раз больше).

Научно-литературная деятельность В. М. Жирмунского началась в 1913 г. серией исследований по немецкому романтизму; первая работа по фольклору — статья об английской народной балладе была напечатана в 1916 г. Во второй половине 20-х годов Виктор Максимович провел капитальное исследование фольклора, диалектологии и этнографии немецких переселенцев (колонистов). Плодом полевой этнографической работы были, в частности, многочисленные тексты и ноты немецких народных песен (около 5000), богатейшие диалектологические материалы и этнографические наблюдения, которые обобщены в капитальной монографии, опубликованной по-немецки в Харькове. Некоторые песни, не известные фольклорным традициям Австрии и Германии, были включены впоследствии в классическое собрание баллад Джона Майера. Обработывая материалы своих экспедиций, В. М. Жирмунский внес вклад в разработку принципов лингвистико-этнографического картографирования. Его идеи в этой области будут учтены в разрабатывающихся ныне в Институте этнографии АН СССР работах по картографированию обрядов и других фольклорных явлений.

Как продолжатель научных традиций академика А. Н. Веселовского В. М. Жирмунский с самого начала проявил большой интерес к исследованиям сравнительно-исторического плана, в том числе в области эпоса. В 1918—1919 гг. он читал в Саратовском университете лекции по сравнительному изучению средневекового эпоса. Однако в 20-е и 30-е годы сравнительно-исторический метод применялся им в основном, в литературоведческих трудах («Байрон и Пушкин» 1924 г., «Гете в русской литературе» 1937 г. и др.). В 1936 г. Жирмунский написал статью о сравнительном литературоведении. Сравнительный метод он использовал также в ряде работ, посвященных «Исторической поэтике» А. Н. Веселовского и в особенности в содержательной обширной статье «Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения», где на первый план выдвинуты как раз фольклорные материалы. С начала войны и почти до конца жизни сравнительные исследования в области эпоса (сохранившегося в формах устного бытования героического эпоса народов СССР, преимущественного тюркоязычных) находились в центре научных интересов В. М. Жирмунского.

В. М. Жирмунский выступил с рядом теоретических докладов по вопросам сравнительного изучения эпоса. Самый значительный из них — программный доклад на IV Международном конгрессе славистов в 1958 году «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса». Написанная совместно с узбекским фольклористом Зарифовым книга «Узбекский героический эпос», монографии

об Алпамыше, Манасе, исследования сказаний об Идиге и его потомках — ногайских богатырях, о средневековом огузском эпосе, о Кёр-оглы, об особенностях тюркского эпического стиха и типах сказителей открыли совершенно новый этап в изучении тюркскоязычных эпосов. В этих работах скрупулезное изучение истории и этнографии тюркских народов, форм устного бытования эпоса, местных школ сказителей и т. п. велось на широком сравнительно-историческом фоне с привлечением материалов эпоса монгольских, славянских, германских и финно-угорских народов (сравнительные материалы особенно широко привлекаются в замечательной книге «Алпамыш и богатырская сказка»). А это, в свою очередь, дало возможность исследователю не только осветить конкретную историю отдельных эпических памятников, но и разработать некоторые важнейшие аспекты теории эпоса (генезис героического эпоса и пути его жанровой трансформации, классификацию жанровых разновидностей эпоса, соотношение эпоса и сказки, поэтическую биографию эпического героя, роль этногенеза в ходе развития и распространения эпоса, вопрос о проницаемости эпоса для международных влияний, соотношение эпоса с историей, вопросы метрики и многие другие).

Вместе с тем В. М. Жирмунский был весьма далек от традиционного «наивного» компаративизма, склонного устанавливать причинно-следственные связи между любыми, хоть в чем-то сходными произведениями и выступал против исследователей, анализирующих всякого рода схождения изолированно от общей картины исторического и художественного развития. В этом плане следует отметить его полемику с так называемой «финской школой» по вопросу о происхождении «Калевалы» и о распространении сказки, а также со сторонниками гипотезы о франко-итальянском (опирающемся на старые культурные связи Далматинского побережья) и германском происхождении южно-славянского эпоса. В. М. Жирмунский показал на ряде примеров, что «бродячие» сказочные сюжеты действительно существуют и что нельзя огульно отрицать миграцию сказок, в том числе из Индии, хотя это явление ограничивается относительно небольшим количеством сюжетов, благоприятными социально-историческими условиями и определенными жанрами.

Вслед за своими предшественниками В. М. Жирмунский четко разграничивал виды сравнения: простое сопоставление, затем историко-генетическое, историко-типологическое и сравнение, устанавливающее связи между явлениями на основе международных культурных взаимодействий, обусловленных исторической близостью народов.

В. М. Жирмунский следовал в разработке сравнительно-исторической методики за А. Н. Веселовским, но он обнаружил слабые места в концепции последнего. Он не мог согласиться с тем, что простейшие мотивы зарождаются самостоятельно, а сюжеты, как сложные комбинации мотивов, передаются путем заимствования, так как вероятность совпадения целых комплексов мотивов крайне незначительна.

В отличие от А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунский показал, что область влияний и аналогий не ограничивается мотивами и сюжетами, а охватывает различные стороны идеологии и художественного стиля. Это позволяет сближать сложные комплексы с учетом национальной специфики, и выявлять внутренние закономерности взаимодействия фольклорных и литературных явлений.

В. М. Жирмунский применял сравнительно-историческую методику чрезвычайно дифференцированно (в соответствии со своей классификацией): главное внимание его было направлено на типологические схождения, в несколько меньшей мере — на генетические (в обоих случаях — с учетом социально-исторической обстановки, обусловившей возможность соответствующих схождений).

В. М. Жирмунский показал, что сказка и баллада были проницаемы для воздействия инонациональных традиций более, чем эпос, и правильно объяснял это явление в частности тем, что героический эпос формируется в ходе этнической консолидации и отражает прежде всего процесс исторического развития от племени к народности и государству; распространение эпоса происходит в значительной степени в ходе этногенеза. Эти идеи блестяще подтверждены им в книге «Сказания об Алпамыше и богатырская сказка», где показано распространение сказаний об Алпамыше по направлениям расселения племен, первоначально входивших в тюркский каганат.

В. М. Жирмунский увязывал типологию сходных мотивов в эпосах различных народов с эволюцией жанра и с определенными стадиями социально-исторического развития. Так, для наиболее ранних ступеней в развитии эпоса, по его мнению, характерно преобладание сходных мотивов, составляющих звенья поэтической биографии героя (чуждесное рождение, наречение имени, добывание коня, сватовство и т. п.), а для эпосов феодальной эпохи — уже другие темы, например, немилость князя к богатырю, который, несмотря на эту немилость, спасает государство от иноземных врагов.

Сравнительно-историческое изучение позволило В. М. Жирмунскому глубоко разработать историческую типологию различных эпических жанрообразований. Он выявил огромную роль так называемой «богатырской сказки» в развитии героического эпоса и возвел непосредственно к богатырской сказке, сказания об Алпамыше, об Алмамбете, о Зигфриде, о Волхе, об огненном Вуке.

В других случаях элементы богатырской сказки используются как поэтический реkvизит, как источник отдельных мотивов. Обращаясь к соотношению эпоса с историческим преданием, В. М. Жирмунский сумел, избегая всяческих крайностей, продемонстрировать разную степень историзма в разных памятниках, на разных ступенях эволюции эпоса, в разные эпохи и у разных народов. Так, историзм незначителен в былинах о Вол-

хе, в эпосе об Алпамыше и весьма значителен в некоторых сказаниях о ногайских богатырях. В. М. Жирмунский с виртуозным мастерством отделяет подлинные исторические реалии (он сам открыл их множество для тюркоязычных эпосов) от псевдоисторических претензий эпосов и особенно некоторых фольклористов, ищущих в эпосе отражения слишком удаленных эпох. Он оставил ряд тонких наблюдений относительно различия устных и книжных эпосов, о генезисе народного романа (отчасти эквивалентного рыцарскому книжному роману), о разнообразных стилевых и метрических формах, о соотношении прозы и стиха в эпосе и т. д.

Будучи филологом-германистом по своей основной специальности, В. М. Жирмунский приступил к изучению тюркского эпоса. Ему удалось сделать целый ряд важных конкретных открытий в этой области и одновременно нарисовать глубоко продуманную синтетическую картину развития и распространения эпоса у многочисленных тюркоязычных народов.

Архаические богатырские поэмы тюрко-монгольских народов Сибири В. М. Жирмунский охарактеризовал как богатырские сказки. Такую же «богатырскую сказку», сложившуюся в предгорьях Алтая в эпоху тюркского каганата, В. М. Жирмунский считал ядром «Алпамыша» (ср. алтайский Алып-Манаш). Сказание об Алпамыше, занесенное огузами в IX—X вв. в низовья Сыр-дарьи, вошло, по его мнению, в эпический цикл Салор-Казана и вместе с ним впоследствии получило отражение в «Китаби Коркут» (рассказ о Бамси Байреке). Кипчакские племена занесли его в Казахстан, Башкирию и на Волгу, о чем свидетельствуют некоторые записи сказок, а кочевые узбеки в начале XVI века принесли его в южный Узбекистан. Сказание получило локализацию в племени кунграт. Здесь же сложилась, наконец, обширная эпопея и возник специфический (по мнению В. М. Жирмунского) и для этой эпопеи, и для других среднеазиатских эпосов исторический фон военных столкновений с калмыками. Древний эпизод «мужа на свадьбе своей жены» в «Алпамыше», как доказывает В. М. Жирмунский, имеет общий с гомеровской «Одессей» восточный источник.

В своих исследованиях о «Манасе» В. М. Жирмунский опроверг гипотезы А. Бернштама и М. Ауэзова о том, что в этом эпосе непосредственно отражаются события из истории енисейских киргизов. Он обратил внимание на целый ряд имен, названий и некоторые другие детали, прямо восходящие к эпохе борьбы с калмыками (ойратами), а также показал тесные связи сказаний о Манасе с «ногайским» эпическим циклом. Находка персидского текста, отразившего более древний этап киргизского сказания о Манасе, подтвердила взгляды исследователя на формирование этой эпопеи. Исключительный интерес представляют до сих пор лишь частично опубликованные результаты разысканий В. М. Жирмунского, относящиеся к сказаниям об Идигэ и ногайских богатырях — его потомках. Эти сказания, как он показал, хотя и вобрали ряд сказочных мотивов (вроде происхождения предков Идигэ от лебединой девы), оказались чрезвычайно богаты верными историческими деталями относительно взаимоотношений Тимура, Тохтамыша и Идигэ и распрей среди потомков знаменитого золото-ордынского Мурзы.

В. М. Жирмунскому также удалось реконструировать предисторию огузского эпоса «Деде-Коркут», выделив среднеазиатский пласт (цикл Салор-Казана), отражающий исторические стычки между огузами и печенегами в районе Аральского моря в IX в.; он внес важные уточнения и в понимание более позднего пласта этого эпоса, связанного с туркмено-трапезундскими отношениями.

В. М. Жирмунским был обследован и огузский по своему происхождению, по широкому бытующий у многих народов, героико-романический эпос о Кёр-Оглы.

Исключительную ценность представляют предложенные В. М. Жирмунским анализы метрических схем тюркского эпоса, его взгляды на роль синтаксического параллелизма в генезисе тюркского народного стиха, а также его выводы об устных формах бытования тюркского эпоса.

Разумеется, в краткой заметке нет возможности дать сколько-нибудь обстоятельный и полный разбор трудов академика В. М. Жирмунского по фольклору, показать его огромный вклад в эту область знания. С годами значение его трудов будет осознаваться все сильнее.

Е. М. Мелетинский

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ В. М. ЖИРМУНСКОГО

- Английская народная баллада. «Северные записки», Пр., 1916, октябрь.
Die deutschen Kolonien in der Ukraine. Geschichte Mundarten. Volkslied. Volkskunde. Charckow. 1928.
Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dniepr, Wien, 1931.
Проблема фольклора. В кн. «Сергею Федоровичу Ольденбургу.
К 50-летию научно-общественной деятельности». Л., 1934.
К вопросу об эпитете. В кн. «Памяти П. Н. Сакулина». Сб. статей «Никитинские суб-
ботники», М., 1931.

- Проблема формы в германском эпосе. В кн. «Временник отдела словесных искусств», т. 4 — «Поэтика». Л., 1928.
- К вопросу о странствующих сюжетах. Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора. «Изв. АН СССР, Отделение общественных наук», 1935, № 9.
- Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний. «Изв. АН СССР, Отделение общественных наук», 1936, № 3.
- Историческая поэтика А. Н. Веселовского. В кн. «Веселовский А. Н. Историческая поэтика» Л., 1940.
- Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения. В кн. «Труды юбилейной научной сессии V, 1819—1944. Секция филологических наук», Л., 1946.
- Узбекский народный героический эпос. М., 1947. (совместно с Х. Т. Зарифовым).
- Среднеазиатские народные сказители. «Изв. Всесоюзного географического об-ва», 1947, вып. 4.
- Введение в изучение «Манаса». Фрунзе, 1948.
- К вопросу о народном творчестве. «Уч. записки Ленинградского пединститута», 1948, т. 67.
- «Калевала» и финская буржуазная фольклористика. В кн. «Труды юбилейной научной сессии, посвященной 200-летию полного издания „Калевалы“». Петрозаводск, 1950.
- Следы огузов в низовьях Сырдарьи. В кн. «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951.
- Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссее» Гомера. «Изв. АН СССР, Отделение литературы и языка», 1957, т. 16, вып. 2.
- Эпическое творчество славянских народов и проблема сравнительного изучения эпоса. М., 1958.
- Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии. В кн. «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М., 1958.
- Что может дать картографирование фольклора славянских народов для выяснения вопроса о возникновении, истории и современном бытовании произведений народного творчества? В кн. «Сборник ответов на вопросы по литературоведению». М., 1958.
- «Китаби Коркут» и огузская эпическая традиция. «Сов. Востоковедение», 1958, № 4.
- История легенды о Фаусте. В кн. «Легенда о докторе Фаусте». М.—Л., 1958.
- Вопросы генезиса в истории эпического сказания об эпосе «Алпамыш», Ташкент, 1959.
- Жизнь и творчество Гердера. В кн. «Гердер И. Г. Избранные сочинения», М.—Л., 1959.
- Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960.
- Легенда о призвании певца. В кн. «Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь академика И. А. Орбели», М.—Л., 1960.
- Германский героический эпос в трудах Андреаса Хойслера. В кн. «Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах», М., 1950.
- Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.—Л., 1962.
- Огузский героический эпос и «Книга Коркута». В кн. «Книга моего деда Коркута». М., 1962.
- Среднеазиатские народные сказители (традиции и творческая импровизация). М., «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», т. VI, М., 1969.
- Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древне-тюркского народного этического стиха. «Вопросы языка», М., 1964.
- К вопросу о международных сказочных сюжетах. В кн. «Историко-фольклорные исследования», М., 1963.
- Пир Атрея и родственные этнографические сюжеты в фольклоре и литературе. «Сов. этнография», 1965, № 6.
- О некоторых проблемах теории тюркского стиха. «Вопросы языкознания», 1968, № 1.
- Epic songs and singers in Central Asia. В кн. Nora K. Chadwick and Victor Zhirmunsky. Oral Epics of Central Asia. Cambridge, 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. М. Дробижева (Москва). Социально-культурные особенности личности и национальные установки (по материалам исследований в Татарской АССР)	3
К. В. Мелик-Пашаян (Ереван). Основные направления этнографических исследований в Армянской ССР	16
Ф. Д. Люшкевич (Ленинград). Термин «тат» как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье	25
Ю. В. Кнорозов (Ленинград). Заметки о календаре майя. Общий обзор, II	33
Т. А. Колева (София). Зимний цикл обычаев южных славян (к вопросу о структурно-типологическом анализе обрядности)	40

Дискуссии и обсуждения

В. М. Суринов (Москва). К определению этнических традиций в земледелии	51
--	----

Сообщения

В. И. Санаров (Новосибирск). Проблемы историко-этнографического изучения цыган	59
Г. В. Жирнова (Москва). О современном городском свадебном обряде (по материалам экспедиции в малые и средние города центральной полосы РСФСР)	68
В. Д. Королюк (Москва). К вопросу об изучении русского народного изобразительного искусства (крестьянские образа «примитивы»)	79
Е. Ф. Иванов (Якутск). «Описание якутов» Я. И. Линденау	89
Р. С. Кочиев (Цхинвали). Редукция зубной системы в этнических группах Кавказа в связи с вопросами их происхождения	96
Э. Г. Александренков (Москва). Этнические группы индейцев Больших Антильских и Багамских островов на рубеже XV—XVI вв.	103
Е. И. Кычанов (Ленинград). Тангутские изречения	113

Поиски, факты, гипотезы

Р. Л. Садоков (Москва). Загадочные глиняные музыканты	120
---	-----

Научная жизнь

А. М. Решетов (Ленинград). Четвертая ежегодная научная сессия в ленинградском отделении Института этнографии Академии наук СССР	132
М. Н. Губогло (Москва). VII Международный конгресс социологов	135
З. П. Соколова (Москва). III Международный конгресс финно-угроведов	142
В. Е. Гусев (Ленинград). На XVII конгрессе фольклористов Югославии	146

Критика и библиография

Общая этнография

И. Эрдели (Будапешт). <i>I. Kiszeli. Sirok, csontok, emberek</i>	148
--	-----

Народы СССР

Е. П. Бусыгин (Казань). <i>Этнография русского населения Сибири и Средней Азии</i>	149
Я. Р. Винников (Москва). <i>Э. Г. Гафферберг. Белуджи Туркменской ССР</i>	151
Т. В. Лукьянченко (Москва). <i>В. Пименов, Е. Эпштейн. Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX вв.</i>	154
Ю. Г. Круглов (Москва). <i>И. Зырянов. Чардынская свадьба</i>	155

Народы зарубежной Европы

В. В. Покшишевский (Москва). <i>Edward Rosset. Przemiany Demograficzne w Polsce</i>	156
---	-----

Народы Африки

- Н. М. Ги́ренко (Ленинград). *Hasani bin Ismail. The Medicine Man. Swifa ya Nguvumali*. Edited and translated by Peter Lienhardt. 158

- Виктор Максимович Жирмунский 160

На первой странице обложки: барельеф на мамонтовой кости «Девушка-богатырь» (по сюжету якутского эпоса «Олонхо») Народный художник Якутской АССР А. В. Федоров

SOMMAIRE

- L. M. Drobijéva (Moscou). Particularités socio-culturelles de la personnalité et orientations nationales (d'après les études en R. S. S. A. de Tatarie) . . . 3
K. V. Mélik-Pachaïyan (Erevan). Directions principales de la recherche ethnographique en R. S. S. d'Arménie . . . 16
F. D. Liouchkiévitch (Léningrad). Le terme «Tat» en tant qu'ethnonyme en Asie Centrale, en Iran et en Transcaucasie . . . 25
Yu. V. Knorozov (Léningrad). Notes sur le calendrier des Maya. Aperçu général, II . . . 33
T. A. Koléva (Sofia). Le cycle hivernal des rites chez les Slaves du Sud (contribution à une analyse typologique structurelle du rituel) . . . 40

Discussions et deliberations

- V. M. Sourinov (Moscou). De la définition des traditions ethniques en agriculture 51

Communications

- V. I. Sanarov (Novossibirsk). Problèmes de l'étude historico-ethnographique des Tsiganes . . . 59
G. V. Jirnova (Moscou). Sur le rituel urbain moderne de nocés (d'après les matériaux d'une mission en villes mineures et moyennes de la région centrale de la R. S. F. S. de Russie) . . . 68
V. D. Koroliuk (Moscou). Contribution à l'étude de l'art populaire russe: icônes paysannes dites primitives . . . 79
Ye. F. Ivanov (Yakoutsk). «Description des Yakouts» par Ya. I. Lindenau . . . 89
R. S. Kotchiév (Zhinvali). Réduction du système dental dans les groupes ethniques du Caucase en rapport avec leurs origines . . . 96
E. G. Aléxandrienkov (Moscou). Groupes ethniques des Indiens de Grandes Antilles et de Bahamas à la limite des XVe et XVIe siècles . . . 103
Ye. I. Kytchanov (Léningrad). Maximes tangoutes 113

Recherches. Faits. Hypotheses

- R. L. Sadokov (Moscou). Les musiciens en argile énigmatiques 120

Vie scientifique

- A. M. RiechétoV (Léningrad). Quatrième session scientifique annuelle à l'Institut d'Ethnographie, Académie des Sciences de l'U. R. S. S. (Section de Léningrad) . . . 132
M. N. Gouboglo (Moscou). VIIe Congrès International des sociologues . . . 135
Z. P. Sokolova (Moscou). IIIe Congrès International pour les études finno-ougriennes . . . 142
V. Ye. Goussev (Léningrad). Au XVIIe Congrès des folklorisants de Yougoslavie . . . 146

Critique et bibliographie

Ethnographie générale

- I. Erdely (Budapest). *J. Kiszely. Sirok, csontok, emberek* 148

Peuples de l'U.R.S.S.

Ye. P. Boussyguine (Kazan). <i>Ethnographie des populations russes de la Sibérie et de l'Asie Centrale</i>	149
Ya. R. Vinnikov (Moscou). <i>E. G. Gafferberg. Les Béloudj de la R. S. S. de Turkménie</i>	151
T. V. Loukiyantchéno (Moscou). <i>V. Pimienov, Ye. Epstein. La Karélie vue par les voyageurs et chercheurs russes des XVIIIe et XIXe siècles</i>	154
Yu. G. Krouglov (Moscou). <i>I. Zyrianov. Les noces de Tchierdyn'</i>	155

Peuples de l'Europe hors l'U.R.S.S.

V. V. Pokchichievski (Moscou). <i>Edward Rosset. Przemiany Demograficzne w Polsce</i>	156
---	-----

Peuples de l'Afrique

N. M. Guirienko (Léningrad). <i>Hasani bin Ismail. The Medicine Man. Swifa ya Nguvumali. Edited and translated by Peter Lienhardt</i>	158
<u>Victor Maximovitch Jirmounski</u>	160

Sur la couverture: un bas-relief en os de mammouth — «Fille-athlète» (d'après le sujet du poème épique yakoute dit «Olonkho»), par A. V. Fiodorov, artiste populaire de la R. S. S. A. de Yakoutie

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 12/III-71 г.	Т-08547.	Подписано к печати 19/IV-1971 г.	Тираж 2410 экз.
Зак. 4526.	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Усл. печ. л. 14,7. Бум. л. 5 ¹ / ₄ .	Уч.-изд. л. 16,4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, хорошо обработанные литературно, в готовом для печати виде, подписанные автором. И текст, и ссылки обязательно должны быть напечатаны на машинке с одной стороны листа через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, домашний адрес, служебный и домашний телефоны.

2. Объем статей не должен превышать 24 стр., рецензий — 8—10 стр. К статьям должно быть приложено краткое резюме ($1/4$ — $1/2$ стр.).

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам. Ссылки помещаются внизу страницы, нумерация ссылок сплошная по всей статье.

4. Порядок ссылок на монографии: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), место и год издания, страница.

5. Порядок ссылок на статьи в журналах и сборниках: инициалы и фамилия автора название работы (без кавычек), название журнала или сборника (в кавычках), год издания, том, выпуск или номер, страница. Все названия журналов и сборников давать без сокращений.

6. Помещенные в одной сноске ссылки на различные работы разделяются точкой с запятой.

7. Классики марксизма-ленинизма цитируются по последнему изданию.

8. Если в статье имеется несколько ссылок на одну и ту же работу, то во всех случаях, кроме первого, после фамилии автора надо писать: Указ. раб. Если в статье имеются ссылки на несколько работ одного автора, то во всех повторных ссылках надо после фамилии автора давать полное название работы без выходных данных.

9. Иллюстрации принимаются только в пригодном для воспроизведения виде (фото — контрастное на белой глянцевой бумаге, рисунки — тушью) в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации должны быть указаны (мягким простым карандашом) фамилия автора и номер иллюстрации. Подписи под рисунками должны быть напечатаны на машинке на отдельной странице в двух экземплярах.